

А. А. Хлезов
СТАЛИН И ВОЙНА

Одинаково трудно удовлетворить читателей, когда пишешь о предметах либо малоинтересных, либо представляющих слишком большой интерес.

Стендаль. Жизнь Наполеона

Чтобы побудить граждан страны защищать её от врага, идеология должна создавать апологетическую картину своего общества, то есть выделять и подчеркивать его достоинства и преуменьшать или вообще замалчивать его недостатки, и давать критически негативную картину общества врага, то есть замалчивать его достоинства и выделять его недостатки.

Зиновьев А. Идеология партии будущего

«Сталин и война». Трудно представить эти два понятия не связанными друг с другом. Без сомнения, жизнь лидера Советского государства, бессменного вождя партии на протяжении без малого трёх десятилетий, человека, несшего на своих плечах беспрецедентную власть и беспрецедентную же ответственность, несводима только к войне. За годы его правления неузнаваемо изменилась и руководимая им страна, и весь миропорядок, к чему он сам имел самое непосредственное отношение и, безусловно, вполне осознавал это. Соединив в своих руках нити управления великой державой и создав одну из наиболее централизованных систем управления в истории, Сталин вынужден был выступать во множестве ролей сразу. Политик, управленец, мыслитель, оратор и литератор, дипломат и психолог — в какой бы из множества своих ипостасей ни предстал перед нами этот человек, в итоге мы рано или поздно придём к тому собирательному и центральному образу, в котором Сталин навсегда запечатлелся в исторической памяти и своих почитателей, и своих непримиримых врагов: образу Верховного Главнокомандующего.

Разумеется, в этом «повинны» не только размеры страны или особенности политической системы. Эпоха Сталина — эпоха двух мировых войн, из которых вторая была продолжением первой, а двадцать лет между ними, как ни смотри, для большинства людей в Европе и для многих — вне её, были заполнены либо попытками забыть войну первую, либо подспудными мыслями о возможности второй. Не будет преувеличением отметить и то, что Россия вынесла на себе самую тяжёлую — и во многом несправедливо ей доставшуюся — часть груза этих войн. И Вторая мировая, открывшаяся нам страшным и кровавым лицом войны Отечественной и Великой, всецело связана со Сталиным. Показательно, что и спустя семь десятилетий после её окончания Россия ищет и находит свою идентичность, свою «особость» и свои силы в опыте той войны, в переживании её промахов и удач, ошибок и побед. Нет оснований полагать, что это прекратится в обозримом будущем — просто новые поколения будут находить и открывать для себя новые грани этой войны. Ведь и мы, после «Живых и мёртвых», «Семнадцати мгновений весны», «Иди и смотри», после распада СССР и мучительного возрождения новой России, книг «ниспровергателей» и «апологетов», видим Великую Отечественную по-своему — что не делает её менее значимой осью координат, без соотнесения с которой немислимо наше самосознание, самоощущение и самооценка.

Времена не выбирают. Эта истина особенно справедлива в нашем случае. Иосиф Виссарионович Сталин большую часть своей жизни не был военным ни в каком смысле этого слова — как, впрочем, не был он и профессиональным политиком или дипломатом. Эпизодические появления на фронтах Гражданской войны, безусловно, ни в какой степени не давали оснований в дальнейшем зачислять его в число полководцев, тем более выдающихся — а ведь это было сделано множество раз. Вспомним хотя бы классическую в этом жанре и неоднократно переиздававшуюся статью/брошюру К. Е. Ворошилова «Сталин и Красная Армия» (1929, к 50-летию Сталина), работу Э. Генкиной «Борьба за Царицын в 1918 году» (1940), юбилейный труд В. Ф. Воробьева «Товарищ Сталин — организатор побед на фронтах гражданской войны» (1949), претендовавший едва ли не на роль священного текста «Краткий курс истории ВКП (б)» и множество других. Однако — отчасти волею обстоятельств, отчасти по собственной инициативе — Сталин к своему полувековому юбилею стал фак-

тически единовластным хозяином самой большой страны на земном шаре. И в этой роли, будучи автоматически ещё и лидером мирового коммунистического движения, Сталин оказался лицом к лицу со вставшими перед ним вопросами обеспечения обороны СССР, открытого экономического и военного противостояния с большинством великих держав, поддержки освободительных движений в колониальных и слаборазвитых странах. С одной стороны — никто не снимал с СССР и его руководства однажды добровольно возложенных на себя обязательств продвижения мировой революции. Расширение «братской семьи советских народов» стояло в повестке дня и в 1927-м, и в 1937-м, и в 1939–1940-м, а реализовалось — пусть и в усечённом виде — в конце 1940-х гг. С другой — ресурсы СССР, традиционно будоражившие воображение промышленников и финансистов «цивилизованного общества», а также его абсолютная идеологическая несовместимость с буржуазным миром со всей неизбежностью ставили в повестку дня новую войну. Вне зависимости от личных амбиций и пристрастий советского вождя, мировая война была дважды запрограммирована и дважды неизбежна: и как столкновение «капиталистических хищников», незавершённое в 1918-м, при котором нам невозможно отсидеться в стороне, и как наша собственная война с капиталистическим окружением. Собственно, и к тому, и к другому советская пропаганда непрерывно, с разной степенью интенсивности в отдельные годы, готовила население страны со времён Гражданской войны.

Но Сталина жизнь заставила стать стратегом всё же достаточно поздно по меркам обычной человеческой жизни. Строго говоря, он всерьёз столкнулся с военной тематикой как раз в том возрасте, в котором большинство советских офицеров оставляло службу, уходя в запас. А ведь далеко впереди — на расстоянии полутора десятилетий — стояло его руководство самой масштабной по задействованным силам серией военных операций в истории человечества. Сталин встретил Великую Отечественную на 62-м году жизни и изо дня в день руководил страной и армией все четыре года войны. А после её окончания организовал обновление ВПК, перестройку Вооружённых сил, их полное техническое переоснащение, первые шаги в атомную эру, создал военный блок от предгорий Альп до Китайского моря и, в общем и целом, достойно выстоял первый раунд Холодной войны. Забегая далеко вперёд, отметим, что сама сложность этой задачи, а также то,

что недоучившийся семинарист Сосо Джугашвили в целом с ней успешно справился, не могут не вызывать искреннего уважения и даже удивления.

С другой стороны, коль скоро система была беспрецедентно централизована — все промахи и ошибки, реальные и мнимые, столь же неразрывно связывались современниками (реже) и потомками (чаще) единственно с ним же, с Иосифом Сталиным. В вину ему ставили и разорение страны в угоду построению военно-промышленного комплекса, и репрессии в армейской среде, и пакт Молотова — Риббентропа, и оккупацию европейских стран. И уж, конечно — в первую очередь — трагические неудачи первых полутора лет войны, чудовищные людские и территориальные потери, всю кровь, которой захлебнулось гитлеровское нашествие и всё то, что советские люди недополучили и недоощутили потом, после войны.

В общем, нет сомнения, что за десятилетия, прошедшие после смерти вождя, с его именем связали необозримое количество фактов, событий и процессов, имеющих отношение к военной истории Советского Союза, да и к военной истории XX в. в целом. Справедливо это, или нет — отделить их от Сталина уже не получится. Масштаб его личности и деятельности таков, что отбрасывает тень (или отблеск — кому как нравится) на всю эпоху, и мы не станем бороться с очевидным. В течение трёх десятилетий И. В. Сталин находился у руля военной машины Советского государства, и около двадцати лет из них управлял ею фактически единолично. Попробуем — по возможности непредвзято — разобраться в том, как и насколько ему это удалось.

* * *

Предлагаемая читателю книга посвящена вполне отчётливо очерченной теме — Сталину в роли организатора и руководителя советских Вооружённых сил и в роли полководца Великой Отечественной. Вместе с тем, конечно, в реальной жизни всё соединено неразрывно, и абстрактной «военной деятельности» просто не существует. Невозможно отделить сталинские привычки частной жизни или способы организации своего времени от руководства фронтами; нельзя не учитывать, что литературные вкусы или музыкальные пристрастия Иосифа Виссарионовича влияли на стилистику формулировок приказов Ставки ВГК или на осуществление советской дальневосточной политики. В конце

концов, важно лишь уметь видеть эту взаимосвязь процессов и явлений.

Именно поэтому читателю предлагается антология текстов, высвечивающих деятельность Верховного с самых различных сторон. Это не просто взгляды pro и contra — это порой совершенно разные слои той удивительной исторической реальности, которую представлял Советский Союз, его военное руководство и лично Сталин в наиболее сложный и смертельно для них опасный период — в 1930-е и 1940-е гг. Под обложкой этой книги, не считая составителя — 33 автора. Такое «сакральное» число получилось почти случайно, но в этой случайности есть, видимо, некоторая закономерность. Тридцать три оживающих голоса — достаточный хор для того, чтобы хоть немного разобраться в эпохе и в человеке. Впрочем, один из этих голосов — сам Сталин. Так что можно представить себе и иную картину: тридцать три взгляда на Верховного Главнокомандующего. Взгляды, нередко абсолютно исключают друг друга, непримиримые и жёсткие в своей однозначности. Взгляды, глубокие и заинтересованные, преследующие главную и оправдывающую всё цель: понять и разобраться.

Но, если не останавливаться надолго на мистике и нумерологии (а этой стороне вопроса как раз посвящён один из приводимых в сборнике текстов), стоит признать одну самоочевидную истину.

О Сталине-полководце (как и о Сталине вообще) написано много — и у нас, и за рубежом. Написано по-разному. При этом, анализируя «Сталиниану», неизменно приходишь к выводу, что в ней фактически нет нейтральных и спокойных оценок. Как бы ни старался автор быть объективен и беспристрастен, в его палитре обязательно будут яркие цвета. У кого-то портрет получается строгим и чёрно-белым. У кого-то — исключительно чёрным и сугубо зловещим. Сталин в изображении третьих — скорее позолоченная статуя, немногочисленных четвёртых — многоцветный коллаж. Неизменно, пожалуй, одно — о нём практически не пишут спокойно. Думается, это неслучайно, поскольку масштаб деятельности Сталина давно вывел его в разряд величайших фигур мировой истории, а его военно-организаторская работа оставила неизгладимый след в памяти страны, которой он управлял и которую он привёл к Победе. Непримируемость позиций является лучшим доказательством этого масштаба, поскольку история перестаёт быть актуальной в тот момент, когда о ней перестают спорить.

Тема Сталина-полководца всегда привлекала достаточно широкое внимание. Начать с того, что лидеры государств, а великих держав — в особенности, с неизбежностью вынуждены, хотя бы и против своей воли, примерять на себя мундиры и исполнять роль военачальников. Что уж говорить о государствах, привычно относимых в наши дни к категории «тоталитарных» (впрочем, сам этот термин вызывает массу вопросов), в которых военная деятельность, как правило, окружена особым почётом, а политическая система и отношения с другими странами делают почти неизбежной «игру мускулами», военные парады, милитаризацию гражданской жизни и, в итоге, почти всегда — более или менее масштабную войну. Не будем удаляться в коридоры времени — XX столетие подарило нам блестящую команду президентов и монархов, диктаторов и узурпаторов, вовлекавших свои народы в войны и конфликты и — с большим или меньшим мастерством — руководивших ими. Но, без сомнения, межвоенный период и годы Второй мировой исторически уникальны. В силу вечной иронии Клио современниками — союзниками и противниками — оказались сразу несколько персонажей, каждый из которых достойно претендовал на своё место и в пантеоне государственных деятелей, и в зале славы полководцев. И Уинстон Черчилль, и Адольф Гитлер, и Бенито Муссолини обособленно рассматривались современниками и потомками и как государственные и партийные деятели, и как военные лидеры. В безусловно меньшей, но вполне достойной степени, по крайней мере, как стратег-логист, проявил себя и Франклин Делано Рузвельт. Неотделимы от своих военных мундиров и регалий лидеры «регионального уровня» — такие, как Шарль де Голль, Иосип Броз Тито или Франсиско Франко. Но на этом фоне Иосиф Сталин смотрится по-особому, и вот почему.

Думается, мы не ошибёмся, если примем как аксиому то, что за прошедшее столетие Российская Империя — Советский Союз — Российская Федерация пережила две фазы наибольшей значимости в международных делах. Первая пришлась на период середины 1930-х — середины 1940-х г., вторая — на вторую половину 1970-х. Обе были связаны не с неординарными экономическими, социальными или художественными успехами (хотя и эти факторы тоже в определённой степени имели место), а с военно-стратегическими достижениями.

В рамках первой фазы в СССР были созданы беспрецедентные по численности, насыщенности техникой и, так сказать, «заяв-

ленной мощности» вооружённые силы. Несмотря на проблемы конца 30-х и катастрофические поражения первой половины Великой Отечественной войны, с 1944 г. эти вооружённые силы, поддержанные обеспечивающей их промышленностью, не только покорили половину Европы и часть Азии, но и дали возможность беспрецедентного дипломатического и психологического давления на всех потенциальных противников — в первую очередь США. Последние, даже с опорой на своих сателлитов, были неспособны адекватно парировать данную угрозу хотя бы и использованием ядерного оружия, и прекрасно осознавали это обстоятельство.

В рамках второй фазы был достигнут вполне адекватный паритет ядерных и неядерных сил с Западом, хронологически совпавший с наивысшим уровнем развития экономики Советского Союза (по некоторым оценкам, пиковый уровень был достигнут в 1977 г., после чего наступил «застой») и способствовавший сохранению равновесия на международной арене. Обе фазы неразрывно связаны с деятельностью И. В. Сталина по переустройству государства и армии: первая непосредственно, вторая — опосредованно, но достаточно тесно. Стоит добавить к этому, что современная Россия продолжает жить в шлейфе достижений и проблем, союзников и врагов, доставшихся ей «по наследству», и преимущественно — от сталинского периода, поэтому опыт решений и ошибок Сталина в деле обеспечения обороны не теряет своей значимости.

Почему именно Сталина? Ответ лежит на поверхности. В силу объективных и субъективных причин в Советском Союзе к концу 1930-х гг. была создана политико-административная система, предусматривавшая, выражаясь максимально корректно, беспрецедентную централизацию в вопросах выработки, принятия и проведения в жизнь стратегических и тактических решений любого типа. Эта формулировка более адекватна, чем нередко употребляемый пассаж о централизации власти. В условиях огромной страны и традиционно громоздкого управленческого аппарата (который, к тому же, резко вырос численно в первое десятилетие советской власти¹) централизация абстрактной «власти» была просто нереальна: известно, что случаев самоуправства и «перегибов на местах» имелось более чем достаточно, а наркомы, директора

¹ Бешанов В. В. По своим артиллерия бьёт. Слепые Боги войны. М.: Яуза-пресс, 2013. С. 39–40.

заводов, военпреды, как явствует из мемуаристики, нередко шли на риск нарушения заведомо неприемлемых инструкций, не неся за это ответственности². Речь идёт именно о выработке генеральной линии и её реализации в деталях. При этом руководство было предельно персонифицировано и замкнуто лично на И. В. Сталина, вынужденного вникать порой в вопросы, которые в принципе, казалось бы, не относятся к ведению лидера государства.

И в этом вопросе опыт СССР, конечно, не имеет аналогов. Из великих держав той эпохи ни Великобритания, ни США, ни Франция, как страны с типичным буржуазно-демократическим устройством, просто не имели ни институтов непосредственного вмешательства первых лиц государства в материально-техническое, идеологическое и собственно военное планирование и целеуказание. Не существовало там и столь централизованной системы выработки решений и выдачи оборонных заказов. Сама неизбежность регулярной смены лидеров при демократической системе, превращающая их в выборных чиновников, исключала подлинную ответственность таковых за перевооружение страны и подготовку её к войне, да, в известной степени, и за сами военные действия. Наверное, нет ничего показательнее (в горько-анекдотическом смысле) того, как вытянувший на себе всю войну Уинстон Черчилль не вернулся на Потсдамскую конференцию, поскольку не был переизбран «благодарными соотечественниками». Ну, а свойственная демократическим странам традиция сегрегации сфер деятельности между государственно-политическим и военным руководством окончательно привязывала заботу об обороне и нападении к сфере компетенции военных ведомств.

Казалось бы, централизованная сталинская система должна иметь много общего с системами его противников: не так уж редко теперь сравнивают между собой режимы Сталина и Гитлера, например. Но, вопреки ожиданиям, и по другую сторону фронта, среди так называемых диктаторских и тоталитарных режимов, прямых аналогов советской системе нет. Так, в Японии, безусловно, мы видим картину вполне коллективного определения военно-стратегических вопросов штабным генералитетом, почти не предполагающую вмешательства микадо, или же единоличных решений самих военных. К тому же ситуацию осложнял извечный разлад между армейским и флотским офицерством,

² Шахурин А. И. Крылья победы. М.: Политиздат, 1990. С. 230–292.

невероятно мешавший японцам спокойно планировать кампании и воевать. Бенито Муссолини отдавал дань общему для авторитарных лидеров влечению к парадно-пропагандистской стороне вопроса, и, к тому же, постоянно старался соответствовать стандартам прямого продолжателя дела Римской империи. В итоге он не проявил себя сколько-нибудь ярко ни в технической, ни в глубоко военной сфере, лишь в меру разума и сил эксплуатируя первоклассный военно-промышленный комплекс Италии.

Адольф Гитлер, казалось бы, сосредоточил в своих руках огромную власть и расчистил политическую арену от явных противников. И даже он, — в силу как серьёзной зависимости режима от частно-монополистического капитала Германии, так и фактического разделения немецкого Генштаба на несколько самостоятельных ведомств, — попросту не располагал надёжной системой «обратной связи» и механизмами для эффективного руководства. Гитлеру так и не удалось решить проблему борьбы кланов и группировок внутри собственного генералитета. Легендарную фразу Германа Геринга «Всё, что летает — моё», даже при всей её условности и с учётом контекста, трудно представить в устах маршалов А. А. Новикова или А. Е. Голованова: всё, что летало у нас — летало, безусловно, по благословию Сталина. И. В. Сталину, во всяком случае, удалось минимизировать в своем окружении групповые интриги генералитета и откровенное конструкторское лоббирование проектов — хотя и не устранить эту проблему как таковую.

Именно в силу этого личная роль и личная ответственность Сталина в выработке и коррекции военной доктрины Советского Союза, обеспечении обороноспособности, руководстве войсками, управлении военной промышленностью и принятии стратегических решений неординарно велика.

Именно поэтому неприемлемы как истерично-восторженные, так и истерично-глумливые крайности в оценках Верховного Главнокомандующего. Непогрешимый гений не увидел бы немецкие танки на Волоколамском шоссе и улицах Сталинграда; психически неуравновешенный мизантроп не дожился бы до возможности диктовать свою волю в Ялте и Потсдаме. Истина, если и не посередине — то уж однозначно не в крайностях.

* * *

Пытаясь осмыслить и представить себе во всей возможной полноте военную составляющую деятельности Иосифа Сталина,

уместно хотя бы в общих чертах сформулировать те основные ракурсы, с которых эта деятельность просматривается, те сюжеты, которые были и остаются актуальными для оценки его вклада в военную историю Советского Союза. Они в целом достаточно очевидны.

Важным и существенным является осознание нами стартовой позиции — тех военных и околовоеенных качеств и способностей, которыми располагал Сталин до прихода к единоличной власти. Опыт подполья и революционной деятельности, знакомство с фронтовой реальностью Гражданской войны, связь с событиями в армии 1920-х гг. имели принципиальное значение для формирования военного мировоззрения, пристрастий и вкусов, заблуждений и ошибок Сталина, которые проявляли себя не только в годы войны, но порой и после неё, с наступлением атомной эпохи.

Далее, едва ли не самой значимой на фоне остальных является деятельность Сталина в сфере создания и отладки военно-промышленного комплекса. Несмотря на попытки подчеркнуть достижения царской России в последние десятилетия её существования в области промышленности и военного производства³, картина досоветского состояния ВПК остаётся безрадостной — и, судя по всему, такой и останется. Примитивная по меркам развитых стран производственная база на корню обесценивала любые — и гениальные, и заурядные — результаты деятельности многочисленных конструкторов, армейских изобретателей и прочих русских самородков. Хроническая зависимость дореволюционной России от военных поставок союзников так и не была преодолена. А очевидные успехи в производстве боеприпасов к 1917 г. не могли иметь серьёзных последствий, да и не отменяют главного: военпром не создают в ходе мировой войны, это нужно делать заранее.

Беспрецедентное разорение эпохи Гражданской войны внесло свой вклад. В результате стартовые условия советского военпрома 1920-х гг. (впрочем, как и всей промышленности) были не просто плачевными, но удручающими. В этой обстановке создание в течение двух первых пятилеток производственных

³ Бешанов В. В. 1) «Пирровы победы» Сталина. Кровавая изнанка триумфов Красной Армии. М.: Яуза-Пресс, 2011. С. 5–8; 2) По своим артиллерия бьёт. Слепые Боги войны. М.: Яуза-пресс, 2013. С. 5–31.

мощностей, способных осуществлять выпуск военной продукции на уровне наиболее развитых промышленных стран, представляется одной из важнейших тем, связанных с военной деятельностью Сталина. Собственно, без этой главы в истории страны последующих глав, скорее всего, просто бы не было.

Столь же важна роль Сталина в отборе и подготовке кадров формирующейся армии. Пожалуй, самая сложная часть этой темы — проблема репрессий в армейских кругах, и даже не столько сама эта проблема (с моральной или юридической точек зрения), сколько оценка реального влияния репрессий на боеспособность армии и, следовательно, на ведение боевых действий в 1938–1945 гг.

Далее, большой интерес представляет участие И. В. Сталина в разработке военной доктрины СССР, а также в принятии на вооружение многочисленных образцов военной техники и боевых средств, в перевооружении армии — поскольку не вызывает сомнения, что «гонка вооружений по-советски» до войны имела два этапа. Видимо, к разряду этой непосредственной подготовки к будущей войне принадлежат и вопросы внешнеполитического курса Советского Союза на рубеже 1930-х и 1940-х гг.

Серьёзнейшей проблемой является анализ роли Сталина в начальный период Великой Отечественной войны и само начало таковой — своего рода «проблема 22 июня». С самого начала войны недоумение от диссонанса между ожидаемым его сценарием и реальной действительностью невозможно было погасить никакими разъяснениями. К концу войны и после неё вопрос оказался перекрыт нашими очевидными победами и колоссальным авторитетом Верховного, как бы ушёл в глубину, однако был реанимирован Н. С. Хрущёвым в его знаменитом докладе XX Съезду КПСС. Впрочем, объяснения трагического начала войны в те времена давались достаточно топорные, а для самого покойного Верховного Главнокомандующего — едва ли не оскорбительные. Не слишком изменилась их аргументация и в последующие десятилетия, пока не случился прорыв 90-х, в основном связанный с появлением книг Виктора Суворова (В. Б. Резуна). Без преувеличения, тематика начала Великой Отечественной стала едва ли не доминирующей в современной Сталиниане.

Другой сюжет — во многом, собственно, основной для нас — оценка реальных полководческих способностей И. В. Сталина и его роли в руководстве армией и военпромом в годы войны. Бу-

дучи ключевой, эта тема, тем не менее, абсолютно нераскрываема без всех тех, что приведены выше, поскольку и сформирована ими полностью. Именно об этой полководческой деятельности Верховного и повествует основная масса мемуарной литературы, именно она является предметом взаимоисключающих высказываний в основном эмоционального и публицистического свойства. В то же время, серьёзных академических исследований феномена Сталина-полководца на удивление мало.

Наконец, в качестве важнейшей проблемы должна быть названа проблема послевоенного строительства Вооружённых Сил. В условиях послевоенной разрухи и появления принципиально новых вооружений, начала Холодной войны, угрозы прямого ядерного и неядерного конфликта с Западом, а также втягивания СССР в локальные конфликты развивающегося мира, Сталин в последний раз проявил себя в качестве военного деятеля, корректирующего военную доктрину страны и определяющего вектор её развития на долгие годы вперёд.

Возможна и другая шкала. Она достаточно подробно сформулирована Константином Симоновым в его набросках и подготовительных материалах к книге «Глазами человека моего поколения». Сохранился список вопросов, касающихся Великой Отечественной, которые Симонов, приступая к работе, сформулировал для себя в качестве ориентира для бесед с военачальниками в ходе работы над второй частью этой книги:

1. Было или не было происшедшее в начале войны трагедией?
2. Нес ли Сталин за это наибольшую ответственность по сравнению с другими людьми?
3. Было ли репрессирование военных кадров в тридцать седьмом — тридцать восьмом годах одной из главных причин наших неудач в начале войны?
4. Была ли ошибочная оценка Сталиным предвоенной политической обстановки и переоценка им роли пакта одной из главных причин наших неудач в начале войны?
5. Были ли эти причины единственными причинами неудач?
6. Был ли Сталин крупной исторической личностью?
7. Проявились ли в подготовке к войне и в руководстве ею сильные стороны личности Сталина?
8. Проявлялись ли в подготовке к войне и в руководстве ею отрицательные стороны личности Сталина?
9. Какая другая концепция в изображении начала войны может существовать, кроме как периода трагического в истории нашей страны, когда мы были в отчаянном положении, из которого вышли ценой

огромных жертв и потерь, благодаря невероятным и героическим усилиям народа, армии, партии?⁴

Как несложно заметить, симоновская схема, его программа анализа, боле узка и детальна в частностях. Она всецело посвящена трагедии войны, в то время как мы ставим задачу чуть более широко. Некоторое недоумение вызывает шестой пункт — в масштабе личности Сталина трудно усомниться адекватному человеку любых политических взглядов. Но, в целом, все остальные поставленные вопросы волнуют нас и сейчас — не меньше, чем тогда, в 70-х гг. прошлого уже века, когда они были сформулированы. Правда, эпоха всегда проскальзывает в тексте: симоновский опросник — классическое дитя XX съезда; он является плодом двадцатилетней рефлексии на шок развенчания «культы личности» и словно стремится ответить на вопросы, поставленные в докладе Хрущёва, ответить по-своему, максимально объективно — но сами вопросы были тогда поставлены достаточно конъюнктурно, поспешно и узко...

Подчеркнём: во всём вышеизложенном нет оценок — есть лишь постановка проблем. Военная деятельность Сталина продолжает оставаться объектом неподдельного интереса, вызывая всё новые вопросы, и не факт, что ныне живущее поколение сможет дать на них удовлетворяющий его ответ, а поколения последующие — принять этот ответ как аксиому.

* * *

Как уже было сказано, Сталин не располагал не только фронтовым, но и сколько-нибудь осязаемым военным опытом, полученным в молодые и даже в зрелые годы. Разумеется, экспроприации в пользу партии и достаточно широкое участие в низовых, элементарных формах вооружённой революционной борьбы в активе у Иосифа Джугашвили были, однако рассматривать их как существенное подспорье в подготовке будущего главнокомандующего вряд ли уместно. Справедливости ради, впрочем, надо заметить, что такой путь в целом типичен для многих революционных вождей нового и новейшего времени. Сошлёмся хотя бы на опыт кубинской революции, совершённой под руко-

⁴ *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. Лазарь Ильич Лазарев. «Для будущих историков нашего времени» (последняя работа Константина Симонова). М., 1988. С. 12.

водством людей, вышедших из рядов интеллигенции, но вполне успешно в дальнейшем осуществлявших полководческие функции. Правда, масштаб России предъявлял потенциальным вождям повышенные требования.

Реальные возможности проявить себя в качестве стратега предоставила Сталину Гражданская война. Ворошилов охарактеризовал место Сталина в этой войне весьма масштабно:

В период 1918–1920 гг. товарищ Сталин являлся, пожалуй, единственным человеком, которого Центральный комитет бросал с одного боевого фронта на другой, выбирая наиболее опасные, наиболее страшные для революции места. Там, где было относительно спокойно и благополучно, где мы имели успехи, — там не было видно Сталина. Но там, где в силу целого ряда причин трещали красные армии, где контрреволюционные силы, развивая свои успехи; грозили самому существованию советской власти, где смятение и паника могли в любую минуту превратиться в беспомощность, катастрофу, — там появлялся товарищ Сталин. Он не спал ночей, он организовывал, он брал в свои твердые руки руководство, он ломал, был беспощаден — и создавал перелом, оздоравливал обстановку. Сам товарищ Сталин писал об этом в одном из писем в ЦК в 1919 г., говоря, что его «превращают в специалиста по чистке конюшен военного ведомства»⁵.

Разумеется, красный нарком, чрезвычайно многим обязанный Сталину, нарисовал эту вполне эпическую картину, мягко говоря, с некоторыми преувеличениями. Однако сам перечень занимаемых И. В. Сталиным постов в этот период не позволяет усомниться в его вовлечённости в решение военных вопросов молодого Советского государства. Сталин был председателем Военного совета Северо-Кавказского военного округа с июня по сентябрь 1918 г., с октября 1918-го до июля 1919 г. (а затем с мая 1920-го по апрель 1922 г.) — членом Реввоенсовета Республики и представителем ВЦИК в Совете рабочей и крестьянской обороны. Четырежды Сталин входил в состав Реввоенсоветов конкретных фронтов: Реввоенсовета Южного фронта (в сентябре-октябре 1918 г.), Западного фронта (июль-сентябрь 1919 г.; в этот же период — также чрезвычайный уполномоченный Совета рабочей и крестьянской обороны), вновь Южного фронта (октябрь 1919 г. — январь 1920 г.) и Юго-Западного фронта (январь-август 1920 г.).

⁵ Ворошилов К. Е. Сталин и Красная Армия. М., 1939. С. 8–9.

До осени 1918 г. деятельность И. В. Сталина преимущественно была связана с хлебозаготовками на Северном Кавказе и организацией гражданского управления и обороны в Царицыне и, по словам того же Ворошилова, носила поначалу почти случайный характер: «В начале июня 1918 г. товарищ Сталин с отрядом красноармейцев и двумя автоброневиками направляется в Царицын в качестве руководителя всем продовольственным делом юга России. В Царицыне он застаёт невероятный хаос не только в советских, профессиональных и партийных организациях, но ещё большую путаницу и неразбериху в органах военного командования. Товарищ Сталин на каждом шагу наталкивается на препятствия общего характера, мешающие ему выполнить его прямую задачу»⁶. Первый эпизод непосредственной военно-стратегической деятельности Сталина связан с первой и второй попытками штурма Царицына войсками генерала П. Н. Краснова, в итоге успешно отражёнными. 19 октября, как раз в день решающего перелома на фронте и отступления белых, Сталин выехал с фронта в Москву. О результатах деятельности И. В. Сталина летом 1919 г. Ворошилов отзывался так: «Физиономия Царицына в короткий срок стала совершенно неузнаваема. Город, в котором ещё недавно в садах гремела музыка, где сбежавшая буржуазия вместе с белым офицерством открыто толпами бродила по улицам, превращается в красный военный лагерь, где строжайший порядок и военная дисциплина господствовали надо всем. Это укрепление тыла немедленно сказывается благотворно на настроении наших полков, сражающихся на фронте»⁷.

Следующим эпизодом военной биографии И. В. Сталина стало участие (в январе 1919 г.) совместно с Ф. Э. Дзержинским в комиссии по расследованию причин сдачи красноармейскими отрядами Перми войскам А. В. Колчака. Итогом стали несколько писем, адресованных руководителями комиссии лично Ленину, а также детальнейший итоговый отчёт на нескольких страницах, с подробным описанием обстановки и событий и чётко структурированными выводами⁸. Как явствует из текста, сама по себе эта работа явилась для её авторов серьёзной школой чужих ошибок. Приведём лишь небольшой фрагмент выводов отчёта, бегло знакомящий нас с проблематикой тех дней:

⁶ Там же. С. 9.

⁷ Там же. С. 11.

⁸ *Сталин И. В.* ПСС. Т. 4. С. 185–224.

Нужно покончить с войной без резервов, необходимо ввести в практику систему постоянных резервов, без коих немислимы ни сохранение наличных позиций, ни развитие успехов. Без этого катастрофа неминуема.

Но резервы могут пойти впрок лишь в том случае, если старая система мобилизации и формирования, усвоенная Главным штабом, будет изменена в корне, а состав самого Главного штаба будет обновлен.

Необходимо, прежде всего, строго делить мобилизованных на имущих (ненадежные) и малоимущих (единственно пригодные для красноармейской службы).

Необходимо, во-вторых, мобилизованных в одном месте отправлять для формирования в другое место, причем отправка на фронт должна происходить по правилу: «чем дальше от родной губернии, тем лучше» (отказ от территориального принципа).

Необходимо, в-третьих, отказаться от формирования больших, громоздких единиц (дивизий), непригодных для условий гражданской войны, объявив предельной боевой единицей бригаду.

Необходимо, в-четвертых, установить строгий непрерывный контроль над окрвоенкомиссариатами (предварительно обновив их состав), вызывающими среди красноармейцев возмущение (в лучшем случае массовое дезертирство) своим преступно небрежным отношением к делу расквартирования, довольствования, обмундирования формируемых частей.

Необходимо, наконец, обновить состав Всероссийского бюро комиссаров, снабжающего воинские части мальчишками-«комиссарами», совершенно неспособными к постановке сколько-нибудь удовлетворительной политической работы.

Несоблюдение этих условий приводит к тому, что наши формировочные учреждения поставляют на фронт не столько Красную, сколько «народную армию», причем слово «комиссар» превратилось в ругательную кличку.

В частности, для сохранения боеспособности третьей армии абсолютно необходимо немедленно снабдить ее резервами в количестве по крайней мере трех надежных полков⁹.

Помимо узнаваемости будущего стиля Верховного, знакомого нам по многочисленным приказам и резолюциям времён Великой Отечественной, отметим, что здесь затронут ряд проблем организации армии, её комплектования и руководства ею, которые не только вставали перед красными командирами до и в ходе будущей войны, но отчасти сохраняют свою актуальность и сегодня. Во всяком случае, нет никакого сомнения, что Сталин не просто «комиссарил» в штабе, но серьёзно ознакомился с ходом

⁹ Там же. С. 208–209.

боевых операций и детально вникал в многочисленные и порой серьёзнейшие ошибки руководства ими.

Достаточно хорошо известна деятельность Сталина весной-летом 1919 г. в контексте отражения наступления Северного корпуса А. П. Родзянко и С. С. Булак-Балаховича на Петроград. В центре внимания оказывались преимущественно вопросы материально-технической готовности войск и флота. Так, в записке Ленину от 25 мая он пишет:

...Сегодня посмотрел наши карельские укрепления и нашел, что в общем положение сносное. Финны упорно молчат и странным образом не использовали случая, но эта странность находит свои объяснения в том, что у финнов внутри положение становится все более неустойчивым, как уверяют нас знакомые с делом финские товарищи.

Сегодня мне показали предложение Главкома о сокращении флота в связи с топливным кризисом. Я имел по этому поводу совещание со всеми нашими морскими работниками и пришел к убеждению в совершенной неправильности предложения Главкома. Мотивы: первое — крупные единицы, в случае если они будут превращены в плавучие плоты, лишатся возможности привести в действие орудия, то есть последние просто не будут стрелять, так как между движением корабля и действием пушки имеется прямая связь; второе — неверно, что у нас нет крупных снарядов, на днях «открыто» двенадцать барж снарядов; третье — топливный кризис проходит, ибо мы сумели уже накопить четыреста двадцать тысяч пудов угля, не считая мазута, причем ежедневно получаем по поезду угля; четвертое — я убедился, что наш флот превращается в действительный флот с дисциплинированными матросами, готовыми защищать Петроград всеми силами.

Я не хочу называть здесь количество уже готовых боевых единиц, но считаю своим долгом сказать, что наличными морскими силами мы могли бы с честью оборонять Петроград от каких бы то ни было покушений с моря.

Ввиду всего этого, я, как и все питерские товарищи, настаиваем на отклонении предложений Главкома.

Затем считаю абсолютно необходимым довести подвоз угля до двух поездов ежедневно, в продолжение трех-четырех недель. Это даст, по уверению наших морских работников, полную возможность нашему флоту подводному и надводному окончательно встать на ноги»¹⁰.

Однако ещё более значимый и весьма специфический опыт действий в экстремальной ситуации Сталин приобрёл в ходе

¹⁰ Там же. С. Т. 4. С. 258–260.

организации и проведения операции по подавлению мятежа на фортах «Красная Горка», «Серая лошадь» и «Обручев». При всех ошибках восставших и общей невыгодности их положения неустойчивость многих частей а, главное, наличие в Финском заливе английского флота, делали ситуацию крайне опасной для большевиков. Широко известна телеграмма Сталина Ленину, датированная 16 июня 1919 г.:

Вслед за Красной Горкой ликвидирована Серая Лошадь. Орудия на них в полном порядке. Идет быстрая проверка всех фортов и крепостей.

Морские специалисты уверяют, что взятие Красной Горки с моря опрокидывает морскую науку. Мне остается лишь оплакивать так называемую науку. Быстрое взятие Горки объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных.

Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой¹¹.

Представляется, что именно эта операция, наслоившись на опыт предшествующих «чрезвычайных командировок» Сталина, особенно укрепила в нём уверенность в собственных способностях, недоверие к «военспецам» и убеждённость в том, что «не боги горшки обжигают». Мы уже никогда не узнаем, как сам Сталин оценивал свой талант полководца, но нельзя сомневаться в том, что после года соприкосновения с армейскими реалиями, некоторые основания считать себя компетентным в военных вопросах у него всё же были.

Затем последовал не слишком удачный период деятельности на Западном фронте, отступавшем из Прибалтики и Белоруссии, где Сталин в летние месяцы не проявил себя сколько-нибудь заметно. Относительно незначительной была роль Сталина и в операциях на Донбассе и Северном Кавказе против войск А. И. Деникина, по разгрому корпусов Мамонтова и Шкуро осенью 1919 г. В 13-м издании своих мемуаров (правда, вышедшем уже после смерти автора) маршал Г. К. Жуков так отреагировал на прижизненную оценку сталинской деятельности:

Те, кто в свое время считал, что план разгрома Деникина принадлежит лично И. В. Сталину, слишком упрощают вопрос.

¹¹ Там же. С. Т. 4. С. 261.

К. Е. Ворошилов в своей статье о И. В. Сталине в день его семидесятилетия писал: «Осень 1919 года памятна всем. Наступал решающий, переломный момент всей гражданской войны... Белогвардейские полчища и Деникин подходили к Орлу... Надо спасать положение. И на Южный фронт ЦК посылает в качестве члена РВС товарища Сталина... Сталин немедленно принимает решение. Он категорически отвергает старый план, выдвигает новые предложения и предлагает их Ленину.

План товарища Сталина был принят Центральным Комитетом. Ленин собственной рукой написал приказание полевому штабу о немедленном изменении изжившей себя директивы... Результаты известны: перелом в гражданской войне был достигнут. Деникинские полчища были опрокинуты в Черное море. Украина и Северный Кавказ освобождены от белогвардейцев. Товарищу Сталину во всем этом принадлежит громадная заслуга».

Мы, конечно, делаем скидку на то, что эта статья юбилейная и К. Е. Ворошилову хотелось написать такую душещипательную статью.

Как известно, стратегический план разгрома основной группировки врага включает в себя не только выбор направления главного удара, но и решение ряда крупнейших оперативно-стратегических, материально-технических вопросов. Прежде чем предложить оперативно-стратегический план разгрома врага, нужно хорошо изучить группировку, расположение, количество и качество частей противника. Определить, на что способна та или иная группировка врага, на что способен противник в целом тогда, когда он получит мощный удар на том или другом направлении. Каков характер местности, затруднит он или будет способствовать разгрому врага. Политическая, техническая и тактическая характеристика своих войск и на что способна та или иная группа. Какую нужно провести перегруппировку войск и средств, чтобы сосредоточить удар такой силы, который наверняка не выдержит противник и которому не сможет противостоять в оперативной глубине расположения своих армий и фронта в целом. Какие дорожные, железнодорожные и водные пути для осуществления маневра находятся в распоряжении врага, в распоряжении своих войск. Какие имеются материально-технические средства в распоряжении войск и что потребуется для решения задачи по этапам и на всю глубину оперативно-стратегической операции. Какое взаимодействие должно быть организовано с соседом, с ВВС и другими видами войск, чтобы совместными усилиями сломать сопротивление врага, а затем и разгромить его окончательно.

Я уже не говорю о других существенных вопросах, которые должны были быть учтены при выработке плана операции.

Спрашивается, как же мог И. В. Сталин, «ознакомившись с положением», тут же предлагать В. И. Ленину свой план. Спрашива-

ется, какой же это план? Это не план, а только лишь соображение о выборе направления для удара, при этом без всяких расчетов и обоснований¹².

Документы этого периода показывают, что Сталин всё чаще настаивает на беспелляционной правоте собственных решений, нередко ставя вопрос весьма резко: «Без этого моя работа на Южном фронте становится бессмысленной, преступной, ненужной, что дает мне право или, вернее, обязывает меня уйти куда угодно, хоть к черту, только не оставаться на Южном фронте»¹³. Видимо, именно в этот период разногласия с Л. Д. Троцким приобретают у Сталина неразрешимый характер.

Конечно, наиболее заметным событием в дальнейшей военной биографии И. В. Сталина стала советско-польская война 1920 года, к которой он имел непосредственное отношение в статусе члена Реввоенсовета Юго-Западного фронта под командованием А. И. Егорова, и в качестве непосредственного разработчика и руководителя ряда боевых операций. Так, в определённой степени с ним связан разгром польской армии под Киевом, Бердичевом и Житомиром, занятие Ровно, осуществление глубокого рейда в Галиции, в результате которого Красная Армия оказалась всего в 10 км от Львова с явными шансами занятия города.

Дальнейшие катастрофы обычно связывались исследователями с разгромом под Варшавой Западного фронта М. Н. Тухачевского, лишившим действия в Галиции какой-либо перспективы. Причём периодически вина за то, что Первая Конная не была вовремя снята с Юго-Западного фронта и переброшена на помощь сокрушаемому Западному фронту возлагается едва ли не лично на Сталина, якобы задерживавшего отправку армии С. М. Будённого под Варшаву. С другой стороны, сам Сталин (на страницах «Краткого курса истории ВКП (б)») прямо (и ожидаемо) обвинял Троцкого в умышленной попытке ослабить Юго-Западный фронт отправкой Первой Конной на помощь Тухачевскому — что способствовало провалу всего похода. Справедливости ради стоит отметить, что запоздалость этого манёвра была вызвана вполне объективными причинами, которые заключались в несовершенстве аппарата армейского управления и безусловной

¹² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 13-е издание. В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002. С. 60–61.

¹³ Сталин И. В. ПСС. Т. 4. С. 277.

измотанности Конармии боями подо Львовом¹⁴. Поэтому как попытки приписать все поражения Тухачевскому или Троцкому, так и стремление свалить всю вину за окончательный провал польского похода на Сталина и его личные властные амбиции являются, скорее всего, явным преувеличением и упрощением реальности. Справедливым будет сказать, что Сталин проявил себя в этой кампании не лучше, но и не хуже других руководителей армии этого периода.

В дальнейшем в военных действиях Гражданской войны Сталину участвовать не довелось.

Оценки его деятельности как военачальника в 1918–1920 гг. существенно разнятся — вплоть до полного взаимoisключения. Так, М. А. Гареев полагает, что Сталин «получил огромный опыт военно-политического руководства крупными массами войск на многих фронтах»¹⁵. Другой полюс — слова Л. Д. Троцкого: «В период гражданской войны Сталин не только в армии, но и на фоне общей политики оставался фигурой третьего ряда... Его интриги были очевидны, а в то же время у него совершенно не было каких-либо особых методов военной работы...»¹⁶. Это и неудивительно, если учесть изрядную политизированность большинства оценок. Как представляется, истина состоит в том, что Сталин, прежде всего, действительно очень многому научился в этот период — в сфере если и не организации непосредственной боевой работы армии в полевых сражениях, то, во всяком случае, в сфере её организации и в области стратегического планирования. Сталин совершенно ясно представлял себе важность и проблематику комплектования, снабжения и передислокации воинских подразделений, а также ключевую роль моральных факторов в обеспечении их боеготовности. В значительной степени именно в эти два года сформировалось устойчивое и специфически сталинское подозрительное отношение к военспецам и кадровому царскому офицерству, перешедшему на сторону Советской власти. Мы решительно ничего не поймём в событиях 1930-х — 1940-х годах, если не примем за правило сверять поступки Сталина с его

¹⁴ Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война. 1918–1921. СПб: Полигон, 2002. С. 496.

¹⁵ Гареев М. А. Сталин как Верховный главнокомандующий // Военно-промышленный курьер. № 4 (71). 2 февраля 2005 г.

¹⁶ Троцкий Л. Д. Сталин: В 2 т. / Вступ. ст. В. Козлова, А. Ненарокова / Под ред. Ю. Г. Фельштинского. М.: Терра, 1996. С. 53–56.

личным, субъективным, глубоко и всесторонне обдуманном опытом Гражданской войны. Думается, он достаточно осознанно в это время готовил себя к роли политического лидера, и усваивал навыки, необходимые именно для государственного уровня руководства армией. С этой точки зрения мы должны признать, что отсутствие непосредственного окопного опыта или фактов службы в действующей армии в дореволюционное время вряд ли может быть признано критическим — во всяком случае, знакомство с механизмами управления армиями и фронтами в конечном итоге намного важнее для организации национальной безопасности и обороны страны. В отличие от, например, А. Гитлера, располагавшего впечатлениями солдата-фронтовика и глобальными полумистическими представлениями о механизмах исторического развития — без связывающих их звеньев — Сталин предстаёт как гораздо более подготовленный к практическому государственному управлению политик, к тому же стоящий на предельно прагматической мировоззренческой основе.

Стоит отметить и то, что параллельно с военной деятельностью он продолжал исполнять ряд функций — в первую очередь в области национальной политики большевиков — сугубо гражданского свойства, причём весьма интенсивно, судя по документальному наследию.

Стоит напоследок — безоценочно, просто как ёмкую характеристику — вспомнить и слова Д. А. Волкогонова: «Политик в Сталине всегда брал верх над военным деятелем. Скажу точнее: искушенный, жесткий политик брал верх над непрофессиональным военным».

Подводя итоги, уместно взвешенно оценить влияние Гражданской войны на формирование военных знаний и предпочтений Сталина-полководца и, не впадая в крайности, подчеркнуть, что этот опыт был недолгим, но насыщенным и однозначно не пропал даром. Подчёркиваемая многими очевидцами и исследователями громадная способность Сталина к обучаемости, усвоению новых знаний объективно этому способствовала. Было бы преувеличением сказать, что военный опыт Сталина полностью проистекал из Гражданской, но и преуменьшить её значение в формировании полководческих навыков Верховного мы не вправе.

* * *

Не секрет, что эффективная защита национальных и государственных интересов предполагает высокую степень соответствия

материальной базы вооружённых сил облику современной войны и военной доктрине государства. Известно, что на протяжении большей части истории человечества материально-технические и технологические вопросы военного дела неизменно играли одну из наиболее важных ролей в обеспечении превосходства одних социумов над другими. Освоение техники бронзового литья и производства клинкового оружия фактически привело к появлению военной стратегии и настоящих войн, а в перспективе — к созданию первых империй и цивилизаций. «Металлургическая революция» XIII–XVI вв. обернулась построением европоцентричного мира и созданием системы международных отношений современности. Ещё одна революция произошла в военном деле в середине и второй половине XIX в. Её симптомами явились изобретение унитарного патрона, освоение новых приёмов производства стали и появление двигателей внутреннего сгорания, в корне изменившие сами принципы ведения войн и подход к таковым. Все три фактора опирались на прогресс в промышленном производстве и освоение новых технологий. Их итогом стало появление массовых армий, комплектуемых по призывному принципу, невиданная прежде интенсификация боестолкновений, появление принципиально новых родов войск и распространение боевых действий во всех трёх средах (появление «трёхмерной войны»). Автоматическое оружие, артиллерия, бьющая «за горизонт», цельнометаллический бронированный флот и подводное оружие появились уже в XIX в., XX век добавил к ним авиацию, танки и множество других нововведений.

В результате способы ведения полевых и морских сражений, принципиально не менявшиеся с XVI в., подверглись коренному пересмотру буквально на глазах одного поколения. В полной мере новые формы войны были реализованы на полях Первой Мировой войны. Учёт её опыта оказал колоссальное (хотя и крайне противоречивое) воздействие на ход Второй мировой, являвшейся очевидным продолжением Первой. И даже распространение ядерного оружия не привело к аннулированию тактических и стратегических принципов, выработанных за (суммарно) 10 лет боевой работы — хотя бы в силу того, что наиболее масштабные локальные конфликты продолжали оставаться уменьшенными версиями мировых войн без применения ядерного оружия. В России, к тому же, добавился опыт почти четырёх лет Гражданской войны — кровопролитной, бескомпромиссной и технически

весьма отличающейся от Первой мировой. На просторах бывшей Российской Империи по ряду причин реализовывались почти исключительно сценарии маневренной войны. Это наложило глубочайший, и пока не вполне оцененный, отпечаток на военное мировоззрение всех советских командиров, прошедших Гражданскую войну.

Изменения были глобальны, и они затронули фактически все сферы вооружённой борьбы. Великие державы — а именно они только и были способны действительно реагировать на военно-технические новшества, находились в весьма двойственном положении. Поскольку ни одна из серьёзных проблем миропорядка, приведших к Первой Мировой войне, удовлетворительно решена не была, да ещё и возникла масса новых, неизбежность будущей скорой войны была очевидна. Поэтому совершенствование вооружений и разработка опытных образцов велись достаточно активно во всех крупных странах, включая «униженную и оскорблённую» Германию. Если вспомнить, что свой авиапром и современные модели самолётов имели в 1930-е гг. не только Польша, но и Чехословакия, Голландия, Югославия, Румыния и даже Литва (?!), а Венгрия разрабатывала и производила танки, то станет понятно, что к войне готовились все.

С другой стороны, память о безысходных ужасах позиционной окопной войны, колоссальных жертвах в армии и лишениях мирного населения поддерживала мощные антивоенные настроения в европейских странах; правящие классы, к тому же помнили о надрыве экономики и возможных политических катастрофах. Как и в случае с Первой мировой, Второй в Европе мало кто хотел, но все к ней понемногу готовились.

Технический аспект оборонной политики Сталина, без всякого преувеличения, должен быть назван основным. Колоссальные усилия, затраченные на обеспечение армии и флота боевой техникой и вооружениями, привели к созданию наиболее впечатляющего в количественном и, в значительной степени, качественном отношении арсенала в истории человечества. Количественно и качественно он был превзойдён, вероятно, только Соединёнными Штатами Америки в ходе Второй мировой, хотя по многим показателям СССР продолжал оставаться лидером.

Периодизация военно-технической составляющей истории РККА и (с 25 февраля 1946 г.) Советской Армии до завершения сталинской эпохи в целом может быть определена следующим

образом. Первый этап приходится на время от реформы РККА 1924–1925 гг. до начала её массового оснащения современными видами вооружений и боевой техники в 1930–1931 гг. Вторым этапом следует, очевидно, считать промежуток с 1932 по 1939 г., когда происходил чрезвычайно бурный экстенсивный рост материальной оснащённости РККА с параллельным не менее интенсивным проведением НИОКР и принятием на вооружение большого количества новых видов вооружения и систем. Третий этап связан с извлечением уроков из опыта локальных конфликтов 1930-х гг. и массовым перевооружением армии и флота в преддверии неизбежного вступления СССР в мировую войну: его можно отнести к концу 1939 — первой половине 1941 г. По сравнению с предыдущим периодом он был куда более интенсивным. По словам маршала Голованова «развитие оборонной промышленности с 1939 г. пошло гигантскими шагами и составило 39 процентов всей промышленности. Интенсивно шла модернизация и создание новых, современных по тому времени видов оборудования и техники»¹⁷. Четвёртый этап — период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), в котором можно, в свою очередь, выделить целый ряд подпериодов, что не представляется актуальным в контексте формата представленного исследования. Основная характеристика этого этапа — не только интенсивность, но и экстремальность. С началом войны Сталину пришлось в условиях катастрофических неудач на фронтах и полного изменения экономико-географической ситуации в тылу решать три основных вопроса. Это эвакуация промышленных предприятий в восточные регионы страны с развёртыванием производства на новых местах; компенсация огромных потерь в технике и вооружении (по ряду оценок, например — 108% танкового парка за первые пять месяцев войны), а также обкатка и совершенствование только что принятых на вооружение образцов. Наконец, пятый этап связан с послевоенным обеспечением СА и ВМФ СССР вооружениями и боевой техникой в условиях промышленной разрухи, возникновения ядерного оружия и с учётом опыта применения ВС в ходе войны. Он приходится на 1945–1953 гг. Как нетрудно заметить, данная периодизация не вполне идентична не только общеисторической периодизации советской эпохи, но и этапам

¹⁷ Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная... М.: Дельта НБ, 2004. С. 234.

развития ВС СССР в данный период, что неудивительно — техническая составляющая подчиняется своим законам развития.

Основным объективным фактором, влиявшим на принятие решений в сфере разработки и выпуска вооружений в довоенные годы, являлась крайняя техническая отсталость промышленной базы СССР в 1920–1930-х гг., незначительный, как правило, опыт имевшихся в наличии кадров инженерно-технического и конструкторского звена, катастрофично низкая общая культура производства и недостаточная квалификация рабочей силы. И если первый (технический) фактор был отчасти преодолён в ходе первой пятилетки, то с квалификационными показателями, как явствует из последующих событий, справиться так в полной мере и не удалось.

Не менее важно оценить и военную доктрину Советского Союза, на формирование которой Сталин оказал громадное влияние. В конечном итоге, именно представления об облике будущей войны создавали армию и флот, являлись ориентирами при разработке и постановке на вооружение технических средств. Решающее значение для сталинского военного строительства имел анализ опыта Мировой и Гражданской войн, а также сама возможность этого анализа: у руля РККА оказались люди, не отягощённые военным образованием и, к тому же, часто имевшие весьма специфический опыт руководства войсками и подразделениями¹⁸. Вместе с тем было бы в корне неверно думать, что К. Е. Ворошилов, С. М. Будённый или Г. И. Кулик самостоятельно или единолично определяли генеральное направление советской военно-стратегической мысли и формулировали военную доктрину СССР. Их главным достоинством, безусловно, была верность советскому строю и лично И. В. Сталину.

РККА между тем располагала блестящей плеядой теоретиков и аналитиков. Опыт Мировой и Гражданской войн стал предметом пристального анализа советских армейских специалистов. Межвоенный период ознаменован появлением целого ряда авторов, создавших настоящую библиотеку военно-теоретической мысли. А. Н. Лапчинский рассматривал вопросы самостоятельной деятельности военно-воздушных сил, авиационной тактики, вопросы противовоздушной обороны, разработал сбалансиро-

¹⁸ Рубцов Ю. В. Маршалы Сталина. М.: Вече, 2013. С. 16, 34–35, 94–95, 119–122.

ванную концепцию воздушной армии и противопоставил её крайним взглядам Дж. Дуэ¹⁹. Б. М. Шапошников в своих классических трудах анализировал структуру Генерального штаба, особенности штабной работы и необходимые изменения в ней, а также взаимосвязь подготовки войск и экономики страны²⁰. М. Н. Тухачевский опубликовал множество работ по актуальным вопросам строительства и управления вооружёнными силами, истории войн, стратегии и тактике борьбы с восстаниями («контртеррористическим операциям», как сказали бы мы сейчас), а также часто цитируемую статью «Военные планы Гитлера»²¹. В. К. Триандафиллов напрямую отозвался на кардинальные изменения в тактике и стратегии наступательных операций современности²². Г. С. Иссерсон в своих фундаментальных трудах блестяще проанализировал эволюцию полководческого искусства со времён наполеоновских войн, обосновал теорию глубокой операции на сокрушение, причём на материале уже начавшейся мировой войны, с учётом опыта польской кампании вермахта²³.

Вот как характеризует состояние военной доктрины СССР интересующего нас периода В. А. Невежин:

В начале 1920-х гг. советская военно-теоретическая мысль уделяла большое внимание выработке так называемой «единой военной доктрины». Это была доктрина революционной наступательной войны, призванная обеспечить победу мировой революции. Основная роль в ее создании принадлежала М. В. Фрунзе. Он утверждал, что ввиду

¹⁹ См.: *Лапчинский А. Н.* 1) Воздушные силы в бою и операции. М.: Государственное военное издательство, 1932; 2) Воздушная армия. М.: Воениздат НКО СССР, 1939.

²⁰ См.: *Шапошников Б. М.* Мозг армии. В 3-х книгах: Кн. 1. М.; Л.: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1927; Кн. 2. М.; Л.: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1929; Кн. 3. М.; Л.: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1929.

²¹ См.: *Тухачевский М. Н.* 1) Борьба с контрреволюционными восстаниями // Война и Революция. № 7. 1926; 2) Борьба с контрреволюционными восстаниями: Искоренение типичного бандитизма (Тамбовское восстание) // Война и Революция. № 8. 1926; 3) Избранные произведения в 2-х т.. М.: Воениздат, 1964; Поход за Вислу // Тухачевский М. Поход за Вислу. Пилсудский Ю. Война 1920 года. М.: Изд-во «Новости», 1992.

²² См.: *Триандафиллов В. К.* Характер операций современных армий. 3-е изд. М.: Госвоениздат, 1936.

²³ См.: *Иссерсон Г. С.* 1) Эволюция оперативного искусства / 2-е доп. изд. М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1937; 2) Новые формы борьбы. М.: Воениздат, 1940.

невозможности длительного мирного сосуществования пролетарского государства с капиталистическими державами рабочий класс при помощи Красной Армии неизбежно перейдет в наступление на международный капитал, когда для этого сложится благоприятная обстановка. Революционные войны, по мысли Фрунзе, должны иметь классовый характер и приблизиться по своему типу к гражданским войнам, так как наступление Красной Армии обеспечит ей всемерное содействие и поддержку трудящихся капиталистических стран. Она играла роль решающей силы в достижении победы. Фрунзе требовал, чтобы каждый красноармеец в этом направлении воспитывался пролетарской идеологией и ясно представлял себе, что «в известной обстановке» возможно наступление «за пределы» СССР. Заняв пост председателя РВС СССР и наркома по военным и морским делам (январь 1925 г.), М. В. Фрунзе ясно дал понять, что оборонительная направленность придана внешней политике СССР из тактических соображений и находится в зависимости от конкретной исторической обстановки. Основной же стратегической линией оставалось «превращение нашей изолированной революции в революцию всемирную».

Сталин, скорее всего, разделял подобный взгляд на военно-политическую стратегию. Он, в частности, говорил о том, что после Октября 1917 г. началась эпоха мировой пролетарской революции, когда отсутствие объективных условий в отдельных странах уже не является непреодолимым препятствием для ее свершения, поскольку система мирового империалистического хозяйства «в целом уже созрела». Сталин не только подчеркивал особую заинтересованность СССР в развитии мировой революции, но и обозначил ее как существенную задачу, без решения которой невозможно гарантировать Советскую страну от реставрации буржуазных порядков и обеспечить в ней окончательную победу социализма.

В соответствии с этим была определена им и стратегическая цель, которая, в отличие от часто меняющейся тактики, должна была оставаться неизменной вплоть до ее достижения. По мнению Сталина, следовало использовать диктатуру пролетариата в СССР «как опорный пункт для преодоления империализма во всех странах», а ее армию — как орудие освобождения трудящихся. Партия пролетариата, чтобы сыграть роль боевого штаба, должна вооружиться революционной теорией и уметь использовать благоприятный момент. Таким моментом он считал империалистическую войну, которая «замечательна» в том отношении, что «ведет к взаимному ослаблению империалистов, к ослаблению позиции капитализма вообще, к приближению момента пролетарской революции, к практической необходимости этой революции».

Приход к власти в Германии национал-социалистов во главе с Гитлером (1933 г.), угроза миру, исходившая от фашизма, усиленная милитаризация Японии побуждали представителей правящей боль-

шевистской элиты к переоценке событий, происходивших на международной арене.

В открытых публичных выступлениях Сталина и его ближайших соратников основное внимание акцентировалось на том, что именно империализм грозит миру новой войной, в то время как Советский Союз строго придерживается политики мира и ни в коем случае не дурачит ни на кого нападать...

...Война рассматривалась Сталиным как возможный для капитализма выход из политического и экономического кризиса. Он не исключал вероятности развязывания ее против СССР. Подобное развитие событий расценивалось им даже как благоприятное, ибо после нападения на Советский Союз, как считал Сталин, следовало ожидать выступления народных масс капиталистических стран в тылу «своих угнетателей». Он выражал уверенность, что война против Советского Союза «приведет к полному поражению нападающих, к революции в ряде стран Европы и Азии и к разгрому буржуазно-помещичьих правительств этих стран»...

...Исходя из сталинской концепции, опасность для СССР представляли не отдельные иностранные державы (например, Германия или Япония), а весь зарубежный мир («капиталистическое окружение»). Пытаясь на совещании работников оборонной промышленности (14 июня 1934 г.) разъяснить содержание данного термина, Сталин, в частности, заявил: «...у нас капиталистическое окружение, значит, мы окружены врагами, врагами цивилизованными и более культурными, чем мы, врагами опытными, которые ни перед чем не остановятся».

Политико-идеологические кампании, проводившиеся в 1930-е гг., по своему содержанию были обоюдоострыми. Действовать в открытую — означало обострять отношения с капиталистическим миром. Поэтому Сталину и его окружению приходилось соблюдать осторожность, чтобы ненароком не спровоцировать антисоветские дипломатические либо, хуже того, вооруженные акции со стороны объекта подобных кампаний²⁴.

Собственно, сам И. В. Сталин имел в активе, как было показано выше, преимущественно комиссарский и кабинетный опыт руководства, причём, обычно, не на самых ключевых постах — хотя и в важнейших операциях. Однако его непрерывное самообразование и несомненно неординарные личные качества позволяли уже к середине 1930-х гг. вполне квалифицированно принимать решения, основанные на анализе ТТХ новой техники, способов её использования, адекватно учитывать опыт применения оружия в локальных конфликтах и делать соответствующие выводы.

²⁴ Невежин В. А. «Если завтра в поход...». М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 89–92.

А. Е. Голованов вспоминал, что «память у него была редкостная, познания в любой области, с которой он соприкасался, удивительны. Я, летчик, во время войны считал себя вполне грамотным человеком во всем, что касалось авиации, и должен сказать, что, разговаривая со Сталиным по специальным авиационным вопросам, каждый раз видел перед собой собеседника, который хорошо разбирался в них, не хуже меня. Такое же чувство испытывали и другие товарищи, с которыми приходилось беседовать на эту тему — артиллеристы, танкисты, работники промышленности, конструкторы»²⁵. Учитывая, что уже с середины 1930-х гг. окончательные решения в сфере вооружений принимались непосредственно Сталиным, либо под его косвенным контролем, не будет преувеличением сказать, что все удачи и неудачи в этой сфере в первую очередь должны быть связаны с ним лично, и он же несёт за них персональную ответственность. При этом Сталину удавалось сочетать панорамное видение ситуации с вниманием к мелочам, что неоднократно подчёркивалось в мемуарной литературе. Известный лётчик-испытатель Г. Ф. Байдуков говорил Ф. Чуеву: «Сталин имел большие познания в техническом оснащении самолетов. Бывало, соберет профессуру поодиночке, разберется во всех тонкостях. Потом на совещании как начнет пулять тончайшими вопросами, — мы все рты поразеваем от удивления». Приведём также фрагмент из книги В. С. Емельянова «На пороге войны (Годы и люди)», живо демонстрирующий механизмы выработки решений в военпроме предвоенных годов:

Зимой 1939 года во время войны с Финляндией Северный завод много работ выполнял непосредственно для фронта. Однажды в Москву прибыл директор вместе с начальником конструкторского бюро. Перед выездом он позвонил мне и сказал, что хотел бы доложить лично об одном важном деле. Они вошли в кабинет, и, к моему удивлению, я увидел у них в руках лыжи и большой тяжелый пакет.

— На заводе создана броневая защита для лыжников, — сказал директор. — Легкий щиток из броневой стали закрепляется на лыжах. Когда лыжник попадет в поле обстрела, то он может залечь, прикрепить щиток и передвигаться дальше ползком, толкая впереди себя закрепленную на лыжах броневую защиту. — Директор пояснил, что конструкцию показывали военным. Они ее одобряют и просят скорее начать производство. Штампы у них уже изготовлены, технология разработана, и необходимые испытания проведены.

²⁵ Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная... М.: Дельта НБ, 2004. С. 102.

— Мы привезли с собой щиток и лыжи с тем, чтобы показать, как мы мыслим использовать эту конструкцию, — добавил директор. — Каждый солдат может легко нести щиток на себе.

— Из-за щитка, вот через эту прорезь, — сказал конструктор, показывая на узкую щель, сделанную в правой стороне щитка, — можно вести обстрел противника.

— Эту конструкцию мы считаем полезной, — перебивая конструктора, проговорил директор, — и просим дать согласие на начало производства и поставку изделий фронту.

Я позвонил Тевосяну и рассказал ему о предложении заводских работников.

— Свяжитесь с военными, — сказал Тевосян, — лучше всего с Куликом. Если он согласен использовать эти щитки, то подготовьте проект постановления правительства. Вместе с директором определите, сколько сможете поставить таких щитков армии. Да ты ведь уже знаешь, как такие постановления пишутся, чего тебя учить. Главное, тщательнее рассмотрите с военными саму конструкцию. Узнайте, как они ее оценивают.

После разговора с Тевосяном я позвонил Кулику и предложил ему ознакомиться с конструкцией броневой защиты для лыжников. Он всех нас попросил незамедлительно приехать к нему на улицу Фрунзе.

Когда через минут после разговора мы втроем вошли в кабинет Кулика, там уже находилось несколько высших военачальников.

Мы поставили лыжи, закрепили на них щиток и начали рассказывать о том, как и в каких случаях предполагается использование щитка. Все внимательно слушали, потом обошли несколько раз лыжи с укрепленной на них броневой защитой. Задали несколько вопросов о весе щитка, а также о броневых качествах конструкции. Разговор зашел о характере войны и о том, как ведется противником обстрел наших частей.

После осмотра щитка Кулик попросил нас подождать.

— Я доложу Ворошилову. Если он сможет принять нас, то прямо сейчас же это и сделаем. Зачем вам приезжать еще раз.

Кулик ушел и через некоторое время вернулся вместе с Ворошиловым.

Тот пожал каждому руку, остановился около щитка, долго его осматривал со всех сторон, задал несколько вопросов, а затем сказал:

— Надо будет поговорить с Молотовым.

После короткого разговора по телефону Ворошилов попросил нас прийти в пять часов к Молотову.

В назначенный срок мы прибыли в Кремль. В кабинете Молотова на полу разложили конструкцию. Здесь народу было уже больше: Ворошилов, Тевосян, Кулик, нас трое и еще несколько военных. Все внимательно осмотрели щиток, задали вопросы о весе щитка, стойкости брони против пулевого обстрела, результатах полигонных испытаний, возможностях быстро наладить производство.

Затем Молотов подошел ко мне и сказал:

— Задержите директора и конструктора в Москве до завтрашнего дня. Возможно, товарищ Сталин захочет посмотреть эту конструкцию. Я вам сегодня вечером позвоню.

Мы забрали щиток и лыжи и вышли из кабинета.

Часов в десять вечера позволил Молотов и сказал, что на следующий день в пять часов дня мы должны быть в Кремле в кабинете Сталина.

— Созвонитесь с Поскребышевым, он оформит пропуска. Директор и конструктор также должны быть.

Через несколько минут позвонил Тевосян.

— Завтра ровно пять часов у товарища Сталина. Тебе, директору и министру надо будет явиться на полчаса раньше, чтобы успеть все собрать до его прихода. Я Поскребышеву сказал, вас пропустят.

На следующий день отправились в Кремль. В кабинете у Сталина я никогда раньше не был. Нам указали, как пройти. У входа в здание часовой долго держал в руках наши пропуска. Мы поднялись по лестнице. Прошли к Поскребышеву. Он открыл дверь кабинета Сталина и сказал:

— Проходите.

Мы робко вошли. Положили лыжи, укрепили щиток и стали ждать. Вскоре кабинет стал наполняться пародом. Пришли Ворошилов, Кулик, Шапошников, Тевосян, Ванников. Он в то время был наркомом вооружения и пришел сюда, видимо, по другому делу. В руках Ванникова был новый автомат. Производство этого оружия только что начиналось. Все говорили вполголоса, и это подчеркивало какую-то особую атмосферу, царившую в кабинете.

Ровно в пять появился Сталин. Он поздоровался со всеми за руку, подошел к щитку. Окинув его взглядом, опустился на колени и, обращаясь к Ванникову, произнес:

— Дайте автомат.

Ванников подал автомат Сталину и отошел. Сталин лег на пол, просунул ствол автомата через щель броневое щитка и стал целиться. Он несколько раз менял положение, передвигал щиток, вынимал ствол автомата из щели и снова просовывал его в щель.

В кабинете стояла тишина. Только иногда раздавался лязг металла по металлу. Наконец, Сталин поднялся, протянул автомат Ванникову и произнес:

— Щель для стрельбы лучше сместить на двадцать миллиметров вправо. Вот здесь, — он указал место на щитке, — следует укрепить полочку, чтобы обоймы с патронами на нее можно было класть. А то стрелок протянет руку к патронташу за обоймой, плечо у него приподнимется, выйдет из-за броневой защиты и снайпер может прострелить его.

Конструктор держал блокнот и тщательно все записывал. А Сталин продолжал делать замечания:

— В последнее время много ранений в пах. При таких ранениях часто атрофируются нижние конечности. Для того, чтобы избежать таких поражений, необходимо удлинить открьлки у щитка так, чтобы защитить и эту часть тела.

К Сталину подошел Кулик и произнес:

— Надо обязать промышленность поставить армии... — и он назвал несуразное количество щитков.

Сталин взглянул на Кулика с каким-то пренебрежением и сказал:

— На заводах тоже большевики есть, они сделают столько, сколько сделать можно. Не думайте, что вы один беспокоитесь о вооружении нашей армии.

Сталин опять подал каждому руку и, попрощавшись, вышел из кабинета.

Кулик подошел к директору завода, которого он хорошо знал, и спросил:

— Ну, сколько вы нам таких щитков сделаете?

— Такие делать нельзя. Вы слышали, сколько замечаний внесено товарищем Сталиным? Надо разрабатывать новую модель.

Кто-то из присутствующих заметил:

— Пока вы будете новую модель разрабатывать, и война закончится.

— Подождем выхода решения. Посмотрим, что там будет записано.

Изготовленная опытная партия по первоначальной модели была направлена на фронт. Этим дело и ограничилось, так как война скоро закончилась²⁶.

Фрагмент крайне показательный. Обращает на себя внимание, что новшество было продемонстрировано, если можно так сказать, пяти уровням руководства страны, включая кадровых военачальников высшего ранга, но единственным, кто захотел опробовать его на практике и немедленно это сделал, оказался Сталин. Остальные «внимательно осматривали».

«Плюсом», если можно так выразиться, изначальной технической отсталости Советской России была относительная мобильность в выборе приоритетных начал построения армии и стратегии её технического обеспечения. Из стран, способных к осуществлению самостоятельных масштабных боевых действий, только СССР и Германия предприняли в межвоенный период адекватные усилия по созданию материальной основы активных наступательных операций. До известной степени этот подход разделяла Япония, однако её ограниченная ресурсная

²⁶ Емельянов В. С. На пороге войны. М.: Сов. Россия, 1971. С. 154–158.

база и география подталкивали к реализации скорее британской модели с упором на флот и относительно компактную армию вторжения, не ориентированную на обширные полевые сражения с серьёзным противником. Подготовка к войне со стороны Великобритании, Франции, США носила вполне «колониальный» характер: оборона в сочетании со способностью защиты собственных интересов в удалённых регионах (крайне показательна в этом смысле британская модель с доминированием флота и попыткой создать эффективную дальнебомбардировочную авиацию). И даже Италии, сочетавшей имперские амбиции с традиционным неумением качественно воевать, приходилось постоянно «садиться между двух стульев», неизбежно скатываясь к оборонительной модели. Именно поэтому абсолютно справедливо рассмотрение именно Германии, по меткому выражению М. Ю. Мухина, как «спарринг-партнера» СССР²⁷ в целом в области военного строительства.

При этом сама доктрина внешней политики СССР предусматривала реализацию в ближайшей перспективе мировой революции, началом чего должно было стать масштабное военное вторжение в европейские страны в первую очередь. Изменение приоритетов после удаления от власти Л. Д. Троцкого в 1927 г. следует охарактеризовать скорее как применение более рационального и трезвого подхода в меняющихся условиях, а не как смену курса. Не отвергая установки на «освободительный поход» Красной Армии, Сталин сделал акцент на укрепление технической составляющей этого похода, более гибкий учёт европейских реалий и стремление ослабить капиталистический мир путём использования его собственных внутренних противоречий. Едва ли не важнейшим фактором был и учёт национальных интересов СССР — фактически превращение абстрактной программы мировой революции в программу восстановления границ Российской империи и создания пояса безопасности из нейтральных или дружественных стран (задача, в основном реализованная по итогам Второй мировой). Результатом такого подхода для СССР стала постепенно осуществлявшаяся программа создания собственного ВПК и материальное обеспечение армии, отчётливо ориентированное на наступательную стратегию и тактику.

²⁷ Мухин М. Ю. *Авиапромышленность СССР в 1921–1941 годах*. Ин-т рос. истории РАН. М.: Наука, 2006. С. 4.

В качестве безусловного успеха следует рассматривать кардинальный перелом в процессе индустриализации страны — в сущности, впервые в её истории создавалась база для выпуска военной продукции в масштабах, превышающих необходимый армии минимум. Важнейшей чертой этого процесса было возникновение сети оборонных предприятий в восточных районах страны. Темпы роста промышленности в Сибири опережали аналогичные темпы по РСФСР вдвое, а в Западной Сибири — в 2,5 раза²⁸.

Так, в предреволюционные годы 19 авиапредприятий с примерно 10 тыс. занятых на них рабочих располагались преимущественно в столицах и в Риге, либо в южных причерноморских городах (Одесса, Херсон, Севастополь, Симферополь, Таганрог)²⁹. К концу 1930-х авиазаводы и мастерские имелись в Харькове, Запорожье, Рыбинске, Смоленске, Воронеже, Казани, Иркутске, Хабаровске, Саратове, Уфе, Комсомольске-на-Амуре, Новосибирске, Архангельске, Балашове, Улан-Удэ, Миллерово, Кутаиси и др. — всего 69 предприятий³⁰. При этом удельный вес регионов Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока по планам на 1941 г. в производстве самолётов и авиадвигателей определялся примерно в 47 процентов, что было беспрецедентным успехом политики смещения промышленности в недостижимые для авиации европейских стран регионы страны, причём значительные усилия в этом направлении были предприняты после начала войны в Европе, с осени 1939 г. Массовая переброска всего военпрома на восток началась, безусловно, не с нападением Германии на СССР, а являлась составляющей стратегии и реализовывалась давно. Это, кстати, заставляет усомниться в том, что высшее руководство «не думало об обороне», как нередко пытаются представить до сих пор.

Однако, например, в танкостроительной отрасли наблюдалась иная картина. Вплоть до 1939 г. производство танков и броневых автомобилей было сконцентрировано в Ленинграде, Харькове и Москве, в последующее время началось развёртывание производства в Сталинграде и Челябинске, однако к 22.06.1941

²⁸ Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск: Наука, 1982. С. 204.

²⁹ Мухин М. Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 годах. Ин-т рос. истории РАН. М.: Наука, 2006. С. 27.

³⁰ Там же. С. 61, 70–76.

лишь сталинградский завод успел дать продукцию³¹. Уже в ходе войны производство бронетехники развернулось в Нижнем Тагиле, Свердловске и Омске, в то время как ленинградские, харьковские и сталинградские заводы оказались полностью или частично выключены из процесса в силу территориальных потерь. Показательна высокая оценка жизнеспособности отечественной танковой промышленности, которая «показала большую производственную мощность, выпустив во время войны примерно 100000 единиц бронетанковой техники на гусеничном ходу, заняв второе место после США... благодаря тому, что уделялось огромное внимание вопросам первостепенной важности, благодаря резкому сокращению выпуска типов и образцов бронетанковой техники и их компонентов, и волевому руководству выражавшемуся в постоянном личном внимании со стороны самой верхушки в лице Иосифа Сталина. Успехи советской промышленности явились главной причиной советской победы. Возможно, самым большим её достижением было неимоверно быстрое восстановление широкомасштабного производства непосредственно за эвакуацией вводов. Тем на Западе, кто отрицает наличие у советской экономики гибкости, инициативы и мысли следует изучить вопрос о том, как она вела себя в годы войны»³². Однако нельзя не признать, что географии танкопрома уделялось до войны существенно меньше внимания, чем безопасному размещению авиационной промышленности. Это, впрочем, связано и с более сложной локализацией танкового производства на новых местах, чем производства самолётов или стрелкового вооружения.

Общим местом является тезис о пристрастии И. В. Сталина к авиации и откровенном увлечении ею, чем обычно оправдывается якобы исключительное внимание, уделяемое этому роду войск. Однако маршал авиации А. Е. Голованов вспоминал: «Да, Сталин придавал авиации большое значение, но артиллерия была у него, если можно так выразиться, в не меньшем почете. В этом легко убеждают не только количественные, но и качественные изменения, какие буквально на наших глазах произошли в ар-

³¹ Свири́н М. Н. Танки Сталинской эпохи. «Золотая эра советского танкостроения». М.: Эксмо: Яуза, 2012. С. 80–81, 155, 157–159.

³² Вольц А. Г. (Volz Arthur G.) Советская танковая промышленность / Перевод А. Ф. Чиркова) // *Jane's Defence Review*. Vol. 4. № 1. 1983.

тиллерии за время войны. Чем больше возрастало сопротивление противника, тем чаще Сталин говорил о значимости артиллерии, причем говорилось не о значимости вообще, а о практическом применении этого рода войск»³³. Чрезвычайно показательна в этом смысле история тесного взаимодействия И. В. Сталина и В. Г. Грабина, приведшая к созданию ряда чрезвычайно эффективных и технологичных в производстве артиллерийских систем практически для всех родов войск, в частности — пехотных пушек ЗиС-3, БС-3, танковых Ф-34 и ЗИС-С-53 и др. Не будет преувеличением сказать, что Сталин, детальнейшим образом анализируя результаты расчётов и испытаний артсистем, был абсолютно компетентен в принятии решений в области артиллерийских вооружений, которые находились, в сущности, в фокусе поражающих факторов основных родов войск армий середины XX века. Технология взаимодействия главы государства с конструктором отражена В. Г. Грабиным в эпизоде создания пушки ЗиС-6, от начала проектирования которой до испытаний первого образца прошло всего 42 дня³⁴. Ключевое место, отводимое И. В. Сталиным артиллерийским вооружениям, в частности нашло отражение в создании 5 ноября 1942 г. Центрального артиллерийского конструкторского бюро³⁵. Такая концентрация интеллектуальных сил не имела аналогов в других сферах вооружений и оказалась вполне оправданной.

Весьма показательна деятельность И. В. Сталина в области обеспечения армии стрелковым вооружением, имеющим в конечном итоге решающее влияние на исход массовых длительных войн. Интенсивные работы над созданием самозарядных и автоматических винтовок в 1930-е гг. и организация их выпуска привели к серьёзному насыщению армии достаточно прогрессивными моделями Симонова (АВС-36) и особенно Токарева (СВТ-38 и СВТ-40). Вермахту не удалось противопоставить им адекватного ответа — G-41 и G-43 выпускались в небольших количествах и были откровенно хуже. Стоит вспомнить и один из наиболее драматичных эпизодов принятия на вооружение, снятия с него

³³ Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная... М.: Дельта НБ, 2004. С. 209.

³⁴ Грабин В. Г. Оружие победы. М.: Политиздат, 1989. С. 469–484.

³⁵ Об организации Центрального артиллерийского конструкторского бюро при Народном комиссариате вооружения СССР. Постановление № 2477. 5 ноября. Д. 68, л. 1–4 // Бюллетень рассекреченных документов федеральных государственных архивов. Вып. 12. М., 2011.

в феврале 1939 г. и нового принятия (на опыте финской войны) отечественных пистолетов-пулемётов, а также выбор типа магазина, которым они комплектовались. Личные представления, пристрастия и опыт Сталина полностью определили как массовое внедрение этого оружия в войска, так и череду сложностей с его тактическим применением³⁶. Двойственность результата в том, что, обзаведясь простым, массовым и эффективным оружием, РККА смогла адекватно применять его в боевой обстановке лишь с 1943 г.

Привлекает внимание политика Сталина в отношении морских вооружений. Согласно предвоенной доктрине, главной задачей флота виделась оборона своего побережья от нападения противника с моря, отражение высадки десантов, борьба на морских коммуникациях и уничтожение сил противника в море и военноморских базах и портах. На фоне общей ультранаступательной концепции РККА, флоту отводилась относительно пассивная задача. К тому же неизбежный выбор приоритетов в условиях нехватки ресурсов объективно не позволял к началу войны иметь океанский флот и ставить для него стратегические наступательные задачи. Поэтому кораблестроительные программы делали основной упор на создание эсминцев (знаменитая серия «7» и «7У»), лидеров эсминцев (проект 1 и 20И) и подводных лодок, а строительством крейсеров проекта 26 и 26-бис, в сущности, ограничились попытки обновления тяжёлых сил флота, в значительной степени опиравшегося на задел ещё царской эпохи. В строительстве флота особенно широко привлекался иностранный опыт (в основном итальянский и отчасти немецкий), вплоть до размещения заказов и покупки практически готовых кораблей.

Многими авторами отмечалась «необъяснимая» любовь Сталина к тяжёлым крейсерам — вопреки необходимости проектирования и строительства авианосцев³⁷. Однако заложенные до войны три корабля проекта «Советский Союз» так и не были завершены после неё³⁸. В сущности, программа тяжёлого кораблестроения

³⁶ Ванников Б. Л. Записки наркома // Знамя. 1988. № 1. С. 135–137; Сви-рин М. Н. Танки Сталинской эпохи. «Золотая эра советского танкострое-ния». М.: Эксмо: Яуза, 2012. С. 436.

³⁷ Кузнецов Н. Г. Накануне. М.: Воениздат, 1969. С. 280–294.

³⁸ См.: Васильев А. М., Морин А. Б. Суперлинкоры Сталина. «Советский Со-юз», «Кронштадт», «Сталинград». М.: Коллекция, Яуза, ЭКСМО, 2008.

оказалась свёрнута, так толком и не начав реализовываться. Как писал Г. К. Жуков: «Современный флот — дело дорогостоящее, особенно массивные корабли, которые к тому же являются хорошей мишенью для атак с воздуха и торпедирования. Комитет обороны при СНК СССР в 1939 г. принимает решение сократить, а затем и прекратить строительство линкоров и тяжелых крейсеров, создание которых требовало колоссальных затрат, большого расхода металла и отвлечения значительного количества инженерно-технического состава и рабочих судостроительной промышленности»³⁹. В чём заключались истинные причины этого — предстоит разобраться, поскольку тема «Сталин и флот» исследована крайне поверхностно и лакунарно. Возможно, не только финансовые причины, но и специфические представления Верховного о флоте, а также особенности отношений с его высшим комсоставом сыграли свою роль. Однако факт остаётся фактом: в области океанских претензий СССР до конца сталинского периода мало чем мог похвастаться, равно как и мало что мог предъявить потенциальному противнику.

В высшей степени позитивно необходимо оценить масштабное строительство новых и достройку неоконченных к 1917 г. береговых батарей, сыгравших огромную роль в ряде случаев — в частности, при обороне Севастополя. И здесь следует категорически не согласиться с маршалом Жуковым, когда он говорит о том, что в предвоенные годы не уделялось должного внимания береговой обороне.

Однако некоторые сегменты оказались фактически пустыми — так, отечественный ВМФ не располагал средствами десантирования (что имело фатальные последствия, в частности, в ходе десантов 1941–1943 гг. на Чёрном море), и современной гидроавиацией: эти проблемы решались в ходе войны и в основном за счёт союзников. Остаётся лишь сожалеть, что затянувшаяся программа строительства океанского линейного флота (проект 23 «Советский Союз» и разрабатывавшийся проект 24) не была реализована не только до войны, но и после неё. Сама настойчивость её возобновления показывает, что Сталин отчётливо осознавал неизбежность противостояния в Мировом Океане и явно не обладал «сухопутным» мышлением.

³⁹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 1-е изд. М.: Издательство Агентства печати Новости, 1969. С. 213.

Нельзя обойти вниманием вопрос инноваций. От оценки их важности и жизнеспособности, от своевременности инвестиций, в конечном итоге, зависит победа в будущей войне. Нет сомнения, что Сталин обладал достаточной интуицией, чтобы такую оценку производить. Так, период увлечения самыми разнообразными (и порой абсурдными) техническими разработками, имевший место в начале 1930-х, практически полностью завершился к 1937–1938 гг. Чем ближе была война, тем насущнее становилась нужда в простых, надёжных и эффективных вооружениях и средствах. Так, большинство опытов со средствами десантирования, телеуправляемыми снарядами и торпедами и т. д. свернули ещё в 30-х; в то же время проект воздушного авианосца В. С. Вахмистрова «Звено-СПБ» успешно применялся в начальный период войны.

Явное отставание в ряде областей — авиамоторостроении, радиолокации, создании стратегических бомбардировщиков послевоенного поколения — преодолевалось масштабными закупками технологий, эффективным промышленным шпионажем, копированием образцов. Подход в каждом случае был индивидуален. Так, «Стратокрепость» В-29 подверглась сразу после войны буквально копированию. Опытный танк Кристи в начале 30-х, как и британские реактивные двигатели «Нин» и «Дервент-5» (1945–1946 гг.), рассматривавшиеся на родине чуть ли не как тупиковые ветви эволюции, породили, соответственно, семейство танков БТ (материальную базу концепции глубокой наступательной операции) и двигатель ВК-1, успешно поднимавший в воздух боевые самолёты ещё в 80-е гг.

Как правило, усилия предпринимались, когда становилась ясна насущная необходимость. А. Е. Голованов вспоминал о последствиях своей беседы с А. И. Бергом о радиолокации: «Радиолокационная промышленность тогда у нас почти отсутствовала. Достаточно сказать, что боевые корабли английского флота имели на борту локаторы, в то время как у нас об этом было весьма туманное представление. Точно так же обстояли дела и в авиации. А двигаться вперед без радиолокационной аппаратуры было немыслимо. Аксель Иванович передал мне объемистый доклад, который он безрезультатно рассылал по всем инстанциям. Его соображения о развитии этой области промышленности были весьма важны. Я доложил о предложениях А. И. Берга Сталину, и в тот же день было принято решение о создании Совета по радио-

локации при ГКО во главе с Г. М. Маленковым. А. И. Берг был назначен заместителем председателя этого Совета. Так решались важные для государства вопросы»⁴⁰. Примерно то же самое можно сказать и о разработке ядерного оружия. Значение и перспективы его осознавались Верховным задолго до сообщения Трумэна об испытаниях ядерной бомбы, однако решение этого вопроса, очевидно, не могло осуществляться до завершения войны.

Подведём итоги — поневоле краткие в сравнении с обширностью предмета нашего внимания. После Октябрьской революции СССР столкнулся с неординарными вызовами. Объективно — в силу претензий к нему и его ресурсам со стороны потенциальных противников и субъективно — в силу мессианского характера советского строя и ориентации на экспорт революции. Хроническое индустриальное отставание и масштаб задач, обширность территории и недвусмысленная перспектива войны на несколько фронтов (Дальний Восток, Средняя Азия, Закавказье) дополнительно осложняли ситуацию. В этих условиях новому (и единоличному с конца 1920-х гг.) лидеру Советского государства удалось построить систему разработки и производства вооружений, материального обеспечения армии и флота, инфраструктурного строительства (сеть складов, аэродромов и т. д.). Представляется очевидным, что, после проведения тотальной чистки армейского руководства (с 1938–1939 гг.), Сталин единолично определял направления развития материальной базы РККА и ВМФ. К числу явных успехов следует отнести исключительное насыщение ВС бронетехникой и авиацией (в количествах, существенно превосходящих суммарное число единиц боевой техники всех потенциальных противников вместе взятых), достигнутое уже в рамках выделенного нами второго периода (к концу 1930-х гг.), создание с нуля целых отраслей производства вооружений, возникновение отечественного двигателестроения. Перекосы, увлечение тупиковыми видами вооружений, носили явно временный характер, в основном завершившись во второй половине 1930-х. Очевидная ошибка состояла в том, что Сталин с самого начала запустил военпром «на полный ход», в результате чего первоклассное по меркам начала 30-х дорогостоящее вооружение, произведённое тысячными тиражами, смогло поучаствовать лишь в локальных конфлик-

⁴⁰ Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная. М.: Дельта НБ, 2004. С. 110–111.

тах. Его неизбежное устаревание пришлось как раз на рубеж 30–40-х гг.⁴¹ Именно поэтому интенсивнейшее перевооружение армии и «перезагрузка» ВПК осуществлялись в период между финской и Великой Отечественной войной. Рациональнее было бы «обкатывать» экспериментальные образцы и вкладывать деньги в НИОКР, поскольку очевидной угрозы ни в 1933-м, ни в 1935-м не предвиделось, либо начинать «освободительный поход» не позднее 1937 г., однако эти рассуждения *post factum*, разумеется, ценности не имеют. Поэтому наиболее интенсивный период апробации новой техники пришёлся на два предвоенных года: «Я помню, как в период испытаний новых самолетов ежедневно к 12 часам ночи готовилась сводка для Сталина о результатах испытательных полетов»⁴².

Столь же очевидными недостатками были субъективные просчёты в структуре технического оснащения: многочисленные десантные войска при отсутствии транспортной авиации, танковые корпуса при остром дефиците обслуживающих их грузовых автомобилей, порядка десяти тысяч бомбардировщиков при мизерной, неэффективной и устаревшей разведывательной авиации и т. д. Отметим, впрочем, что значительная часть проблем проистекала из безальтернативных взглядов на характер будущей войны. Так, решение о серийном выпуске одноместного варианта штурмовика Ил-2, с которым РККА вступила в войну и провела до конца 1942 г., обычно рассматривается как явный просчёт (показательна самокритика Сталина в мемуарах А. С. Яковлева, имевшая результатом возврат к выпуску двухместного варианта, со стрелком в задней кабине)⁴³; не сыграл заметной роли и лёгкий бомбардировщик Су-2, созданный в рамках конкурса ВВС на беспрецедентно массовый самолёт «Иванов»⁴⁴. Однако эти самолёты оптимально подходили именно для наступательных операций той активной войны, к которой и готовилась, как могла, Красная Армия. Но глав-

⁴¹ Яковлев А. С. Цель жизни. М.: Политиздат, 1973. С. 161.

⁴² Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная... М.: Дельта НБ, 2004. С. 261.

⁴³ Яковлев А. С. Цель жизни. М.: Политиздат, 1973. С. 311–313.

⁴⁴ Шавров В. Б. История конструкций самолётов в СССР 1938–1950 гг. (материалы к истории самолётостроения). Справочное издание. 2-е изд., испр. М.: Машиностроение, 1988. С. 45–47; Хазанов Д. Сто тысяч «чингисханов». Правда и вымыслы о бомбардировщике Су-2. Авиамастер. 2000. № 5. С. 26–29.

ной, так и не изжитой, бедой оставалась низкая культура труда и столь же низкий уровень подготовки значительной части операторов вверенной техники. Количеством так и не удалось компенсировать качество. Её эффективному применению на начальном этапе войны препятствовала и некомпетентность основной массы командного состава РККА всех уровней — однако этот фактор выходит за рамки вопросов материальной подготовки к войне.

Вместе с тем, сама концепция технического оснащения армии выдержала проверку Отечественной войной. А в условиях утраты колоссальных ресурсов и едва ли не половины населения оказались единственно жизнеспособными технически предельно примитивизированные виды вооружений. Именно сейчас оказались кстати пригодные к производству в любых условиях ППШ, штампованные ППС, простые и предельно технологичные Т-34, широкое применение в авиастроении недефицитных деревянных конструкций (в основном на машинах КБ С. А. Лавочкина) и т. п. Последний пример достаточно показателен — он восходит к довоенной установке Н. Н. Поликарпова на то, что, при однозначном переходе к цельнометаллическим бомбардировщикам, в истребительной авиации, учитывая конкретику страны (дефицит алюминия и неограниченные лесные ресурсы в сочетании с отработанной практикой сборки) оправдано создание самолётов преимущественно из дерева. Итогом подобных подходов стало то, что беспрецедентная в мировой истории утрата армией почти всей техники за первые 5 месяцев войны, как и последующая убыль, регулярно компенсировались нарастающими темпами.

Нарком боеприпасов Б. Л. Ванников вспоминал факты из истории разработки советского стрелкового вооружения: «...ППШ, как и противотанковые ружья, конструировались таким образом, чтобы в случае необходимости можно было развернуть их изготовление в больших количествах не только на оружейных, но и на машиностроительных заводах. Нужное для этого дополнительное оборудование, в частности, специальные станки для обработки каналов стволов, изготовлялось на заводах наркомата вооружения в таком количестве, что это позволило создать достаточный для данных нужд мобилизационный запас. Резервы специального оборудования, а также ствольной заготовки, с первых же дней войны начали поступать на некоторые заво-

ды машиностроения, которые и смогли благодаря этому быстро развернуть производство оружия для фронта»⁴⁵.

Важной чертой руководства Сталиным военной промышленностью оказалась способность безапелляционно концентрировать силы на направлениях, казавшихся в данный момент главными — порой в ущерб возможности производства весьма перспективных образцов. «История с Т-34 — это как раз пример дальновидности её создателей, заложивших огромный задел для будущих модернизаций, без существенных затрат, на основной базе танка. А также пример мудрости и экономического расчета главы страны, выбирающего между хорошим и «лучшим» (что иногда враг хорошему). И не дававшего конструкторам «отвлекаться» на перспективные, но разорительные в тот момент для страны образцы. Вот об этом и говорил Сталин конструктору Морозову А. А.: «Вы создали неплохую машину (Т-43). Но в настоящее время у нашей армии уже есть хороший танк Т-34. Сейчас задача состоит в том, чтобы повысить его боевые качества, увеличивать выпуск. Пока завод и КБ не выполняют этих требований действующей армии, нужно запретить отвлекать конструкторов на новые разработки». Потом сделаете свой замечательный танк. А сейчас фронту нужен Т-34»⁴⁶.

Особенно наглядно это обстоятельство проявилось в годы войны в авиации, остро зависевшей от количества выпускаемых двигателей. Блестящее семейство истребителей И-180 — И-185 (по ряду оценок — едва ли не лучший истребитель Второй мировой)⁴⁷ так и не пошло в серию, бомбардировщик Ту-2, показывавший отменные данные в 1941 г. начали производить только в 1944 г. преимущественно по причине дефицита двигателей и необходимости буквально поштучного их распределения Ставкой. Однако именно это дало возможность сконцентрироваться на отработанных в производстве массовых образцах и насыщать фронт техникой.

Достаточно широко применялась в 30-е гг. практика концентрации конструкторов в закрытых ОКБ, ОТБ и СКБ («шараш-

⁴⁵ Ванников Б. Л. Записки наркома // Знамя. 1988. № 1. С. 139.

⁴⁶ Козинкин О. О танке Т-34, пушке ЗИС-2, «Катюше» и товарище Сталине // URL: <http://liewar.ru/kto-vyigral-voynu/141-o-tanke-t-34-pushke-zis-2-katyushe-i-tovarishche-staline.html>

⁴⁷ Маслов М. А. Роковой истребитель Чкалова. Самая страшная авиакатастрофа Сталинской эпохи. М.: Коллекция, Яуза, ЭКСМО, 2010. С. 54–77.

ках»). Как известно, первой подобной структурой стало созданное в ноябре 1929 — январе 1930 г. ЦКБ-39 ОГПУ им. Менжинского, начавшее свою деятельность с молниеносного исполнения госзаказа на современный истребитель — создания весьма удачного самолёта И-5 (он же ВТ-11, Внутренняя тюрьма-11), основы отечественной истребительной авиации начала 1930-х. Конструкторский коллектив впервые собрался вместе 30 ноября 1929 г., а 29 апреля 1930 г. состоялся первый испытательный полёт. В дальнейшем опыт закрытых КБ активно практиковался в ряде сфер разработки вооружений, причём самые ощутимые результаты это принесло в авиационной и ракетной области. Так, знаменитая «Туполевская шарага» (ЦКБ-29 НКВД) перед войной спроектировала Пе-2 и Ту-2. Чрезвычайное распространение ОКБ и СКБ получили в послевоенный период, с очередной революцией в области военных технологий — их расцвет пришёлся на 1949–1953 гг.

С точки зрения либеральной морали такие способы управления НИОКР могут показаться весьма предосудительными. Однако стоит признать, что столь экзотическая методика стимуляции мозгового штурма и творческой активности приносила свои плоды и дала необходимый толчок, особенно в начале процесса, в годы первой пятилетки, а также после войны. В конце концов, изоляция специалистов с целью активизации их работы и недопущения утечки секретов осуществлялась в истории неоднократно, и обычно приносила плоды. А если учесть крайне специфическую обстановку классовой борьбы и нацеленности на войну со всем капиталистическим миром внутри СССР, эта практика не кажется столь уж противоестественной. Впрочем, литература о сталинских шарашках наличествует и позволяет каждому сделать собственные обоснованные выводы и умозаключения.

Вместе с тем нельзя не признать и ряда отрицательных факторов. Присущая сталинскому предвоенному времени (точнее, порождённая им) атмосфера тотальной спешки и регулярной штурмовщины, безусловно, имела и свои отрицательные последствия для процесса опытно-конструкторских работ и налаживания серийного выпуска вооружений. Тот же Б. Л. Ванников отмечал:

...Не могу не вспомнить о таких ошибках и в отношении кадров нашей оборонной промышленности.

Общеизвестно, что боевая техника, созданная в мирное время, ее качество окончательную, подлинную проверку проходят во время

войны, на полях сражений. Но, в то же время, нужно иметь в виду, что высокое качество оружия обеспечивается тщательной отработкой конструкции и испытанием образцов, составлением хорошей технической документации, разработкой рационального технологического процесса и организацией налаженного серийного производства.

В довоенный период, о котором идет речь, конструкторы и производственники не выполняли полностью эти элементарные требования, ссылаясь в свое оправдание на нереальность заданных им сроков. Хотя в ряде случаев сроки устанавливали с их согласия, нельзя все же не согласиться, что спешка вносила элементы дезорганизации в работу. При явно нереальных сроках «опускались руки», притуплялось чувство ответственности. В конечном итоге бывали срывы, опоздания или невыполнение установленных тактико-технических требований (ТТТ), за что руководителей и работников заводов, наркоматов и конструкторов подвергали взысканиям⁴⁸.

Если проблема существовала до войны, то что уж говорить о нервозности периода военных лет, особенно первой половины Великой Отечественной. Специфическая манера сталинского руководства в сочетании с его дотошностью и вниманием к мелочам, безусловно, существенно сократила сроки жизни многих конструкторов, управленцев и промышленников. Однако результат в конечном итоге обычно достигался, и сама победа в войне — лучшее доказательство этого. Мы никогда не узнаем, как можно было бы руководить «по-другому», какой результат был бы тогда. Поэтому и в оценках, очевидно, должны проявлять осторожность и — прежде всего — понимание ситуации.

Вместе с тем, нельзя не отметить рациональность подхода И. В. Сталина, выразившуюся, в том, что в течение всей войны, как и после неё, он успешно избегал гигантомании в сфере вооружений, а также увлечения проектами «чудо-оружия», что было столь характерно, в частности, для Гитлера. Инкриминируемая ему некоторыми современными авторами «количественная гигантомания» не может быть поставлена в вину: хорошего оружия много не бывает, и если СССР превосходил Третий Рейх в 1941 г. по количеству танков и самолётов в 5–7 раз, то это не может быть оценено отрицательно ни с одной из возможных точек зрения. Речь о гигантизме размеров и здравом смысле. Гитлеру, зная его мистически-восторженное умонастроение, конструкторы предлагали проекты, мягко говоря, нежизнеспособные, особен-

⁴⁸ Ванников Б. Л. Записки наркома // Знамя. 1988. № 1. С. 135.

но в условиях Германии конца войны. Итог — многочисленные разработки (танки Pzkw VII «Löwe» и Pzkw VIII «Maus», транспортники Messerschmitt Me.323 «Gigant» и ZSO.523-0, самоходные мортиры Gerät 040 и 041 «Karl» и множество других), либо неосуществимые, либо приносявшие больше проблем, чем пользы. Впрочем, стремление к гигантизму немцы проявили ещё в годы Первой Мировой со своей пушкой «Колоссаль», так что тут отчасти повинны особенности национального менталитета. В нашей стране тенденция эта также имела место. Вспомним хотя бы увлечение гигантскими самолётами в первой 1930-х гг. (ТБ-4 (АНТ-16) А. Н. Туполева и К-7 К. А. Калинина) или танками (пятибашенные Т-35 с экипажем до 11 человек, ТГ, СМК и Т-100). Однако, в общем и целом, как указывалось выше, эта тенденция широкого распространения не имела, а «сумасшедшие проекты» в основном были закрыты во второй половине 30-х. Во главу угла Сталин поставил возможность бесперебойного массового выпуска и простоту применения личным составом. Трезвый подход, стремление опираться на работающие технологии и реализм Сталина, без сомнения, должны быть оценены позитивно.

Достаточно ёмко характеризует существенную тенденцию сталинского руководства конструкторскими разработками О. Козинкин:

Если посмотреть на биографии тех, кто создавал оружие Победы, и тех, кто заваливал армию хламом при Тухачевских, то получится интересная картинка. До 37-го часто были спецы старой, «дореволюционной» школы, с «настоящим высшим образованием», о «потере» которой так стенают сегодня «разоблачители сталинизма». А после — молодняк, комсомольцы, «директора кондитерских фабрик». Это были уже «сталинские спецы», которые после войны создавали уже и ракетно-ядерное оружие. Со знаниями из учебных заведений «сталинской» системы образования, без заискивания перед Западом, они создали «Великую эпоху».

В той же авиации все конструктора, кроме, наверное, Туполева да Поликарпова, свое образование получали в советских школах — Яковлев, Ильюшин, Лавочкин... И их самолеты выиграла войну. В разработке же стрелкового оружия как раз сохранилась «преемственность». Русскую оружейную школу Федорова, Токарева, Дегтярёва продолжили Симоновы, Судаевы, Калашниковы. Кстати, никто старых «спецов» — оружейников стрелкового оружия в «страшные сталинские времена» не «репрессировал» почему-то. Всех посадили в тюрьму, а эти как-то выкрутились? Или может потому, что оружей-

ники-стрелкачи просто не писали доносы друг на друга? Как писали доносы друг на друга те же конструкторы-ракетчики.

Конструкторы же танков БТ и Т-26, «спецы» старой школы, просто переделывали и модернизировали лицензионные американские «Кристи» да английские «Виккерсы». Они же создавали странные трёх и пятибашенные танки Т-28 и Т-35 («похожие» на английские М-III образца 32 года), с такой же бронёй, как и у лёгких танков и танкеток. Но Т-34 и «КВ» с «ИСами» создавали выходцы уже из советской школы, и эти танки определили будущее развитие всего мирового танкостроения. Теперь уже Запад и весь мир «копировали» наши танки. И сделали это «сталинские спецы»...

...Подобные решения принимались и после войны, с копированием американской очередной «летающей крепости» В-29. Когда Туполев заявил, что у него готов проект своего двухкилевого бомбардировщика большой дальности, «семинарист-недоучка» приказал просто скопировать уже летающий В-29. Это давало выигрыш во времени в гонке на выживание с Америкой. А уж потом как-нибудь разберёмся с «авторскими правами» и своими новыми самолётами. Так достаточно быстро появился ТУ-4, а конструкторы Туполева занялись проектированием уже реактивных машин. Или история о том, как Королёв на приёме у Сталина пытался помечтать о полетах на Марс. Но «недалёкий Вождь» не оценил мечты Великого Конструктора и запретил ему даже думать о космонавтике и космических кораблях!

Когда разные авторы пытаются на таких примерах показать, мягко говоря «недальновидность» тирана, душившего полёт мысли наших конструкторов новой техники (танков, самолётов, ракет), то не мешало бы им параллельно давать комментарии о том, в каком экономическом состоянии находилась в этот момент страна. И что было бы со страной, если бы вместо работы с ракетой под «бомбу», Королёв возился бы с полётом на Марс. Дали бы американцы нашим конструкторам время на этот «полет мысли»?⁴⁹

Сделав поправку на некоторую лихость оценок, в целом и по духу с большинством из вышесказанного можно согласиться.

Резюмируя, стоит отметить, что, основными чертами стиля И. В. Сталина в материально-техническом обеспечении оборонных нужд страны нам следует признать компетентность, высочайшую степень обучаемости и способности к самообразованию. К этому должны быть добавлены ясное осознание связи между

⁴⁹ Козинкин О. О танке Т-34, пушке ЗИС-2, «Катюше» и товарище Сталине // URL: <http://liewar.ru/kto-vyigral-voynu/141-o-tanke-t-34-pushke-zis-2-katyushe-i-tovarishche-staline.html>

разрабатываемой стратегией и техническими факторами её реализации, учёт личностно-психологических факторов при боевом применении техники военными, рациональный баланс консерватизма и инновационности, предельно чёткое осознание российских реалий, высокая степень централизации руководства ВПК. Завершив чистку госаппарата и окружив себя, быть может, далеко не блестящими полковниками и функционерами, Сталин мог позволить себе, не опасаясь за власть, налаживать адекватный диалог с конструкторской и промышленной элитой, вполне находя с ней общий язык.

Минусы, как обычно, — продолжение плюсов. Избыточная централизация замыкала на Верховного Главнокомандующего чрезмерное количество информации, заставляя вникать в вопросы, могущие быть решёнными и без его участия. Субъективный опыт Сталина и его личные ощущения оказывали чрезмерное влияние на судьбы многих видов вооружения, что при масштабах ВС имело серьёзные последствия. При этом иерархическая система не всегда способствовала доведению до него объективной информации, маскировала проблемы, провоцировала многочисленные интриги и напряжённость в среде конструкторов, производителей и военных.

Вместе с тем, надо признать, что эта система, в субъективных отечественных реалиях, оказалась единственно возможной и работоспособной, заложив основания советского и российского ВПК. Не вызывает сомнения, что решающими факторами сохранения национального суверенитета в ходе Второй мировой войны (и не в меньшей степени — в условиях начавшейся Холодной войны) явились выработка в целом прогрессивной наступательной военной доктрины СССР, установки на создание мощного территориально рассредоточенного ВПК, производство массовых и технологичных образцов вооружений, адекватное и оперативное реагирование на быструю смену тактических и стратегических парадигм и на технические новинки противника со стороны высшего руководства страны в лице, прежде всего, её Верховного Главнокомандующего. Очевидно, что только наличие устойчивой и отлаженной вертикали власти, достаточная степень её централизации, нейтрализация внутренней оппозиции при достаточной степени личной компетенции обеспечили Иосифу Сталину решение беспрецедентных по сложности задач этого времени.

* * *

Проблема кадровой политики И. В. Сталина в армейской среде, нередко сводимая исключительно к сфере репрессий в отношении комсостава Вооружённых сил, имеет давнюю историю. Впервые она была озвучена и поднята Н. С. Хрущёвым на XX съезде КПСС. Впрочем, доклад Хрущёва отформатировал проблематику изучения Сталина и сталинизма на десятилетия вперёд, поскольку в нём были сформулированы все основные претензии к сталинской системе и принципам её функционирования. Последующие публикации и прошедшее время выявили всю неоднозначность этой проблемы.

Собственно, тема репрессий «колебалась» вместе с колебаниями политического курса по отношению к Сталину. В хрущёвское десятилетие появились многочисленные публикации на эту тему, рассматривавшие её сквозь призму судеб конкретных военачальников, были в общем очерчены численные масштабы и размах репрессий, а также достаточно однозначно констатировано, что они нанесли серьёзный ущерб качеству командных кадров, что в значительной степени, и предопределило череду неудач Красной Армии в начальный период Великой Отечественной войны. После смены власти и смещения Никиты Сергеевича, в середине 1960-х гг., начался определённый ренессанс, связанный с «мягкой» реабилитацией Сталина. Ряд тем, порочащих его, однозначно ушёл в тень и практически перестал подниматься как в научных трудах, так и в широкой печати. Поскольку вина за репрессии ранее возлагалась персонально на И. В. Сталина, они практически перестали упоминаться.

В перестроечные годы репрессии против комсостава стали одним из наиболее действенных аргументов антисталинской и антисоветской пропаганды, с ними вновь стали связывать катастрофическое падение боевых возможностей РККА перед войной, причём по понятным причинам, какие-либо цензурные или нравственные ограничители критики Сталина уже с 1988 г. фактически отсутствовали. Образ кровавого тирана, с маниакальным упорством накануне мировой войны пожирающего собственных блестящих полководцев, был достаточно прочно утверждён, по крайней мере — в общественном сознании. В центре внимания по-прежнему оставались судьбы узкого круга высшего комсостава — либо героев Гражданской, либо участников боёв

в Испании и на Халхин-Голе. Учитывая, что их образы, как правило, целенаправленно ретушировались и превозносились, возникала действительно удручающая картина, отягощённая весьма несимпатичными образами деятелей НКВД и следственных органов, применением незаконных методов расследования, пыток и т. д. Типичные выводы этого времени: «Это был удар, который подорвал вооруженные силы страны перед самой войной. Новые, неопытные, малоподготовленные «выдвиженцы» должны были осваивать все сначала... Армия была подорвана физически, интеллектуально, морально, нравственно»⁵⁰.

Правда, качественных научных исследований этого феномена тогда фактически не было, но в 1990-х гг. (не без влияния книг В. Суворова, пробудивших в обществе массовый интерес к проблематике Отечественной Войны), проблема стала изучаться весьма активно.

Почти сразу же последовала и ответная реакция. Столь однозначное и одностороннее списание «на Сталина и репрессии» проблем качества комсостава вызывало недоумение и неприятие. В результате в последние два десятилетия появился ряд достаточно фундаментальных публикаций, представляющих альтернативную точку зрения. По мнению их авторов, репрессии, сколь бы масштабными они ни казались, не повлияли на боеспособность Красной Армии существенным образом. Во всяком случае, в том смысле, что она и до репрессий была на невысоком уровне в части дисциплины, навыков овладения боевой техникой и качества командно-штабной работы. Акцент всё чаще делается на том, что специфическими и небезупречными с точки зрения морали способами осуществлялась замена командиров, неспособных к ведению войны в качественно новых условиях, в той или иной степени политически неблагонадёжных, сомнительных в дисциплинарном отношении и т. д.⁵¹ «Приход плеяды выдающихся советских полководцев эпохи Великой Отечественной войны стал возможен лишь после того, как им расчистили место»⁵². В присущей ему эмоциональной и едкой манере возникающее

⁵⁰ Проэктор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989. С. 304.

⁵¹ Лошков Д. Б. Командные кадры Красной армии накануне Великой Отечественной войны (1939 — июнь 1941): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 17; Короленков А. В. Ещё раз о репрессиях в РККА в предвоенные годы // Отечественная история. 2005. № 2. С. 158–162.

⁵² Иванов А. М. Логика кошмара. М., 1993. С. 116.

недоумение и ответ на него сформулировал в своём «Очищении» В. Суворов:

Даже Гитлер с Геббельсом сообразили, что Сталин действовал правильно, а наши агитаторы твердят: обезглавил, обезглавил, обезглавил, трагедия, трагедия, трагедия...

А не пора ли задуматься над странным обстоятельством? Перед войной Сталин уничтожил гениальных полководцев, но завершил войну с несокрушимой армией и целым ансамблем не менее выдающихся генералов и маршалов: Рокоссовский, Василевский, Драгунский, Малиновский, Говоров, Жадов, Конев, Ватутин, Черняховский, Новиков, Кузнецов, Малинин, Баданов, Богданов, Антонов, Мерецков, Крейзер, Ротмистров, Рыбалко, Лелюшенко, Катюков, Берзарин, Пухов, Пуркаев, Голованов. Да всех разве перечислишь! А Гитлер свою армию не обезглавливал, но завершил войну с разгромленным государством, с разбитой и безголовой армией. Так почему же про «обезглавленную» Красную Армию написаны тысячи научных трудов, книг и статей, а про безголовую армию Гитлера никто трудов не пишет? Хотел бы я знать, почему все смеются над кадровой политикой Сталина, но никто не смеется над кадровой политикой Гитлера? А ведь трагедия германской армии налицо. И заключалась она в том, что Гитлер к войне не готовился, генералов сотнями перед войной не стрелял, потому войну проиграл, потому был вынужден застрелиться сам.

Нас учили оценивать результаты кадровой политики Сталина на чисто эмоциональном уровне. Нас учили мыслить так, как мыслит пьяный, которым движет чувство, а не рассудок. Но не пора ли посмотреть на события 1937 года трезвым взглядом, а не через пьяные слезы?

...Дурацкий колпак, который пытаются надеть на Сталина, покрывает всех нас, всех, кто родился при Сталине и после. С любым иностранцем начинаю говорить о войне, а мне в ответ: да вы же идиоты — гениев не уберегли, параноики — фальшивке поверили! Рассказы про истребленных гениев и оставшихся идиотах смазывают всю нашу военную историю, перечеркивают все подвиги, жертвы и страдания народа. О какой военной истории речь, если оказывается, что во главе государства и армии стоял кретин Сталин, который не нуждался в умных полководцах?

Весьма точно характеризует сложившуюся ситуацию М. И. Мельтюхов. Хотя приводимый пассаж относится к 1997 г., нельзя не признать его концептуальной актуальности: «В имеющейся отечественной литературе по проблеме довольно чётко выделяются две основные тенденции. Одну из них можно условно назвать «проармейской», так как в ней довольно чётко проводится мысль, что офицерский корпус — элита не только армии, но и страны в целом, а поэтому организованные и проводившиеся

НКВД репрессии не только необоснованны, но и преступны в отношении судеб страны и являются самым страшным преступлением органов. Другая тенденция имеет явно антисталинскую направленность, поскольку в ней акцентируется внимание на роли Сталина в организации беспричинных и самоубийственных для страны репрессий офицерского корпуса. Думается, что подлинно научное изучение этих трагических событий возможно лишь за рамками вышеуказанных тенденций, и оно ещё впереди... Несмотря на довольно бурное обсуждение этой проблематики в конце 80-х — начале 90-х гг., введение в научный оборот документов было не столь значительно, как можно было бы ожидать. Появившиеся документы, хотя и конкретизировали некоторые аспекты, но не позволили всесторонне рассмотреть данную проблему. В результате в литературе сохраняется разноголосица по основным вопросам темы. Тематика исследований проблемы репрессий в Красной Армии, к сожалению, почти не вышла за рамки, сложившиеся в 50–60-х гг., что определялось наличной источниковой базой. Примерно на уровне того десятилетия остаются и общие выводы исследователей. Не только не решены, но зачастую даже не поставлены вопросы о целях чисток офицерского корпуса, о межведомственных трениях в те годы, о наличии и взаимоотношениях различных группировок в Красной Армии, о месте и роли офицерского корпуса в тоталитарном государстве»⁵³.

Не будем пытаться расставить все точки и многоточия, постараемся лишь сформулировать принципы, из которых, на наш взгляд, должна вытекать оценка кадровой политики И. В. Сталина.

Прежде всего, очевидно, что сам по себе механизм «очистки» армии от чужеродных элементов, потенциальных заговорщиков и неблагонадёжных кадров был небезупречен и абсолютно неприемлем. Применение пыток, психологического давления, прямая и неприкрытая фабрикация дел «из воздуха» органами НКВД вызывает не просто неприятие, но, в первую очередь, недоумение. В условиях мирного времени, пусть и ознаменованного угрозой войны, чистка армии могла бы проводиться иными методами. И дело даже не в том, что это не согласуется с законностью. Гораздо важнее другое. Из многочисленных свидетельств современ-

⁵³ Мельтюхов М. И. Репрессии в Красной Армии: итоги новейших исследований // Отечественная история. 1997. № 5. С. 118.

ников очевидно, что произвол, в каких бы размерах он ни имел место, порождал, в числе прочего, проблемы дисциплинарного и психологического порядка в армейской среде. Произвольная ротация комсостава, его частая смена и исчезновение значительного числа командиров, которые потом объявлялись предателями, врагами народа, шпионами и т. д. неизбежно отражалась на моральном состоянии войск. Если командир, которого ты хорошо знаешь, оказался японским и польским шпионом, как и его начальник, то где гарантия что остальные невиновны? И как теперь исполнять их приказы? И что за люди те, кого поставили на их места? Представляется, что в канун ряда локальных конфликтов и Большой Войны подобные действия объективно крайне отрицательно сказывались на боевом духе армии. В этом смысле сама технология армейских чисток должна быть, безусловно, поставлена в вину Сталину.

Разумеется, всё вышесказанное в меньшей степени отражалось и на моральном состоянии самих командиров всех уровней. Сама атмосфера подозрительности и лёгкость, с которой выдвигались обвинения в предательстве, объективно порождали страх и неуверенность, сковывали инициативу, что, опять же, в преддверии боевых действий армии было категорически противопоказано. Стремление сделать армейскую среду более послушной может быть понятно, особенно в контексте действительно большого количества случаев разгильдяйства, нарушений уставов, дисциплинарных проступков, свойственных армии 1930-х гг. Однако параллельно еще больше снизился уровень низовой, да и штабной, инициативы — и так не слишком высокий в Красной Армии по сравнению, скажем, с вермахтом. Поэтому очевидна генетическая связь часто проявлявшейся в начале войны пассивности комсостава и рядовых военнослужащих в оперативной обстановке с атмосферой репрессий.

Кроме того, вряд ли можно адекватно измерить ущерб, наносимый авторитету армии в глазах гражданского населения. Маршалы СССР, герои Гражданской, оказывавшиеся (вполне публично) участниками антисталинского заговора — это скорее удар по имиджу власти, чем её победа.

Большинство командиров, как известно, не особо распространялись о периоде своей жизни, связанном с пребыванием под следствием, в тюрьме или лагере. Обычно в мемуарах это время списывалось на «длительную служебную командировку».

ку». Пожалуй, только генерал А. В. Горбатов рискнул открыто и довольно подробно показать репрессивный механизм глазами командира Красной Армии:

В один из весенних дней 1937 года, развернув газету, я прочитал, что органы государственной безопасности «вскрыли военно-фашистский заговор». Среди имен заговорщиков назывались крупные советские военачальники, в их числе Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский.

Это известие меня прямо-таки ошеломило. «Как могло случиться, — думал я, — чтобы люди, игравшие видную роль в разгроме иностранных интервентов и внутренней контрреволюции, так много сделавшие для совершенствования нашей армии, испытанные в дни невзгод коммунисты, могли стать врагами народа?» В конце концов, перебрав различные объяснения, я остановился на самом ходком в то время: «Как волка ни корми, он все в лес смотрит». Этот вывод имел кажущееся основание в том, что М. Н. Тухачевский и некоторые другие лица, вместе с ним арестованные, происходили из состоятельных семей, были офицерами царской армии... «Очевидно, — говорили тогда многие, строя догадки, — во время поездок за границу в командировки или на лечение они попали в сети иностранных разведок».

На Киевской окружной партийной конференции мы, делегаты, заметили, что И. Э. Якир, всегда веселый и жизнерадостный, выглядел за столом президиума сосредоточенным и угрюмым. Мы объясняли себе эту мрачность тем, что, по слухам, его переводили командующим в Ленинградский военный округ, меньший, чем Киевский.

А через несколько дней нам стало известно, что в поезде, где-то под Москвой, Якир был арестован как участник «заговорщицкой группы Тухачевского». Для меня это был ужасный удар. Якира я знал лично и уважал его. Правда, в глубине души еще теплилась надежда, что это — ошибка, что разберутся и освободят. Но об этом говорили между собой только очень близкие люди.

Вскоре в Киевский военный округ прибыло новое руководство. Член Военного совета Щаденко с первых же шагов стал подозрительно относиться к работникам штаба. Приглядывался, даже не скрывая этого, к людям, а вскоре развернул весьма активную деятельность по компрометации командного и политического состава, которая сопровождалась массовыми арестами кадров. Чем больше было арестованных, тем труднее верилось в предательство, вредительство, измену. Но в то же время как этому было и не верить? Печать изо дня в день писала все о новых и новых фактах вредительства, диверсий, шпионажа...

...Прошел еще месяц. Приказом командующего округом я был освобожден от командования дивизией, а вскоре и исключен из партии штабной парторганизацией «за связь с врагами народа». Меня

отчислили в распоряжение Главного управления кадров Наркомата обороны...

<...> В два часа ночи раздался стук в дверь моего номера в гостинице ЦДКА. На мой вопрос: «Кто?» — ответил женский голос:

— Вам телеграмма.

«Очевидно, от жены», — подумал я, открывая дверь. Но в номер вошли трое военных, и один из них с места в карьер объявил мне, что я арестован. Я потребовал ордер на арест, но услышал в ответ:

— Сами видите, кто мы!

После такого ответа один начал снимать ордена с моей гимнастерки, лежащей на стуле, другой — срезать знаки различия с обмундирования, а третий, не сводя глаз, следил за тем, как я одеваюсь. У меня отобрали партийный билет, удостоверение личности и другие документы. Под конвоем я вышел из гостиницы. Меня втокнули в легковую машину. Ехали молча. Трудно передать, что я пережил, когда меня мчала машина по пустынным ночным улицам Москвы.

Но вот закрылись за мной сначала массивные ворота на Лубянке, а потом и дверь камеры. Я увидел каких-то людей, поздоровался, и в ответ услышал дружное: «Здравствуйте!» Их было семь. После недолгого молчания один из них сказал:

— Товарищ военный, вероятно, думает: сам-то я ни в чем не виноват, а попал в компанию государственных преступников... Если вы так думаете, то напрасно! Мы такие же, как вы. Не стесняйтесь, садитесь на свою койку и расскажите нам, что делается на белом свете, а то мы давно уже от него оторваны и ничего не знаем.

Мои товарищи по несчастью особенно интересовались положением в гитлеровской Германии. Позднее я узнал, что все они в прошлом ответственные работники. Произвели они на меня впечатление культурных и серьезных людей. Однако я пришел в ужас, когда узнал, что все они уже подписали на допросах у следователей несусветную чепуху, признаваясь в мнимых преступлениях за себя и за других. Одни пошли на это после физического воздействия, а другие потому, что были запуганы рассказами о всяких ужасах.

Мне это было совершенно непонятно. Я говорил им: ведь ваши оговоры приносят несчастье не только вам и тем, на кого вы лжесвидетельствуете, но также их родственникам и знакомым. И наконец, говорил я, вы вводите в заблуждение следствие и Советскую власть. Ведь некоторые подписывались под клеветой даже на давно умершего Сергея Сергеевича Каменева!

Но мои доводы никого не убедили. Некоторые придерживались странной «теории»: чем больше посадят, тем лучше, потому что скорее поймут, что все это вреднейший для партии вздор.

— Нет, ни при каких обстоятельствах я не пойду по вашей дороге, — сказал я, и, так как они доказывали мне свою правоту, у меня

сначала пропало к ним сострадание, а потом я почувствовал даже отвращение к этим трусам. Я так рассердился, что сказал им:

— Своими ложными показаниями вы уже совершили тяжёлое преступление, за которое положена тюрьма... На это мне иронически ответили:

— Посмотрим, как ты заговоришь через неделю!»⁵⁴

Отошлём заинтересованного читателя к дальнейшим печальным событиям в жизни будущего Героя Советского Союза, генерала армии и командующего Воздушно-десантными войсками, которые занимают целую главу в книге его воспоминаний. Как нам кажется, они дают вполне ёмкую, всестороннюю и крайне типическую картину мировосприятия целого социального слоя. Она выгодно отличается от порой излишне эмоциональных текстов об «ужасах ГУЛАГа», прошедших обработку и переосмысление литераторами, профессионально борющимися со сталинизмом. Как и от домыслов самих литераторов.

Во-вторых, недопустимо связывать ответственность за сам размах репрессий исключительно со Сталиным. Безусловно, централизация управления формально делает его ответственным за всё, что происходит в стране. Но можно ли забывать, какова была (да и остаётся) сама страна? Приведём несколько фрагментов из воспоминаний людей, очень близко общавшихся с Верховным и имевших достаточно объективный взгляд на происходящее:

Помню, я был в кабинете Сталина, когда он вдруг сказал:

— Штерн оказался подлецом.

Все, конечно, сразу поняли, что это значит: арестован. Там были люди, которые Штерна отлично знали, дружили с ним. Трудно допустить, что они поверили в его виновность. Но никто не хотел показать и тени сомнения. Такова уж была тогда обстановка. Про себя, пожалуй, подумали: сегодня его, а завтра, быть может, меня. Но открыто этого сказать было нельзя. Помню, как вслух, громко, сидевший рядом со мной Н. А. Вознесенский произнес по адресу Штерна лишь одно слово: «Сволочь!»

Не раз я вспоминал этот эпизод, когда Николая Алексеевича Вознесенского постигла та же участь, что и Г. М. Штерна.

После войны я сам оказался на скамье подсудимых. Мне тоже пришлось испытать произвол времен культа личности, когда «суд молчал»...⁵⁵

⁵⁴ Горбатов А. В. Годы и войны. М.: Воениздат, 1989. С. 116–121.

⁵⁵ Кузнецов Н. Г. Крутые повороты: из записок адмирала. М.: Молодая гвардия, 1997. С. 74–75.

Однажды Сталин после обсуждения с Филиным какого-то авиационного вопроса пригласил его обедать. Как сейчас помню красивое, бледное лицо Александра Ивановича, стройную фигуру, внимательный взгляд голубых глаз и улыбку. За обедом Сталин расспрашивал Филина о летной работе, самолетах. Интересовался здоровьем. У Филина был больной желудок, кажется язва. Спрашивал, нравится ли ему вино с наклейкой из обычной бумаги и напечатанным на машинке названием. Филин ответил:

- Да, очень хорошее вино — слабое и приятное. Сталин заметил:
- Вам это можно пить?

Затем, спросив, какие фрукты любит Филин, распорядился отнести ему в машину фруктов и несколько бутылок вина. Смотрел на него все время приветливо и дружелюбно.

А через несколько недель стоило одному конструктору доложить: «Товарищ Сталин, Филин тормозит испытание моего истребителя, предъявляет всякие претензии», — и в судьбе Филина произошел крутой поворот.

- Как так? — спросил Сталин.

— Да вот указывает на недоработки, а я утверждаю, что самолет хороший.

Присутствующий Берия что-то пробормотал про себя. Можно было понять только одно слово: «Сволочь...» А через несколько дней стало известно, что Филин арестован.

Спустя некоторое время я попытался помочь Александру Ивановичу, но из этого ничего не вышло⁵⁶.

Не раз мне приходилось хлопотать за кого-нибудь перед Верховным Главнокомандующим или быть свидетелем того, как это делают другие. Так, однажды, неизвестно какими путями, появился у меня на столе замусоленный треугольник-письмо: «Гражданину командующему Голованову». Признаться, с такими адресами я еще писем не получал. Быстро вскрыв его, сразу посмотрел на подпись: «Мансветов». Неужели это командир отряда из Восточно-Сибирского управления ГВФ?

Действительно, письмо было от него, а сидел он в лагерях где-то на Колыме, обвиненный в шпионаже в пользу Японии и арестованный в 1938 году.

Мансветов просил помочь ему. Сам он происходил из грузинских князей, но, как известно, князья эти подчас, кроме общипанного петуха, ничего не имели. Как летчик и командир отряда, Мансветов, оставаясь беспартийным, пользовался большим авторитетом среди товарищей, и уж что-что, а версия о его японском шпионаже никак не укладывалась в моей голове. Вспомнил я и свои мытарства в Иркутске. Меня ведь тоже пытались приобщить к какой-то разведке.

⁵⁶ Шахурин А. И. Крылья победы. М.: Политиздат, 1990. С. 92.

Вечером я пришел домой к И. В. Сталину, рассказал ему о полученном письме, а заодно и о своей иркутской истории...

— Что-то о князьях Мансветовых ничего особенного не слышал, — сказал он. — Вы хорошо знаете этого Мансветова?

— Я не только хорошо его знаю, но ручаюсь за него и прошу разрешить забрать его к нам в АДД.

— Ну что же, если вы уверены в нем и ручаетесь за него, мы сейчас попросим направить его к вам.

Он подошел к телефону, набрал номер.

— У меня Голованов. Ходатайствует за бывшего своего командира отряда. Считаю, просьбу его следует рассмотреть: зря человек просить не будет.

— Приедете к себе, позвоните Берия, — сказал Сталин. На этом мы и распростились.

Кстати говоря, Сталин всегда, когда к нему приезжали домой, встречал и пытался помочь раздеться, а при уходе гостя, если вы были один, провожал и помогал одеться. Я всегда почему-то чувствовал себя при этом страшно неловко и всегда, входя в дом, на ходу снимал шинель или фуражку. Уходя, также старался быстрее выйти из комнаты и одеться до того, как подойдет Сталин. Так было и на этот раз.

Приехал к себе в штаб, мне сказали, что дважды уже звонили от Берия и чтобы я сейчас же ему позвонил.

— Что это у тебя там за приятель сидит?! — грубо спросил меня Берия, как только я с ним соединился.

Я понял, что он был недоволен моим непосредственным обращением к Сталину.

Я рассказал о сути дела и сообщил, где находится Мансветов. Через некоторое время мне позвонил Берия и сказал, что Мансветов скоро прибудет ко мне и чтобы я написал документ с просьбой о его освобождении и направлении в мое распоряжение. Впредь, дал указание Берия, по этим вопросам беспокоить Сталина не нужно, а если что-либо возникнет, обращаться непосредственно к нему, чем я и не преминул в дальнейшем воспользоваться.

...Впоследствии мне удалось договориться и о том, что все сбитые летчики и члены наших боевых экипажей, попавшие теми или иными путями снова на нашу территорию, будут немедленно возвращаться в АДД, минуя всякие места проверок. Так всю войну и делалось...

...Все вопросы были решены, но я не уходил.

— Вы что-то хотите у меня спросить?

— Товарищ Сталин, за что сидит Туполев?..

Вопрос был неожиданным.

Воцарилось довольно длительное молчание. Сталин, видимо, размышлял.

— Говорят, что он не то английский, не то американский шпион... — Тон ответа был необычен, не было в нем ни твердости, ни уверенности.

— Неужели вы этому верите, товарищ Сталин?! — вырвалось у меня.

— А ты веришь?! — переходя на «ты» и приблизившись ко мне вплотную, спросил он.

— Нет, не верю, — решительно ответил я.

— И я не верю! — вдруг ответил Сталин.

Такого ответа я не ожидал и стоял в глубочайшем изумлении.

— Всего хорошего, — подняв руку, сказал Сталин. Это значило, что на сегодня разговор со мной окончен.

Я вышел. Многие я передумал по дороге в свой штаб...

Через некоторое время я узнал об освобождении Андрея Николаевича, чему был несказанно рад. Разговоров на эту тему со Сталиным больше никогда не было.

Работая в Ставке, я не раз убеждался: сомневаясь в чем-то, Сталин искал ответ, и, если он находил этот ответ у людей, с мнением которых считался, вопрос решался мгновенно... Но, к сожалению, в те времена мало находилось товарищей, бравших на себя ответственность за тех или иных людей, хотя такие возможности, конечно, были у каждого общавшегося со Сталиным⁵⁷.

Здесь очень много узнаваемого. И постоянная готовность назвать «сволочью» бывшего коллегу и соратника, и стремление «проявить инициативу» (отнюдь не на фронте), и уверенность в том, что «у нас просто так не сажают», и непреходящая любовь к добровольному сотрудничеству с «компетентными органами», и столь же неизбывная любовь к доносам. Можно (и, очевидно, нужно) винить Сталина в том, что он способствовал массовому проявлению этих качеств как среди руководителей армии и промышленности, так и среди населения. Но можно ли при этом забывать, что его семена падали в весьма благодатную и плодородную почву? Да и тезис «короля играет свита» тоже никто не отменял.

В-третьих, необходимо помнить, что масштабы самих репрессий достаточно голословно и эмоционально зачастую завышались в критической публицистике, а также в серьёзных исследованиях и, несомненно, не являются столь глобальными, как это нередко представляется обыденному сознанию. Весьма хлётко, в своём стиле, обрисовал проблему В. Суворов:

Допустим, что всех командиров, назначенных в 1937 году, на следующий год тоже в карьеры загнали и тоже пулеметами порезали. Длинными очередями. И поставили командовать третий состав. В этом

⁵⁷ Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная. М.: Дельта НБ, 2004. С. 106–109.

случае у третьего состава, выдвинутого в 1938 году, к лету 1941 года должно набраться по три года стажа. При полной смене командования служебного роста у большинства командиров быть не могло — некуда расти. Понятно, кто-то за три года спился, кто-то в речке утонул. Сотню, другую, третью перестреляли в 1939-м, 1940-м, в первой половине 1941 года. Перестановки, перетасовки могли быть. Но все же большинство должно оставаться на своих местах. Как же получилось, что смена составов была в 1937–1938 годах, а у новых командиров через три-четыре года после смены не набирается одного года пребывания на должностях?⁵⁸

Армия перед войной отнюдь не «осталась без командиров». Любопытны сравнительные данные, приводимые М. И. Мельтюховым:

Наибольшие разногласия вызвал вопрос о масштабах репрессий в Красной Армии. Так, В. С. Коваль считает, что погиб весь офицерский корпус (???! — А. Х.), а Л. А. Киршнер полагает, что лишь 50% офицеров были репрессированы. По мнению В. Г. Клевцова, в 1937–1938 гг. было физически уничтожено 35,2 тыс. офицеров. Д. А. Волкогонов и Д. М. Проэктор пишут о 40 тыс. репрессированных, А. М. Самсонов — о 43 тыс., Н. М. Раманичев — о 44 тыс., Ю. А. Горьков — о 48 773, Г. А. Куманев увеличивает эту цифру до 50 тыс., а А. Н. Яковлев — до 70 тыс. В книге В. Н. Рапопорта и Ю. А. Геллера говорится примерно о 100 тыс. офицеров, однако при этом приводятся персональные сведения лишь о 651 репрессированном офицере, которые составляли 64,8% высшего комсостава на 1 января 1937 г. (очень характерная черта исследований! — А. Х.) О. Ф. Сувениров опубликовал сначала список на 749 человек, а затем расширил его до 1669 офицеров, погибших в 1936–1941 гг. Сведения об остальных репрессированных до сих пор отсутствуют...

<...> Недопустимо смешивать понятия «уволенные» и «репрессированные», к которым следует относить лишь арестованных и уволенных по политическим мотивам. Правда, и арестовывались офицеры за различные преступления, что также следует учитывать. А. Т. Уколов и В. И. Ивкин на основе данных судебных органов РККА отмечают, что в 1937–1939 гг. было осуждено за политические преступления примерно 8624 человека, указывая при этом, что вряд ли стоит причислять к репрессированным осужденных за уголовные и морально-бытовые преступления. В своем новейшем исследовании О. Ф. Сувениров пишет о 1634 погибших и о 3682 осужденных военными трибуналами в 1936–1941 гг. за контрреволюционные преступления офицерах.

⁵⁸ Суворов В. А. Очищение: Зачем Сталин обезглавил свою армию? М.: АСТ, 1999. С. 35–38.

Пока же ограниченная источниковая база не позволяет однозначно решить этот ключевой вопрос. Имеющиеся материалы показывают, что в 1937–1939 гг. из вооруженных сил было уволено свыше 45 тыс. человек (36898 в сухопутных войсках, 5616 в ВВС и свыше 3 тыс. во флоте). Однако к репрессированным можно отнести лишь уволенных за связь с заговорщиками и по национальному признаку, а также арестованных по политическим мотивам. Но, к сожалению, именно данные о причинах увольнений до сих пор точно неизвестны. Видимо, в сухопутных войсках репрессированными могут считаться около 17 тыс. человек. Для ответа на вопрос о количестве погибших необходимо конкретное изучение судеб всех уволенных офицеров, чего до сих пор не сделано. Также остается неизученным вопрос о распределении репрессированных по категориям командно-начальствующего состава, что не позволяет оценить воздействие чисток на уровень боеспособности советских вооруженных сил.

Комплексное рассмотрение исследований по вопросу о репрессиях в Красной Армии показывает, что широко распространенная версия об их катастрофических для армии последствиях так и не была доказана и требует дальнейшего тщательного изучения. Все еще остаются слабо исследованными вопросы о месте 1937–1938 гг. в системе чисток офицерского корпуса РККА, их связи с планами Сталина в отношении армии, боевой и политической подготовкой комсостава и реальной боеготовностью Красной Армии накануне войны. Пока все эти проблемы содержат гораздо больше вопросов, чем ответов. Центральный же из них — последствия репрессий для боеготовности Красной Армии — пока не может считаться окончательно решенным, поскольку не были сформулированы объективные научные критерии для его решения и исследователи не получили доступа к необходимому документальному материалу⁵⁹.

Как говорится — ни убавить, ни прибавить.

В-четвёртых, наконец, хочется заметить, что искусственное сведение вопроса только к периоду 1937–1938 гг., конечно же, недопустимо. Активная работа по выявлению инакомыслящих и «наведению порядка» в армии в этот период продолжалась и в дальнейшем, правда, в гораздо более скромных масштабах. Вероятно, наибольшую огласку и резонанс получило «Дело авиаторов» (весна-осень 1941 г., расстреляны Г. М. Штерн, А. Д. Локтионов, Я. В. Смушкевич, Г. К. Савченко, П. В. Рычагов, Ф. К. Арженухин, Я. Г. Таубин, Д. А. Розов, З. П. Розова-Егорова, Д. А. Булатов, М. П. Нестеренко, А. И. Фибих и др. — всего 20

⁵⁹ Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М.: Вече, 2000. С. 368–369.

человек) и дело командования Западным фронтом (июль 1941 г., расстреляны Д. Г. Павлов, В. Е. Климовских, А. Т. Григорьев, А. А. Коробков, Н. А. Клич, А. И. Таюрский, С. И. Оборин).

Заметим при этом, что в предвоенный период размах репрессий не шёл ни в какое сравнение с периодом 1937–1938 гг., и они почти исключительно касались высшего руководства РККА. Что касается военных лет, то, после «оргвыводов вплоть до высшей меры» для руководства Западного фронта Сталин, судя по всему, утратил желание применять исключительные меры к армейскому руководству. Слишком изменилась обстановка, слишком многое пошло не так, как ожидалось. Провал первой фазы войны самоочевидно не мог быть объяснён ни шпионажем, ни предательством, ни тем более троцкистскими взглядами виновных. Крайне показательны: если в первоначальном варианте обвинение Д. Г. Павлову и его сослуживцам предъявлялось в «организации антисоветского военного заговора, предательстве интересов Родины, нарушении присяги и нанесении ущерба боевой мощи Красной Армии», то в ходе следствия и на суде 22 июля 1941 г. формулировка существенно изменилась. Они были расстреляны за то, что «проявили трусость, бездействие власти, нераспорядительность, допустили развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций частями Красной Армии, тем самым дезорганизовали оборону страны и дали возможность противнику прорвать фронт Красной Армии»⁶⁰. Несомненно, что в период наивысшего напряжения сил армией и флотом возобладала более адекватная точка зрения на применение репрессивных мер в армейской среде. Как ни странно, несмотря на приводимые в антологиях и широко известные дисциплинарные приказы Верховного Главнокомандующего и от 1941, и, в особенности, от 1942 г., мы вынуждены признать, что Сталин на время войны «объявил мораторий» на репрессии в прежнем их виде, заменив их достаточно типичной для всех воюющих армий практикой поддержания дисциплины⁶¹.

Впрочем, и обратные процессы имели место в достаточном объёме. Реабилитации были достаточно широко практикуемы и до войны, и с её началом. Целый ряд командиров различного

⁶⁰ Приказ № 0250.

⁶¹ *Веремеев Ю. Г.* Красная Армия в начале Второй мировой: Как готовились к войне солдаты и маршалы. М.: Эксмо, Алгоритм-издат, 2010. С. 317–348.

уровня, руководителей военной промышленности были возвращены к своим обязанностям, а многие из них по-настоящему только сейчас и начали свою карьеру. Помимо уже упоминавшегося А. В. Горбатова из лиц «первого ряда» приведём в пример хотя бы К. К. Рокоссовского, К. А. Мерецкова, Б. Л. Ванникова. В антологии приводится ряд фрагментов, повествующих о таких «чудесных возвращениях».

Однако в послевоенный период многие черты довоенной практики оказались восстановлены. Так, существенно менее кровавым, но вполне «звёздным» в смысле персоналий оказалось «Авиационное дело» (1946 г., расстрелян С. А. Худяков, к различным срокам приговорены А. И. Шахурин, А. А. Новиков, А. К. Репин, Н. С. Шиманов, Н. П. Селезнёв А. В. Будников и Г. М. Григорьян); не менее значимые фигуры проходили и по «Делу адмиралов» (декабрь 1947-го — февраль 1948 г., Н. Г. Кузнецов (понижен в звании, переведён на Дальний Восток), Л. М. Галлер (умер в тюрьме), В. А. Алафузов и Г. А. Степанов (оба приговорены к 10 годам заключения)). Стоит отметить, что в этих двух процессах чрезвычайно отчётливо проявили себя интриги внутри генералитета, вымещение старых обид и сведения счётов, материальный вопрос (злоупотребления трофейным имуществом, сбор компромата на Г. К. Жукова) и т. п.

Адмирал Н. Г. Кузнецов так описывал происходящее:

...Уцепились и за письмо Сталину офицера-изобретателя Алфёрова. Он сообщал, что руководители прежнего Наркомата Военно-Морского Флота (к тому времени объединенного с Наркоматом обороны) передали англичанам «секрет» изобретенной им парашютной торпеды и секретные карты подходов к нашим портам. И пошла писать губерния! Почтенные люди, носившие высокие воинские звания, всю старались «найти виновных» — так велел Сталин.

Я знал этих людей, знал об их личном мужестве, проявленном в боях, знал о том, что они безукоризненно выполняли обязанности по службе. Но тут команда была дана, и ничто не могло остановить машину. Под колеса этой машины я попал вместе с тремя заслуженными адмиралами, честно и безупречно прошедшими через войну. Это были В. А. Алафузов, Л. М. Галлер и Г. А. Степанов.

Сперва нас судили «судом чести». Там мы документально доказали, что парашютная торпеда, переданная англичанам в порядке обмена, была уже рассекречена, а карты представляли собой перепечатку переведенных на русский язык старых английских карт... Следовательно, ни о каком преступлении не могло быть и речи. Я лично докладывал

об этом И. С. Юмашеву — тогдашнему главнокомандующему Военно-Морским Флотом и Н. А. Булганину — первому заместителю Сталина по Наркомату Вооруженных Сил. Оба только пожимали плечами. Вмешаться они не захотели, хотя и могли.

Вопреки явным фактам политработник Н. М. Кулаков произнес на «суде чести» грозную обвинительную речь, доказывая, что нет кары, которой мы бы не заслужили. Помню, как после этого «суда» я сказал своим товарищам по несчастью:

— Сейчас ничего не сделать. Законы логики просто не действуют.

Оставалось лишь мужественно перенести беду. А беда только началась. Сталину так доложили о «деле», что он распорядился передать всех нас суду Военной коллегии Верховного суда. А там не шутят.

Четыре советских адмирала оказались на скамье подсудимых в здании на Никольской улице. И теперь, проходя мимо этого дома, я не могу не взглянуть с тяжелым чувством на окна с решетками, за которыми мы ждали тогда приговора...

...За короткой судебной процедурой последовал долгий, мучительный перерыв. Около трех часов ночи объявили приговор: В. А. Алафузов и Г. А. Степанов были осуждены на десять лет каждый, Л. М. Галлер — на четыре года. Я был снижен в звании «на три сверху» — как говорили моряки, то есть до контр-адмирала...

...Впоследствии все, привлекавшиеся к суду по этому делу, были полностью реабилитированы. А. А. Чепцов (генерал-лейтенант юстиции), стряпавший в свое время обвинительный материал для Военной коллегии, в 1953 году обратился ко мне за советом, как лучше обосновать нашу невиновность. Я ему ответил: — Как закрутили, так и раскручивайте...⁶²

Необходимо признать, что сама по себе подобная атмосфера не слишком позитивно характеризует морально-деловой климат в верхних эшелонах сталинского руководства, сложившийся после войны. Учитывая, что Сталин фактически не препятствовал этим разногласиям (и едва ли не поощрял их), есть основания полагать, что стареющий вождь в послевоенный период вновь возвращался к модифицированной практике репрессий 1930-х гг. По меткому замечанию А. Е. Голованова (в 1948 г. также впавшего в опалу), «поговорка: «Кто старое помянет, тому глаз вон» — всегда дополнялась Сталиным: «А кто старое забудет, тому оба долой»»⁶³. Демонизировать его образ или преувеличивать размах событий не стоит; да и некоторые обвиняемые,

⁶² Кузнецов Н. Г. Крутые повороты: из записок адмирала. М.: Молодая гвардия, 1997. С. 30–33.

⁶³ Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная... М.: Дельта НБ, 2004. С. 328.

несмотря на последующую реабилитацию, действительно имели в своём активе грехи разной степени подсудности. Вместе с тем, возврат к репрессиям зримо свидетельствует о неустранимых недочётах в кадровой политике И. В. Сталина, выразившихся, прежде всего, в беспрецедентной нервозности рабочей атмосферы в аппарате власти и неспособности искоренить в нём групповые, ведомственные и личные интриги. Впрочем, автор вынужден сразу же задать себе риторический вопрос: «Какой из советских (и не только) лидеров может похвастать окончательным решением этой проблемы?»

Резюмируя, заметим, что сталинская кадровая политика (именно так, а не вопрос репрессий исключительно) обладала как явными преимуществами, так и неустранимыми недостатками. К числу первых стоит отнести колоссальное личное внимание, уделяемое подбору и расстановке кадров, огромный личный вклад И. В. Сталина в создание без всяких преувеличений блестящей команды полководцев, штабистов, снабженцев, руководителей промышленности и конструкторов, практически каждый из которых был подобран и многократно передвинут по должностной иерархии персонально Сталиным. Сюда же должна быть отнесена достаточно высокая эффективность аппарата управления и снабжения беспрецедентной по размерам армией, контролировавшей значительную часть Старого Света. К минусам сталинской системы однозначно должны быть причислены весьма многочисленные (особенно по меркам мирного времени) безвозвратные потери, понесённые армией от собственных органов правопорядка, что также прямых аналогий в истории не имеет. Так активно «бить своих, чтоб чужие боялись» можно было, очевидно, только по указанию Сталина. Д. А. Волкогонов усматривает следующую систему в действиях Верховного:

...У Сталина не было «любимчиков». Просто он полагался на одних людей больше, на других меньше. Принимая решение о судьбе того или иного военачальника, он не брал в расчет какие-либо моральные соображения — близкое знакомство, старые симпатии, бывшие заслуги. Для него не всегда имело значение, что «нашептывало» окружение, за исключением, может быть, Берии... Сталин обычно бывал и беспощаден, и непреклонен в своих кадровых решениях. Он мог их, правда, изменять, но обычно позже и без видимого влияния со стороны. Как правило, он не объяснял причин тех или иных своих решений. Думается, этим Сталин пытался дать понять окружению, членам ГКО и Ставки, что в своих решениях о назначениях он руководствуется

исключительно интересами дела, учитывая при этом способности человека и его поступки.

Скажем так: психологический микроклимат в сталинском аппарате, предельно оптимизированный для решения нечеловеческими темпами задач нечеловеческой же сложности, однозначно не способствовал увеличению продолжительности жизни сотрудников этого аппарата. Сталин, сам работавший на износ, требовал того же от подчинённых.

Итоги работы впечатляют. Но главной загадкой, без сомнения, остаётся то, чем именно руководствовался Сталин, принимая решения по смещению с постов или ликвидации людей, многих из которых он близко и досконально знал. Да и вообще — какова глубинная логика этих действий? Это недоумение отчётливо звучит в рассказе А. В. Горбатова о том, что случилось после его освобождения:

Отдохнув часа три, я позавтракал и пошел отправить жене телеграмму, в которой сообщал, что вернулся, и просил скорее приехать в Москву. Помня обещание, данное когда-то товарищу Б. в Лефортовской тюрьме, сходить к его жене, как только буду на свободе, и рассказать ей, как обстоят дела ее мужа, и, будучи уверен, что он страдает где-то в лагере, я немедленно, прямо с телеграфа, отправился на розыски. Быстро нашел нужную мне квартиру. Позвонил, дверь открылась — и, к моему величайшему изумлению, я увидел его самого в генеральской форме. Это было так неожиданно, что в первый момент я потерял дар речи.

Мы, конечно, были рады видеть друг друга на свободе. Но я никак не мог понять, как он оказался дома? Он рассказал, что, после того как меня вызвали из камеры с вещами, его еще некоторое время поддержали в Лефортовской тюрьме, а затем отпустили.

Уйдя от него, я долго не мог привести свои мысли в должный порядок. Что обвинения против него ложные, в этом я всегда был уверен. Но обстоятельства его освобождения сбивали с толку. Человек когда-то служил офицером в царской армии, напрасно обвинил себя, обвинил других — и вскоре был освобожден из тюрьмы без суда. А меня, бедняка по происхождению, которого выучила и подняла на такую высоту Советская власть, не подписавшего ложных показаний, осудили и сослали на Колыму...⁶⁴

Очевидно, что подобные действия невозможно объяснить ни психическими расстройствами, ни «мистической дьявольской натурой» Верховного, ни тщательно продуманным планом

⁶⁴ Горбатов А. В. Годы и войны. М.: Воениздат, 1989. С. 161–162.

по ликвидации всех потенциальных противников, ни случайностью, ни маниакальным пристрастием к власти, ни происками иностранных разведок, ни извечным русским головопашеством и неразберихой, ни легендарными «перегибами на местах». Сталин нередко колебался, приближал к себе опасных людей и жестоко расправлялся с совершенно безвредными, включал и выключал «мотор» карательной системы, «прибавлял газу» по ему одному понятной системе, которая либо не существовала вовсе, либо остаётся нами непонятой до конца. Без раскрытия принципов этой системы и её логики анализ кадровой политики сталинизма и репрессий в армии и аппарате управления во всей их целостности, очевидно, не может быть вполне успешным. Впрочем, надежд на уяснение этой системы, в связи с кончиной её единственного автора, немного.

* * *

Полководческая деятельность И. В. Сталина, являющаяся центральной темой данного сборника, становилась предметом анализа неоднократно — как при жизни Сталина, так и после неё в особенности. Вполне естественно, что до 1953 г. Сталин-военачальник подлежал всяческому восхвалению. Не менее ожидаемо и то, что после 1956 г. в его действиях начали искать преимущественно огрехи и едва ли не преступления.

Описанная несколько выше периодизация историографии сталинских репрессий, без сомнения, вполне приложима и к проблеме полководческих дарований Верховного Главнокомандующего. Точно так же к концу 1960-х критика в основном утихла, а образ сформировался и «забронзовел». Учитывая, что острые углы всегда можно было обойти, упоминая при выработке и принятии решений не Сталина, а коллективных героев — партию, Ставку, ГКО — Сталин на два десятилетия ушёл в стратегическую тень. Хрестоматийный образ величественного усатого человека в кителе и с трубкой, в основном молчащего и изредка вопрошающего: «А что скажет по этому поводу товарищ Жюков?» достаточно прочно утвердился не только на экране и в анекдотах, но, в целом, был характерен и для научной литературы. При этом в основном именно в эти два десятилетия была написана — и зачастую опубликована — значительная часть мемуаров людей, действительно близко знавших Сталина и непосредственно работавших с ним в годы войны. В отличие от темы репрессий, тема

полководческих талантов вождя не была «условно запретной», и слава Богу: к счастью, большинство очевидцев успели многое рассказать и оставить бесценный фонд воспоминаний, успешно коррелирующий с документальным наследием.

Точно так же со второй половины 1980-х гг. кампания антисталинизма (в том числе и государственного антисталинизма) была отчасти уравновешена просталинскими публикациями. Во всяком случае, роль Сталина в Великой Отечественной и в целом во Второй мировой стала предметом оживлённых дискуссий. Характеризовать их течение излишне, поскольку основная масса текстов антологии, собственно, из этого потока. Отметим лишь основные положения, на которые стоит ориентироваться, разбираясь в этой теме.

История Сталина-полководца ещё не написана. Прижизненные публикации могут рассматриваться в наше время, безусловно, лишь как образцы публицистического и пропагандистского стиля, анализироваться как часть богатой историографии — и не более того. Почерпнуть из них объективную информацию крайне сложно — они характеризуют скорее эпоху, чем человека. Работы постсталинского времени посвящены преимущественно различным аспектам истории Великой Отечественной войны и советского командования, и почти никогда не концентрируются на деятельности самого Верховного Главнокомандующего.

Что касается последних двух с половиной десятилетий, то, казалось бы, они как раз и дают возможность непредвзято и пристально оценить работу Сталина на этом посту во всей возможной полноте, учитывая появление всё новых и новых публикаций документов. Однако на практике всё остаётся лишь в потенции. Абсолютное большинство популярных и научно-популярных публикаций являются либо категоричной критикой всего, что связано со Сталиным, либо его откровенной апологией, то есть в обоих случаях не покидают ринга публицистики. К тому же чаще всего Сталин в них является либо лишь ответственным за неисчислимы жертвы и несуразности, либо сияющим источником всех наших побед. В качестве примера одного из наиболее содержательных сочинений такого рода — причём со 100% -ым соответствием заглавия заявленной тематике — упомянем приведённую в антологии книгу В. В. Суходеева «Сталин. Военный гений» (М., 2005) и ещё более точно попадающий «в тему» совместный труд Б. Соловьева и В. Суходеева «Полководец Сталин» (М., 2003).

При ближайшем рассмотрении, впрочем, обе монографии представляют собой масштабный панегирик И. В. Сталину, до предела насыщенный многочисленными цитатами, подтверждающими позицию авторов. Безусловно, в качестве образовательного чтения и как справочник-цитатник агитатора — это блестящее издание; однако оно не приближает нас к цели понимания Сталина-полководца. В то же время, В. В. Суходеевым весьма точно формулируются причины отсутствия удовлетворительных разработок темы полководческих талантов И. В. Сталина:

Следует отметить, что освещение деятельности Сталина как Верховного Главнокомандующего в годы Великой Отечественной войны затруднено в силу ряда обстоятельств. Во-первых, тем, что фактически не существует ни в отечественной, ни в зарубежной историографии хотя бы беглого, фрагментарного описания этой деятельности. Во-вторых, за истекшие десятилетия не было осуществлено серьезной попытки всесторонне осмыслить значение и результаты деятельности Главковерха величайшей из войн в истории человечества. И, наконец, третья трудность — «Демократы» и их буржуазные покровители и коллеги пытаются свести освещение деятельности Сталина к одной строго нацеленной теме — к борьбе Сталина против его политических противников, к процессам 30-х годов, к репрессивным действиям ГПУ, НКВД. Все факты, все данные, которые не работают на версию «кровавого диктатора», ими замалчиваются⁶⁵.

Примером блестящего и ёмкого исследования является монография В. В. Серебрянникова «Военно-идеологические воззрения И. В. Сталина» (М., 2009). Однако при обилии концептуальных выводов, обладающих, к тому же, большой актуальностью и злободневностью, в книге до обидного мало самого Сталина.

За последние годы, в то же время, вышел целый ряд серьёзных работ, характеризующих отдельные стороны подготовки СССР к войне и непосредственного в ней участия, причём деятельность И. В. Сталина подвергается в них вдумчивому и глубокому разбору с учётом новейших документальных источников и всей массы источников традиционных. Подвергается, отметим, с совершенно различных позиций. Не считая десятков статей, упомянем в ряду монографий, прежде всего, книги В. А. Невежина «Если завтра в поход...». Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х — 40-х годах» (М., 2007) и «Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945 гг.» (М., 2007); М. И. Мельтюхова

⁶⁵ Соловьев Б., Суходеев В. Полководец Сталин. М.: Эксмо, 2003. С. 30–42.

«Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 гг.» (М., 2000) и «Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг.» (М., 2001); Ю. А. Горькова «Кремль. Ставка. Генштаб» (Тверь, 1995); В. А. Анфилова «Загадка 1941 года. О войне под разными ракурсами» (М., 2005); Л. А. Безыменского «Гитлер и Сталин перед схваткой» (М., 2000); К. Плешакова «Ошибка Сталина. Первые 10 дней войны» (М., 2006); О. В. Вишлёва «Сталин и Гитлер. Кто кого обманул» (М., 2010); В. В. Бешанова ««Пирровы победы» Сталина. Кровавая изнанка триумфов Красной Армии» (М., 2011) и ««Кроваво-Красная» Армия. По чьей вине?» (М., 2012); М. Солонина «22 июня. Анатомия катастрофы» (М., 2010) и ряд других. Представленный список далеко не полон, а ряд из перечисленных авторов обладает творческой плодовитостью, затмевающей таковую даже в исполнении Виктора Суворова. Но тем не менее этот перечень даёт исчерпывающее представление об основных векторах и направлениях современного интереса к Сталину-полководцу.

Живейший интерес вызывает собственно стратегическая подготовка к войне, дипломатическое обеспечение позиций СССР на международной арене, а также «проблема внезапности». Под таковой мы понимаем комплекс вопросов, связанных с реакцией Сталина на сообщения разведки и других источников о возможности германского нападения; с принципами стратегического развёртывания РККА в 1941 г.; с гипотетической возможностью нанесения первого удара Красной Армией (и его возможными сроками); а также с непосредственными действиями Сталина в последние недели и дни перед и сразу после начала войны.

Возможность проверить свою армию — пусть и не в полномасштабной войне, но в столкновениях, в миниатюре сохраняющих все черты настоящей войны — предоставилась Сталину достаточно рано. С 1936–1937 гг. достаточно регулярный характер носила поставка военной техники в охваченную гражданской войной Испанию и воюющий с японцами Китай. Кадровое вмешательство было выражено отправкой значительного количества квалифицированных командиров — преимущественно лётчиков (и в Испанию, и в Китай) и танкистов (в Испанию); кроме того, несколько сотен советских командиров выполняли там функции советников. Через опыт этих «спецкомандировок» прошло несколько тысяч человек: более 2000 побывало в Испании и не ме-

нее 5000 — в Китае. Помимо очевидной помощи союзникам эти фронты были совершенно неоценимым подспорьем в проверке возможностей новой боевой техники, отработке принципов её применения и наработке опыта экипажами и комсоставом. Последний фактор, правда, отчасти был нивелирован развернувшимися именно в этот момент репрессиями в армии, которые коснулись большого числа «испанцев» и «китайцев». Поэтому эффект качественного роста кадров искусственно был снижен.

В то же время, с технической точки зрения, результаты были исключительно важными. Именно в Китае впервые были отработаны навыки дальних бомбардировочных рейдов и проверены в бою свои и японские истребители, получен дополнительный опыт руководства пехотными армейскими массами. В Испании впервые прошли проверку боем с основными вероятными противниками (немцами и итальянцами) советские лётчики; впервые практически, опытным путём, оценены качества собственных истребителей И-15бис и И-16, особенно в сравнении с только что появившимся Вф-109; отработана тактика и стратегия применения бомбардировщиков СБ; впервые осуществлены массированные танковые атаки в реальной боевой обстановке. Опыт был многогранен и обширен; изучение его обнаружило намечающиеся серьёзные проблемы в материальной части (быстрое устаревание образцов) и в принципах тактического применения.

Надо признать, что Сталин оперативно отреагировал на эти проблемы, однако испанский и китайский опыт был отрефлексирован однобоко: в основном модернизацией существующих образцов техники. Появилась «Чайка» И-15З, пушечные версии И-16, активно модернизировалась бомбардировочная авиация, активно шли работы по усилению бронирования и вооружения танков. Однако приказа о принципиальном качественном скачке в явной форме не прозвучало. Организационные и тактические выводы также последовали. Наиболее обсуждаемым среди них является принятое в ноябре 1939 г. решение о расформировании танковых корпусов и разукрупнении их до состояния танковых бригад и дивизий, а также последовавшее 6 июля 1940 г. восстановление механизированных корпусов.

В историографии и мемуарах эти решения нередко подаются как своего рода «метания» Сталина, не имевшего чёткого представления о необходимой линии развития бронетанковых войск и принимавшего поспешные и необдуманые решения.

Безусловно, это не так. Сталин как никто другой, в постоянном контакте с военными специалистами, старательно и вдумчиво анализировал опыт локальных войн, и принятие первого решения вытекало из практической трудности и малой реализуемости — при наличном уровне подготовки кадров, связи и пр. — адекватного управления крупными массами бронетехники. К тому же все страны, располагавшие танками в достойных упоминания количествах, в целом склонялись к стратегии распыления их по армейским соединениям и придания пехоте: исключение составляла только Германия. СССР и Германия шли своего рода «маргинальным» путём, были «белыми воронами» в этом вопросе, и трудно было игнорировать опыт великих держав. К тому же все разговоры о мехкорпусах ведутся с учётом опыта Великой Отечественной, а в 1939 г. никакой однозначности не было. Лучшим подтверждением истинности этих слов является то, что восстановление мехкорпусов состоялось строго по итогам французской кампании вермахта: впервые столкнулись армии, сопоставимые друг с другом и с РККА, и выводы были сделаны молниеносно.

Давно уже не секрет, что ошибка была допущена в другом — в принципиальной разнице структуры советских танковых соединений, крайне слабо насыщенных пехотой и средствами её транспортировки, а также пехотными противотанковыми средствами. «Голые» танковые соединения на практике оказались беззащитными в ближнем бою, а руководство ими так и не наладилось, что, в основном, и привело к потере почти всей массы танков в летние и осенние месяцы 1941 г. В этом заключался один из главных просчётов Сталина и руководства РККА по извлечению опыта 30-х. Однако заметим, что нельзя не учитывать фактора крайней слабости отечественного автопрома, в принципе неспособного обеспечить армию огромным количеством качественных грузовиков и тягачей — при заявленных её размерах. Логика развития «от простого к сложному» была нарушена ещё в годы первых пятилеток, когда ставка была сделана на массу оружия любой ценой. Такое «строительство дома с последнего этажа» — безусловно ошибочное решение, но оно вытекает из сталинской стратегии индустриализации, и отчасти — из логики отечественной ментальности, всегда стремящейся «обойти гору». В конце концов, Пётр Великий тоже создал современную армию, отменный флот и построил Санкт-Петербург, не отменяя

ни крепостной зависимости, ни ручного труда, ни российского бездорожья — и как-то получилось. Вряд ли Сталин не анализировал опыт этой первой в истории человечества модернизации и не черпал в нём вдохновения — в том числе и применительно к армейскому строительству.

К тому же надо признать, что генеральский корпус внёс свою лепту в то, какие решения были приняты и как именно они принимались. Тот же Жуков, описывая обстановку предвоенных лет, даёт понять, что «мехкорпуса по-нашему» развёртывались под откровенным давлением и по инициативе Генштаба, члены которого, как и Тухачевский в своё время, продолжали возлагать надежды на неисчислимую массовость танковых лавин, попутно явно преувеличивая возможности вермахта. Виноват же, разумеется, был Сталин:

Конечно, тогда мы, военные руководители, понимали, что в стране много первостепенных задач и все надо решать, исходя из большой политики. Но оказалось, что большая политика, руководителем которой был И. В. Сталин, в своих оценках угрозы войны исходила из ошибочных предположений...

...В 1940 году начинается формирование новых мехкорпусов, танковых и механизированных дивизий. Было создано 9 мехкорпусов. В феврале 1941 года Генштаб разработал еще более широкий план создания бронетанковых соединений, чем это предусматривалось решениями правительства в 1940 году.

Учитывая количество бронетанковых войск в германской армии, мы с наркомом просили при формировании механизированных корпусов использовать существующие танковые бригады и даже кавалерийские соединения как наиболее близкие к танковым войскам по своему «маневренному духу».

И. В. Сталин, видимо, в то время еще не имел определенного мнения по этому вопросу и колебался. Время шло, и только в марте 1941 года было принято решение о формировании просимых нами 20 механизированных корпусов⁶⁶.

Говоря о восприятии высшим руководством предвоенной обстановки, уместно напомнить и о том, что Сталин, разумеется, имел возможность убедиться не только в недостатках своей армии, но и в очевидном массовом энтузиазме, охватившем страну, скажем, на волне поддержки испанских республиканцев. Безуслов-

⁶⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 1-е изд. М.: Издательство Агентства печати Новости, 1969. С. 205.

но, в целом достаточно оптимистичный настрой основной массы советских людей в предвоенные годы, как кажется, не давал ему оснований сомневаться в поддержке населения в случае настоящей большой войны. Думается, одним из наиболее страшных и шокирующих открытий начала Отечественной стал массовый коллаборационизм на оккупированных территориях и моральная неустойчивость войск, не согласующиеся с ожидаемым.

Вторая волна анализа началась после советско-японских конфликтов, польской кампании вермахта и советско-финляндской войны, и была скорректирована по итогам летней кампании немцев 1940 г. Именно сейчас были выданы окончательные ТТЗ и объявлены требования к новому поколению советской боевой техники практически всех видов и типов. Не пытаясь объять тематику, достойную нескольких монографий, отметим, что мимолётный и тревожный опыт боёв за сопку Заозёрная у озера Хасан, ещё более настораживающие сигналы Халхин-Гола, а также уж совсем обескураживающий опыт боёв на в Карелии и на Перешейке были исключительно подробно проанализированы высшим руководством и лично Сталиным. Приводимая в антологии речь Иосифа Виссарионовича на совещании начальствующего состава Красной Армии 17 апреля 1940 г. прежде всего демонстрирует глубочайшее внимание к ходу и итогам боёв, тщательное личное изучение и продумывание всех аспектов подготовки армии и проблем её несоответствия необходимым стандартам. Вопреки распространённому мнению, что Сталин всех «пропесочил», но в конце этой речи вернулся к шапкозакидательству, ни в малейшей мере не соответствует действительности. Сталин прекрасно отдавал себе отчёт в колоссальных проблемах, а бодряя концовка была абсолютно неизбежна. Как ещё должен заканчивать речь, обращённую к своим командирам, главнокомандующий только что победившей армии? Работа, тем не менее, велась на пределе интенсивности, и часто за ним. Нельзя, конечно, думать, что анализ проводился исключительно в той публичной и несколько театральной форме, какую описывает Г. К. Жуков, но некоторое представление об атмосфере этот фрагмент всё же даёт:

С И. В. Сталиным мне раньше не приходилось встречаться, и на прием к нему шел сильно волнуясь.

Кроме И. В. Сталина, в кабинете были М. И. Калинин, В. М. Молотов и другие члены Политбюро.

Поздоровавшись, И. В. Сталин, закуривая трубку, сразу же спросил:

— Как вы оцениваете японскую армию?

— Японский солдат, который дрался с нами на Халхин-Голе, хорошо подготовлен, особенно для ближнего боя, — ответил я. — Дисциплинирован, исполнительен и упорен в бою, особенно в оборонительном. Младший командный состав подготовлен очень хорошо и дерется с фанатическим упорством. Как правило, младшие командиры в плен не сдаются и не останавливаются перед «харакири». Офицерский состав, особенно старший и высший, подготовлен слабо, малоинициативен и склонен действовать по шаблону.

Что касается технического состояния японской армии, считаю ее отсталой. Японские танки типа наших МС-1 явно устарели, плохо вооружены и с малым запасом хода. Должен также сказать, что в начале кампании японская авиация была нашу авиацию. Их самолеты превосходили наши до тех пор, пока мы не получили улучшенной «Чайки» и И-16. Когда же к нам прибыла группа летчиков — Героев Советского Союза во главе со Смушкевичем, наше господство в воздухе стало очевидным. Следует подчеркнуть, что нам пришлось иметь дело с отборными, так называемыми императорскими частями японской армии.

И. В. Сталин очень внимательно все выслушал, а затем спросил:

— Как действовали наши войска?

— Наши кадровые войска дрались хорошо. Особенно хорошо дрались 36-я мотодивизия под командованием Петрова и 57-я стрелковая дивизия под командованием Галанина, прибывшая из Забайкалья. 82-я стрелковая дивизия, прибывшая с Урала, первое время сражалась плохо. В ее составе были малообученные бойцы и командиры. Эта дивизия была развернута и пополнена приписным составом незадолго до ее отправления в Монголию.

Очень хорошо дрались танковые бригады, особенно 11-я, возглавляемая комбригом Героем Советского Союза Яковлевым, но танки БТ-5 и БТ-7 слишком огнеопасны. Если бы в моем распоряжении не было 2 танковых и 3 мотоброневых бригад, мы, безусловно, не смогли бы так быстро окружить и разгромить 6-ю японскую армию. Считаю, что нам нужно резко увеличить в составе вооруженных сил бронетанковые и механизированные войска.

Артиллерия наша во всех отношениях превосходила японскую, особенно в стрельбе. В целом наши войска стоят значительно выше японских. Монгольские войска, получив опыт, закалку и поддержку со стороны частей Красной Армии, дрались хорошо, особенно их броневой дивизион на горе Баин-Цаган. Надо сказать, что монгольская конница была чувствительна к налетам авиации и артиллерийскому огню и несла большие потери.

— Как помогали вам Кулик, Павлов и Воронов? — спросил И. В. Сталин.

— Воронов хорошо помог в планировании артиллерийского огня и в организации подвоза боеприпасов. Что касается Кулика, я не могу отметить какую-либо полезную работу с его стороны. Павлов помог нашим танкистам, поделившись с ними опытом, полученным в Испании.

Я пристально наблюдал за И. В. Сталиным, и мне казалось, что и он с интересом слушает меня. <...>

— Теперь у вас есть боевой опыт, — сказал И. В. Сталин. — Принимайте Киевский округ и свой опыт используйте в подготовке войск.

Пока я находился в МНР, у меня не было возможности в деталях изучить ход боевых действий между Германией и англо-французским блоком. Пользуясь случаем, я спросил:

— Как понимать крайне пассивный характер войны на Западе и как предположительно будут в дальнейшем развиваться боевые события?

Усмехнувшись, И. В. Сталин сказал:

— Французское правительство во главе с Даладье и английское во главе с Чемберленом не хотят серьезно влезать в войну с Гитлером. Они все еще надеются подбить Гитлера на войну с Советским Союзом. Отказавшись в 1939 году от создания с нами антигитлеровского блока, они тем самым не захотели связывать руки Гитлеру в его агрессии против Советского Союза. Но из этого ничего не выйдет. Им придется самим расплачиваться за свою недалекновидную политику⁶⁷.

Вероятно, наиболее точно будет заметить, что локальные конфликты позволяли накапливать опыт технический и тактический. Однако из первого делались достаточно адекватные выводы. Нельзя не признать абсолютно своевременной сделанную Сталиным ставку на скоростные истребители-монопланы, фронтовую авиацию, свёртывание работ по дальнебомбардировочной авиации; явно опережающими мировой опыт темпами шла разработка бронетанковой техники, что привело к появлению концептуально исключительно удачных КВ и Т-34; беспрецедентно насыщена была РККА и автоматическим стрелковым оружием. В тактической сфере всё обстояло гораздо хуже, причём и опыт первых месяцев войны не пошёл впрок. Применение в бою пехотных и танковых соединений, тактика авиации продолжали в целом оставаться в рамках прежних шаблонов, управление войсками и согласованность действий родов войск стояли на весьма низком уровне, радиосвязь использовалась в войсках крайне неохотно. Безусловно, вина Сталина в этом есть, но необходимо учитывать и инертность массы красных командиров всех уровней.

⁶⁷ Там же. С. 175–178.

Представляется, что мы должны констатировать явное опережающее развитие технической составляющей РККА по отношению к составляющей организационной и дисциплинарной. При этом автору представляется очевидным, что вины Сталина в этом нет. Будучи человеком, исключительно способным к самообучению и самоорганизации, а также организации подчинённых, Сталин сделал всё от него зависящее, чтобы нейтрализовать ту историческую и ментальную наследственность, которая ему досталась. Лучшим доказательством этого тезиса является то, что с абсолютно идентичными проблемами советское командование сталкивалось и после войны, и после Сталина⁶⁸, а российское знакомо с ними и в наши дни.

Как бы то ни было, масштаб сталинской подготовки впечатлял: «За два предвоенных года Красная Армия была значительно увеличена, ее численность без учета частей вне норм возросла почти в три раза. К лету 1941 г. в ее состав входили управления 4 фронтов, 27 армейских управлений, управления 62 стрелковых, 4 кавалерийских, 29 механизированных, 5 воздушно-десантных корпусов, 198 стрелковых, 13 кавалерийских, 61 танковая, 31 моторизованная дивизии, 5 стрелковых, 1 танковая, 16 воздушно-десантных, 10 противотанковых артиллерийских бригад, 94 корпусных, 14 пушечных, 29 гаубичных, 32 гаубичных артполков БМ РГК, 12 отдельных артдивизионов ОМ, 45 отдельных зенитно-артиллерийских артдивизионов, 8 отдельных минометных батальонов, 3 корпуса ПВО, 9 бригад ПВО, 40 бригадных районов ПВО, 29 мотоциклетных полков, 1 отдельный танковый батальон, 8 дивизионов бронепоездов, 34 инженерных полка и 20 отдельных инженерных батальонов. ВВС насчитывали 5 корпусов ДБА, 79 авиадивизий, 5 отдельных авиабригад, 218 боеспособных авиаполков. Советские вооруженные силы были крупнейшей армией мира»⁶⁹.

Одним из самых дискутируемых вопросов долгое время оставался вопрос внезапности нападения, качества работы советской разведки до войны и реакции Сталина на многочисленные предупреждения о дате её начала. Как представляется автору, вопрос

⁶⁸ *Веремеев Ю. Г.* Красная Армия в начале Второй мировой: Как готовились к войне солдаты и маршалы. М.: Эксмо, Алгоритм-издат, 2010. С. 113–118.

⁶⁹ *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М.: Вече, 2000. С. 369.

в настоящее время концептуально вполне прояснён. Сталин не был ни наивным, ни неспособным к анализу, ни чересчур осторожным, ни безрассудным политиком. Именно поэтому мы должны помнить о нескольких моментах. Информация поступала по многим каналам и качество её существенно разнилось. Дезинформация была привычным фактором. Англия, во всяком случае, была крайне заинтересована в скорейшем начале войны между Германией и СССР. А у Сталина были свои, достаточно определённые и детальные, но неизвестные нам планы. Споры о них давно выделились в отдельную тему, но в целом можно говорить о том, что дело не во внезапности нападения, а именно в абсолютной несовместимости его времени и сценария с предполагаемыми Сталиным. Приведём лишь несколько мнений, достаточно характеризующих фон дискуссии.

Прежде всего я хочу остановиться на начальном периоде Великой Отечественной войны и внезапности, речь идет о тактической внезапности, нападения Гитлера на нашу страну. О том, что война с гитлеровской Германией неизбежна, было известно всем, имевшим отношение к военному делу. Именно поэтому, видя агрессивные намерения гитлеровской Германии, Центральный Комитет нашей партии и наше правительство провели огромное количество мероприятий по укреплению и повышению боеспособности Красной Армии и Военно-Морского Флота... Проводились большие мобилизационные мероприятия, в результате которых численность Красной Армии с 1939 по 1941 год увеличилась в 2,8 раза.

Однако мы упустили непосредственную подготовку Гитлера к войне с СССР, не веря имевшейся информации, получаемой как из-за кордона, так и от наших войсковых разведок, о том, что идет сосредоточение немецких войск в непосредственной близости от наших границ именно для нападения на нас, а не с какими-либо иными целями. Кто же в этом виноват? Главным лицом, которое несет ответственность за этот непростительный просчет, считается И. В. Сталин, и это совершенно правильно, поскольку он был фактическим руководителем нашего государства, нашей партии, наших Вооруженных Сил. Он и сам указывал на свой просчет в этом вопросе на встрече с Рузвельтом и Черчиллем в Тегеране, не предъявляя в этом каких-либо претензий к другим лицам.

Однако, хотя Сталин и несет в первую очередь за это ответственность, его действия являлись результатом той информации, которой он пользовался и на основании которой делались выводы и принимались решения. Мы с вами из книги Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» знаем, что, скажем, начальник Главного разведывательного управления Красной Армии генерал Ф. И. Голиков, да и не только он

один, донося Сталину о сосредоточении гитлеровских войск, настаивал на том, что сообщения эти провокационные.

Более того, я хочу привести здесь один весьма показательный эпизод.

Уже в 60-х годах, точной даты я не помню, проходила в Москве международная встреча ветеранов войны. В перерыве председатель Советского Комитета ветеранов войны Семен Константинович Тимошенко пригласил на обед Г. К. Жукова, И. С. Конева, И. В. Тюленева, бывшего главкома ВМС Н. Г. Кузнецова и меня. Совершенно естественно, что и разговор во время обеда, поскольку посторонних не было, велся о прошедшей войне со всеми ее перипетиями. Как раз в этот период публиковалось много материалов о нашем разведчике Зорге. С. К. Тимошенко обратился к Г. К. Жукову и спросил его, почему он, начальник Генерального штаба, не докладывал ему — нарком обороны о получаемых от Зорге сведениях? На этот вопрос Жуков ответил, что он сам хотел спросить по этому поводу Семена Константиновича, почему он, нарком обороны, получив от начальника Главного разведывательного управления, подчиненного начальнику Генерального штаба, такие сведения, не поставил об этом его, Жукова, в известность. Такой обмен информацией вызвал у всех нас явное удивление. Решив, что Зорге являлся разведчиком ВМС, обратились к Н. Г. Кузнецову, который сказал, что Зорге на службе в Военно-Морских Силах не состоял и он ничего о нем не знает.

Эпизод сам по себе, может быть, и незначительный, но весьма показательный. То, что от Зорге поступали к нам донесения о готовящейся войне, где назывались и сроки ее возможного начала, является фактом неопровержимым. Правдивость этих донесений тоже не вызывает никаких сомнений. А вот кому они докладывались и докладывались ли вообще, это вопрос, ответа на который нет. Нет ответа и на то, как могло получиться, что ни начальник Генерального штаба, ни нарком обороны не знали о существовании таких документов в подчиненном им Главном разведывательном управлении, которое возглавлял тогда Ф. И. Голиков. Деятельность Генерального штаба, как известно, заключается не только в работе, скажем, оперативного управления. Работа разведывательных органов в любом генеральном штабе любой страны тоже имеет немаловажное значение, если не сказать больше, и деятельность этих органов, а вернее, результат такой деятельности может вносить, а подчас и вносит, существенные поправки в работу самого Генерального штаба.

Конечно, Зорге был не единственным источником, откуда черпались данные о уже идущей полным ходом практической подготовке Гитлером войны с нами, для чего шли перемещения огромного количества войск и соответствующей техники к границам нашего государства. Однако, располагая неопровержимыми на сей счет сведениями, Генеральный штаб не смог суммировать и доложить руководству страны

наличие бесспорных объективных данных, получаемых не только из-за кордона, но подтверждающихся уже и непосредственными действиями гитлеровского военного командования, которые, несомненно, указывали на прямую подготовку войны на Востоке.

Вместо такого документа руководству страны представлялись материалы, получаемые из-за границы, с комментариями, которые сводили на нет правдивость этих сведений. Нет ни одного документа, представленного в правительство Генеральным штабом или наркомом обороны, где были бы изложены получаемые от наших товарищей из-за кордона сведения о готовящейся войне, подтвержденные непосредственными данными о концентрации немецких войск вблизи наших границ, где бы делались выводы о готовившемся нападении и вносились бы соответствующие предложения.

Наоборот, как уже упоминалось в самом начале повествования, даже в получаемых нами в частях разведывательных бюллетенях Генштаба говорилось о том, что, сосредоточивая свои войска недалеко от наших границ, немцы объясняют это отводом их на отдых. И все. Никаких выводов, никаких предложений. Надо прямо сказать, что Генеральный штаб не сыграл своей роли в принятии надлежащих мер, направленных на предотвращение возможного внезапного нападения. Он мог и был обязан путем объективных письменных докладов правительству сосредоточить внимание последнего на всей серьезности положения⁷⁰.

Сам Жуков пишет об этом так:

Информация, которая исходила от генерала Ф. И. Голикова, медленно докладывалась нами И. В. Сталину. Однако я не знаю, что из разведывательных сведений докладывалось И. В. Сталину генералом Ф. И. Голиковым лично, минуя наркома обороны и начальника Генштаба, а такие доклады делались неоднократно.

Одно лишь могу сказать: И. В. Сталин знал значительно больше, чем военное руководство. Но даже из того, что докладывалось ему по линии военной разведки, он мог видеть безусловное нарастание угрозы войны, но этого им сделано не было, и он, переоценив свои возможности, шел дальше по ложному пути⁷¹.

В. А. Невежин совершенно справедливо пишет о том, что сама военная идеология СССР делала войну с гитлеризмом (и не только с ним) неизбежной, поэтому концепция «внезапности» в принципе сомнительна:

⁷⁰ Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная... М.: Дельта НБ, 2004. С. 551–553.

⁷¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 1-е издание. М.: Издательство Агентства печати Новости, 1969. С. 226.

В начале 1920-х гг. советская военно-теоретическая мысль уделяла большое внимание выработке так называемой «единой военной доктрины». Это была доктрина революционной наступательной войны, призванная обеспечить победу мировой революции. Основная роль в ее создании принадлежала М. В. Фрунзе. Он утверждал, что ввиду невозможности длительного мирного сосуществования пролетарского государства с капиталистическими державами рабочий класс при помощи Красной Армии неизбежно перейдет в наступление на международный капитал, когда для этого сложится благоприятная обстановка. Революционные войны, по мысли Фрунзе, должны иметь классовый характер и приблизиться по своему типу к гражданским войнам, так как наступление Красной Армии обеспечит ей всемерное содействие и поддержку трудящихся капиталистических стран. Она играла роль решающей силы в достижении победы. Фрунзе требовал, чтобы каждый красноармеец в этом направлении воспитывался пролетарской идеологией и ясно представлял себе, что «в известной обстановке» возможно наступление «за пределы» СССР. Заняв пост председателя РВС СССР и наркома по военным и морским делам (январь 1925 г.), М. В. Фрунзе ясно дал понять, что оборонительная направленность придана внешней политике СССР из тактических соображений и находится в зависимости от конкретной исторической обстановки. Основной же стратегической линией оставалось «превращение нашей изолированной революции в революцию всемирную».

Сталин, скорее всего, разделял подобный взгляд на военно-политическую стратегию. Он, в частности, говорил о том, что после Октября 1917 г. началась эпоха мировой пролетарской революции, когда отсутствие объективных условий в отдельных странах уже не является непреодолимым препятствием для ее свершения, поскольку система мирового империалистического хозяйства «в целом уже созрела». Сталин не только подчеркивал особую заинтересованность СССР в развитии мировой революции, но и обозначил ее как существенную задачу, без решения которой невозможно гарантировать Советскую страну от реставрации буржуазных порядков и обеспечить в ней окончательную победу социализма.

В соответствии с этим была определена им и стратегическая цель, которая, в отличие от часто меняющейся тактики, должна была оставаться неизменной вплоть до ее достижения. По мнению Сталина, следовало использовать диктатуру пролетариата в СССР «как опорный пункт для преодоления империализма во всех странах», а ее армию — как орудие освобождения трудящихся. Партия пролетариата, чтобы сыграть роль боевого штаба, должна вооружиться революционной теорией и уметь использовать благоприятный момент. Таким моментом он считал империалистическую войну, которая «замечательна» в том отношении, что «ведет к взаимному ослаблению империалистов, к ослаблению позиции капитализма вообще, к приближению момента пролетарской революции, к практической необходимости этой революции».

Приход к власти в Германии национал-социалистов во главе с Гитлером (1933 г.), угроза миру, исходившая от фашизма, усиленная милитаризация Японии побуждали представителей правящей большевистской элиты к переоценке событий, происходивших на международной арене.

В открытых публичных выступлениях Сталина и его ближайших соратников основное внимание акцентировалось на том, что именно империализм грозит миру новой войной, в то время как Советский Союз строго придерживается политики мира и ни в коем случае не думает ни на кого нападать...

...Война рассматривалась Сталиным как возможный для капитализма выход из политического и экономического кризиса. Он не исключал вероятности развязывания ее против СССР. Подобное развитие событий расценивалось им даже как благоприятное, ибо после нападения на Советский Союз, как считал Сталин, следовало ожидать выступления народных масс капиталистических стран в тылу «своих угнетателей». Он выражал уверенность, что война против Советского Союза «приведет к полному поражению нападающих, к революции в ряде стран Европы и Азии и к разгрому буржуазно-помещичьих правительств этих стран».

...Исходя из сталинской концепции, опасность для СССР представляли не отдельные иностранные державы (например, Германия или Япония), а весь зарубежный мир («капиталистическое окружение»). Пытаясь на совещании работников оборонной промышленности (14 июня 1934 г.) разъяснить содержание данного термина, Сталин, в частности, заявил: «...у нас капиталистическое окружение, значит, мы окружены врагами, врагами цивилизованными и более культурными, чем мы, врагами опытными, которые ни перед чем не остановятся».

Политико-идеологические кампании, проводившиеся в 1930-е гг., по своему содержанию были обоюдоострыми. Действовать в открытую — означало обострять отношения с капиталистическим миром. Поэтому Сталину и его окружению приходилось соблюдать осторожность, чтобы ненароком не спровоцировать антисоветские дипломатические либо, хуже того, вооруженные акции со стороны объекта подобных кампаний⁷².

Позиция западных держав (из которых к 1941 г. осталась одна Англия) была более чем ясно проявлена в ходе переговоров 1939 г. в Москве. В этом контексте как вполне мудрое и своевременное действие можно рассматривать советско-германский договор (пакт Молотова-Риббентропа), заключенный 23 августа 1939 г., а также договор о дружбе и границе (28 сентября 1939 г.). На-

⁷² Невежин В. А. «Если завтра в поход...». М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 89–92.

блюдавший обстановку переговоров с англичанами, французами и немцами с близкой дистанции адмирал Кузнецов вспоминал:

Глава советской миссии имел обыкновение после вечерних совещаний сразу докладывать обо всем И. В. Сталину. Раза два-три на этих докладах присутствовали маршал Шапошников и я. Сталин выслушивал сообщения о результатах первых заседаний, рекомендовал продолжать выяснять действительную позицию Англии и Франции. Помнится, он особенно интересовался настроением наших коллег и тем, насколько искренни их желания заключить тройственный союз. Его интересовала фигура адмирала Дрэкса, его поведение на переговорах.

К сожалению, чем дальше в лес... — тем меньше оставалось шансов на успех...

...В результате договора с Германией мы получили почти двухлетнюю отсрочку столкновения с фашистским агрессором.

Конечно, нелегко было нашему государству пойти на соглашение со своим злейшим врагом. Но интересы страны требовали найти выход из создавшегося положения, а выбора не было, и поэтому после телеграммы Гитлера с просьбой принять Риббентропа Сталин дал согласие.

После подписания договора состоялся прием в Екатерининском зале Кремля.

Я на приеме не присутствовал, мне рассказал о нем В. П. Пронин, возглавлявший в то время исполком Моссовета. Риббентроп, войдя в зал, приветствовал присутствующих обычным фашистским жестом — выбросив вперед вытянутую руку с восклицанием «Хайль Гитлер!». Сталин улыбнулся и ответил насмешливо церемонным поклоном. За обедом Сталин явно не хотел оказаться возле гитлеровского посланца и попросил В. П. Пронина сесть рядом с ним.

Прием проходил натянуто, в холодно вежливом топе. Когда Риббентроп покинул помещение и остались только свои люди, Сталин сказал: «Кажется, нам удалось провести их».

...И сейчас я убежден, что заключение договора с Германией в сложившейся тогда обстановке было совершенно правильным шагом нашего правительства, стремившегося обеспечить безопасность страны. Приходится, однако, сожалеть, что полученная нами почти двухлетняя отсрочка с началом войны не была использована полностью для укрепления обороноспособности. Много было сделано, но далеко не все. Излишняя вера Сталина в силу договора с фашистской Германией дала немцам преимущество внезапности и привела к тяжелому для нас началу Великой Отечественной войны⁷³.

Как видим, адмирал Кузнецов стоит на позициях успокоенности Сталина подписанным договором. Позициях, вполне типич-

⁷³ Кузнецов Н. Г. Накануне. М.: Воениздат, 1969. С. 249–252.

ных для мемуарной литературы, да и для той части аналитики, которой свойственно преувеличивать сталинскую доверчивость. Вот как описывал и осмысливал ситуацию последних предвоенных дней А. Е. Голованов:

В кабинете за письменным столом сидел довольно массивного телосложения человек с бритой головой, со знаками различия генерала армии.

Павлов поздоровался со мной, спросил, почему так долго не приезжал в Минск, поинтересовался, что мне нужно, и сказал, что давно уже дал распоряжение, чтобы нас всем обеспечивали, так как об этом его просил Сталин. Только я начал отвечать на его вопросы, как он, перебив меня, внес предложение подчинить полк непосредственно ему. Я доложил, что таких вопросов не решаю.

— А мы сейчас позвоним товарищу Сталину. — Он снял трубку и заказал Москву.

Через несколько минут он уже разговаривал со Сталиным. Не успел он сказать, что звонит по поводу подчинения Голованова, который сейчас находится у него, как по его ответам я понял, что Сталин задает встречные вопросы.

— Нет, товарищ Сталин, это неправда! Я только что вернулся с оборонительных рубежей. Никакого сосредоточения немецких войск на границе нет, а моя разведка работает хорошо. Я еще раз проверю, но считаю это просто провокацией. Хорошо, товарищ Сталин... А как насчет Голованова? Ясно. Он положил трубку.

— Не в духе хозяин. Какая-то сволочь пытается ему доказать, что немцы сосредоточивают войска на нашей границе.

Я выжидательно молчал.

— Не хочет хозяин подчинить вас мне. Своих, говорит, дел у вас много. А зря.

На этом мы и расстались. Кто из нас мог тогда подумать, что не пройдет и двух недель, как Гитлер обрушит свои главные силы как раз на тот участок, где во главе руководства войсками стоит Павлов? К этому времени и у нас в полку появились разведывательные данные, в которых прямо указывалось на сосредоточение немецких дивизий близ нашей границы. Но упоминалось, что немецкий генштаб объясняет это переброской войск на отдых в более спокойные места. Так обстояло дело в то время — так думал, в частности, и я.

Как мог Павлов, имея в своих руках разведку и предупреждения из Москвы, находиться в приятном заблуждении, остается тайной. Может быть, детально проведенный анализ оставшихся документов прольет свет на этот вопрос...

Почему войска не были приведены в боевую готовность, хотя уже накануне стало очевидно, что завтра может грянуть война и, как известно, были отданы на сей счет определенные указания? Кто вино-

ват в том, что эти, хотя и запоздалые, указания, пусть оставлявшие на подготовку самые что ни на есть считанные часы, не были сразу доведены до войск? По укоренившейся за многие годы версии, все как будто упирается в Сталина, а так ли это?! Ведь, как известно, после полученных из Москвы распоряжений Военно-Морской Флот был приведен в боевую готовность до наступления регулярных войск фашистской Германии. Является ли один Сталин виной этой, надо прямо сказать, катастрофы?⁷⁴

М. И. Мельтюхов так характеризует ситуацию с циркулировавшими разведданными и общей информированностью советского руководства о планах Германии:

...Довольно распространенной в историографии является версия о кризисе разведки в период репрессий 1937–1938 гг., но, к сожалению, этот вопрос все еще не достаточно исследован. П. А. Судоплатов отмечает, что хотя разведке был нанесен ущерб в связи с устранением многих опытных работников, контакты с агентами в основном были сохранены и в 1940–1941 гг. еще больше расширились. Созданные в 30-е гг. разведгруппы и каналы получения информации продолжали исправно функционировать. Правда, с ноября 1938 по март 1939 г. поступление развединформации резко сократилось, потом же положение вновь стабилизировалось, но неясно, на каком уровне. Видимо, в большей степени репрессии сказались на судьбах советских нелегальных агентов за границей, многие из которых были отозваны в Москву и репрессированы. Оценить же состояние центрального аппарата разведорганов из-за отсутствия необходимых материалов не представляется возможным.

Советская разведка добывала сведения не только через агентов и информаторов, но и посредством радиоразведывательной деятельности, которая, по оценке К. Эндрю и О. Гордиевского, осуществлялась на очень высоком уровне. Существовавшее в 30-е гг. совместное подразделение радиоразведки НКВД и НКО осенью 1938 г. было расформировано. Специалисты по радиоразведке НКВД занялись перехватом и дешифровкой дипломатической документации иностранных посольств в Москве. В феврале 1941 г. группа дешифровки вошла в состав 5-го (шифровального) управления НКГБ, ее серьезным успехом стала дешифровка японских дипломатических кодов...

...В Москву поступали сведения о действиях английской разведки, направленных на провоцирование столкновения Германии с СССР. Стремясь отвести от Англии угрозу вторжения, ее разведка распространяла слухи о том, что «Советский Союз намерен немедленно предпринять дальнейшие агрессивные военные действия, как

⁷⁴ Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная... М.: Дельта НБ, 2004. С. 50–51.

только Германия будет втянута в крупные операции». По сообщениям К. Филби, английское руководство всеми средствами стремилось нагнетать среди германского руководства страх перед советскими военными приготовлениями, чтобы стимулировать напряженность и конфликты в советско-германских отношениях. По мнению Ю. Бокарева, Англии удалось спровоцировать советско-германскую войну. В США английские агенты распространяли слухи о неизбежности советско-германской войны по инициативе Советского Союза, который нанесет удар по Южной Польше. В данном случае эти сведения соответствовали реальному советскому военному планированию, в котором действительно указывалось именно это направление главного удара Красной Армии⁷⁵.

Автор в целом полностью согласен с оценкой В. В. Суходеева, полагающего, что Н. С. Хрущёв «сознательно оглушил» вопрос внезапности начала войны, сведя его к ««тупости» Сталина, его неспособности прислушаться к донесениям разведки». В значительной степени это задало угол, под которым вопрос рассматривался чрезвычайно долго:

...Хрущев умышленно умолчал о том, что Сталину шел и другой поток информации, отрицавший возможность нападения Германии в июне 1941 года, и что подавляющее большинство в высшем военном руководстве и ближайшее окружение Сталина придерживались этой точки зрения. Что Германия нападет, сомнения не было. Речь шла только о сроках этого нападения. И на этом фоне развертывалась борьба за то, чтобы как можно дальше отодвинуть начало агрессии Германии.

Полностью ответить на запутанный вопрос, как на самом деле Сталин относился к развединформации о надвигающейся угрозе, стало бы возможным только после анализа секретного архива Политбюро ЦК партии и личного архива Сталина. Эти документы находятся в архиве Президента Российской Федерации и доступ к ним практически закрыт. К тому же что-то оказалось в США.

Сейчас нет возможности установить, хотя бы в количественном отношении, сколько поступало от разведорганов правдивой информации о подготовке Германии к нападению на СССР, а сколько дезинформации, хотя последней было более чем достаточно. В частности, разведка НКГБ стала жертвой дезинформационной операции работавшего на гитлеровцев О. Берлингса (кличка «Лицеист»). А он считался ценным источником. Через него шла дезинформация о подготовке вторжения Германии в Англию, о верности Германии договору 1939 года и др. Разоблачен «Лицеист» был только после окончания

⁷⁵ Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М.: Вече, 2000. С. 317–318.

войны. Известные ныне документы свидетельствуют о том, что ряд поступавших донесений фактически дезавуировались самими руководителями разведведомств и старшими военачальниками...

...Критики Сталина умышленно обходят вопрос о чрезвычайной сложности и запутанности предвоенной ситуации, о коварной возне, которую вела международная реакция вокруг возможной войны Германии с СССР. Умалчивают о важнейшем значении того, какая сложится не только военная, но и политическая обстановка, в которой война развернется. Сталин был обязан учитывать все эти факторы, и возможность просчета была весьма велика...⁷⁶

Повторим: спектр мнений по данному вопросу достаточно обширен. Однако историческая справедливость требует учитывать весьма сложный характер как международной обстановки, так и намерений самого Сталина. Нет ничего более далёкого от истины, чем образ подозрительного тирана, «перемудрившего» себя самого и обманутого Гитлером. Безальтернативный наступательный настрой всей советской идеологии, формирование ВС и их непосредственное развёртывание перед войной (кстати, отошлём читателя к лаконичной и ёмкой подборке документов и их анализу в книге Ю. Г. Веремеева «Красная Армия в начале Второй мировой: Как готовились к войне солдаты и маршалы»⁷⁷) вряд ли могут оставить хоть тень сомнения в том, что СССР отнюдь не собирался быть «страдательной стороной» в грядущем конфликте и отдавать кому-либо стратегическую инициативу. Многие эпизоды этих дней и поступки Сталина остаются не вполне прояснёнными и в целом малоизвестными. Так, до сих пор нет сколько-нибудь убедительного истолкования внезапному прилёту Ju-52 в Москву 15 мая 1941 г. Что это было: проверка советской ПВО, аналог миссии Гесса в Англию, курьерская доставка Сталину конфиденциальной почты или что-то ещё — толком неясно. Сама по себе фантастическая и противоестественная для той эпохи мягкость «оргвыводов»⁷⁸ заставляет задуматься. М. И. Мельтюхов резюмирует:

Таким образом, и Германия, и СССР тщательно готовились к войне, и с начала 1941 г. этот процесс вступил в заключительную стадию,

⁷⁶ Соловьев Б., Суходеев В. Полководец Сталин. М.: Эксмо, 2003. С. 109–114.

⁷⁷ См.: Веремеев Ю. Г. Красная Армия в начале Второй мировой: Как готовились к войне солдаты и маршалы. М.: Эксмо, Алгоритм-издат, 2010.

⁷⁸ Приказ 0035.

что делало начало советско-германской войны неизбежным именно в 1941 г., кто бы ни был ее инициатором. Первоначально вермахт готовил вторжение на 16 мая, а Красная Армия — на 12 июня 1941 г. Затем Берлин отложил нападение, перенеся его на 22 июня, месяц спустя то же сделала и Москва, определив новый ориентировочный срок — 15 июля 1941 г. Как ныне известно, обе стороны в своих расчетах исходили из того, что война начнется по их собственной инициативе. К сожалению, то, что известно сегодня, было тайной в 1941 г., и советское руководство допустило роковой просчет. Внезапное нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. и первые неудачи на фронте оказали на советское руководство ошеломляющее воздействие⁷⁹.

Если оставить в стороне эмоции многих исследователей и мемуаристов, явные перегибы и преувеличения, а также откровенное искажение фактов, не цепляться за конкретные даты, на которые планировалось начало войны сторонами, то следует со многим согласиться в этой оценке.

Вряд ли можно отрицать и шоковое состояние Сталина в первые часы и дни войны. Опять-таки, мы должны избегать коренящегося в хрущёвской концепции изображения Сталина как человека, самоустранившегося от управления армией и страной. Ключевыми факторами, определившими его поведение и действия в этот период, являлись, безусловно, следующие.

Во-первых, не вызывает сомнения необходимость коренного переосмысления ситуации. Стратегическая инициатива перешла к Германии, чего не должно было случиться просто в силу содержания пресловутой военной доктрины СССР. Масштаб РККА, грандиозность театра военных действий, расположение войск, сконцентрированных на участках государственной границы, сами по себе исключали внезапную и быструю перенастройку армии на другой стиль действий. Общим местом в современной (особенно популярной) литературе являются «поучения», адресованные Сталину, авторы которых убеждают, что необходимо было встать в глухую оборону, цепляться за каждый пригорок, вместо того, чтобы беспрестанно организовывать контрнаступления и контратаки, да ещё по устаревшим шаблонам. Оно как бы и верно. Только последующий опыт показал, что «правильные» действия отчего-то не давались РККА ни осенью 1941 г., ни весной 1942 г., а на отдельных участках фронта такая ситуация сохранялась

⁷⁹ Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М.: Вече, 2000. С. 415.

даже к концу 1943 г. Очевидно, сам механизм управления Красной Армией, её кадры и технология аккумуляции боевого опыта оставались несовершенными. Практика показала, что адекватные выводы Сталиным наиболее интенсивно делались в течение всего 1942 г. и были увенчаны в его финале рядом принципиальных изменений, не замедливших принести свои результаты. Именно на этом основании В. В. Бешанов назвал 1942 г. «учебным». Очевидно, что было бы наивно ожидать от Сталина пересмотра уставов в конце июня 1941 г. или даже в ноябре-декабре того же года. А сами по себе директивы не являлись панацеей. По меньшей мере странно было бы списывать отступление до Москвы, Кавказа и Волги на неверные формулировки, содержащиеся в директиве войскам от 22 июня 1941 г. и тем более — на фактор внезапности.

Во-вторых, в продолжение сказанного, необходимо иметь в виду фактор катастрофических потерь в технике и живой силе. В сущности, кадровая Красная Армия была разгромлена к концу осени 1941 г., а вместе с ней была потеряна и почти вся техника. В результате оказался сведён к нулю фактор и количественного, и качественного превосходства РККА над вермахтом. В условиях же примерного паритета сил и слома самого механизма подготовки квалифицированной кадровой замены и 1942-й, и даже 1943-й гг. ознаменовались «перемолкой» поступавших в армию человеческих резервов без сколько-нибудь заметного качественного роста последних — просто не доживали. В этой ситуации анализ боевого опыта мог идти преимущественно в Ставке — и в сознании Верховного.

Далее, в-третьих, необходимо учитывать, что армия была воспитана в наступательном и излишне оптимистическом духе, ответственность за что лежит на всей системе идеологической работы СССР в целом и, в том числе, на Сталине:

<...> В мае 1940 г., руководство Народного комиссариата обороны было вынуждено признать, что настоящей «политической разведки» среди населения в районах, где приходилось действовать частям Красной Армии, не велось. Оно попросту не знало, «с какими лозунгами идти к этому населению и вести работу среди него». В целом, столкновение с действительностью нередко «ошарашивало» бойцов и командиров, знавших население зарубежных стран по «трафаретным лозунгам и упрощенной пропаганде».

Наносили свой вред и шапкозакидательские настроения предшествовавшего времени, а также «победный» настрой политического и военного руководства. В начале декабря 1939 г. некоторые из писателей,

направленных на финский фронт в качестве военкоров, в полном соответствии с «установкой» В. М. Молотова, желали друг другу «свидания через три дня в Гельсингфорсе» (Хельсинки). В начале финской кампании бытовало представление, что «достаточно Красной Армии дунуть, как весь мир капитализма рассыплется подобно миражу». Установки политического характера, которые давались войскам, основывались на том, что «со стороны трудящихся и рядовых солдат» Финляндии не будет серьезного противодействия. Внедрялось в сознание и следующее убеждение. Население Финляндии в случае вступления ее в войну против СССР не станет рассматривать Красную Армию в качестве противника, чуть ли не сразу восстанет и перейдет на ее сторону.

Позднее поэт А. А. Сурков воспроизводил свой разговор с командиром лыжного батальона, имевшим воинское звание капитан, который понес большие потери в боях с финнами. На прямой вопрос Суркова, обращенный к капитану, кто именно виновен в «этом страшном конфузе», т. е. разгроме его подразделения, последний ответил: «Во-первых, виноват я, во-вторых, командование, в-третьих — больше всего кинокартины «Истребители» и «Горячие денечки». В названных кинокартинах, созданных соответственно в 1939 и 1935 гг., военная служба изображалась как легковесное времяпрепровождение.

...Живая картинка, дающая наглядное представление об уровне пропагандистской работы среди личного состава Красной Армии в начальный период финляндской кампании, представлена в воспоминаниях одного из ее участников, разведчика 17-го отдельного лыжного батальона. Это подразделение, находясь еще на границе с Финляндией, во время краткой передышки перед походом получило «патриотическую зарядку со стороны подвернувшегося (sic! — В. Н.) малограмотного политрука». Разъяснения последнего сводились к следующему: «Наши самолеты бомбят и бомбят, а финны убегают».

Война с Финляндией 1939–1940 гг. нашла отражение в советском кинематографе. Фронтowymi операторами был снят материал для хроникально-документального фильма «Линия Маннергейма». В. В. Вишневыский 30 апреля 1940 г. таким образом излагал в дневнике свои впечатления от просмотра этой картины: «Вчера смотрел «Линию Маннергейма». Ни одного аплодисмента. Зрители молча, испытующе смотрят на тяжести войны. Натурализм документа предельный... Витает смерть и разрушение... А вырезано все, что только можно: нет подл [инных] смертей, раненых, нет обмороженных, нет трагизма...».

На экраны вышел и художественный фильм режиссера В. В. Эйсымонта «Фронтвые подружки», который должен был показать «героическую работу советских девушек-медсестер в период борьбы с белофиннами». Этот фильм пользовался успехом у зрителей. По словам Ю. Баранова, в картине была показана «настоящая военная правда, суровая и жестокая». При этом в ней не было «досадного шапкозакидательства», которое присутствовало, например, в кинолентах «Истребители» и «Если завтра война».

Война против Финляндии стала серьезным испытанием не только боеспособности Красной Армии, но и действенности большевистской пропаганды. С одной стороны, проявилась порочность прежних установок о военной слабости потенциального противника, расчета на молниеносные боевые действия «малой кровью», «на чужой территории». С другой стороны, не получили развития замыслы идеологического обеспечения «экспорта» революции в Финляндию, пропагандистской поддержки марионеточного «правительства» Куусинена. Не случайно сразу же по завершении боевых действий и подведения неутешительных для советского руководства, Красной Армии и ПУРККА итогов «Зимней войны» началась всесторонняя перестройка пропаганды, в ходе которой была поставлена задача определенной корректировки взглядов на ее характер и содержание.

<...> Генерал армии Г. К. Жуков предложил несколько подновленную интерпретацию событий советско-финляндской войны. Отметив имевшие место при подготовке и проведении боевых действий недостатки, он подчеркнул, что эта война знаменательна демонстрацией, причем «впервые в современной военной истории», искусства прорыва «первоклассной укрепленной полосы» («линии Маннергейма»), осуществленной при помощи «могущественной современной техники», которую давала советская страна и ее социалистическая промышленность. Это выступление в какой-то мере свидетельствовало о том, что кампания по борьбе с «шапкозакидательскими» настроениями, инициированная Сталиным в связи с неудачами в войне с Финляндией, сама собой сходила на нет. Неудачи эти стали связывать исключительно с тяжелыми природными условиями, в которых приходилось действовать Красной Армии. Стойкость финских солдат рассматривалась как своеобразная аномалия. Пренебрежительное отношение к потенциальному противнику не позволяло командирам и политработникам, особенно не участвовавшим в боевых действиях, в должной мере задумываться о причинах распространения в военной среде представлений о легкости победы и готовиться всерьез к трудностям грядущей войны⁸⁰.

Показательно при этом, что, по свидетельству нескольких очевидцев, Сталин вплоть до конца войны с удовольствием смотрел фильм «Если завтра война», а также устраивал его совместные просмотры с представителями союзных миссий в Москве. Считать ли пресловутое шапкозакидательство серьезным просчётом — вопрос весьма сложный. Всегда крайне непросто определить границу между уверенностью солдата и командира в своих силах и недооценкой противника. В том, что Сталин

⁸⁰ Невежин В. А. «Если завтра в поход...». М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 208–238].

готовил армию и народ воевать «малой кровью, на чужой территории», автор решительно не усматривает просчёта. Плохо то, что так не случилось.

Мы не можем не признать упорства Сталина в попытках переломить ход войны в самом её начале. Вероятно, ощущение неэффективности действий собственной армии возникло у него достаточно рано. Но, к чести Верховного Главнокомандующего, мы должны сделать категоричный вывод: в текстах, вышедших из-под его руки, в приказах и распоряжениях любое разочарование сведено к минимуму. Достаточно беглого знакомства с приказами за подписью Сталина (да, собственно, и остальные так или иначе редактировались Верховным), чтобы понять, что им в принципе чужд панический настрой, неверие в собственные силы, сомнения и т. п. Какие бы трудные времена ни переживала армия, как бы далеко ни откатывался на восток фронт — Сталин стремился всеми средствами поддерживать боевой дух и не допускать сомнений в превосходстве советского оружия. Отметим, что он регулярно шёл на сознательную и откровенную дезинформацию, в частности, в вопросе соотношения наших и немецких потерь в боевой технике и живой силе. Классический пример — цифры из праздничного выступления 6 ноября 1941 г., которые не имеют ничего общего с реальным положением дел. Отбросив формальную нравственность, отвергающую ложь в любых формах и размерах, признаем, что Сталин и тогда, и много позже, выступал в роли вполне квалифицированного психолога, выдавая в массы идеи, которые объективно способствовали поддержанию боевого духа.

Мы умышленно не касаемся здесь хрестоматийных примеров с «братьями и сёстрами», реабилитации церкви и пр., поскольку они давно стали предметом массового обсуждения и анализа.

С началом войны И. В. Сталину пришлось столкнуться с новым уровнем традиционных для него задач, но и присовокупить к ним новые. Если организация ВПК и строительство армии стали уже рутинной, то непосредственное руководство фронтами было относительной новинкой. Опыт финской войны был специфичен и незначителен, а остальные конфликты, в сущности, не требовали «ручного управления» из центра. Вряд ли уместно пространно описывать стиль сталинского руководства, механику выработки и утверждения решений, уровень компетенции и конкретные достижения и ошибки Верховного. Всё это более чем подробно

освещено в текстах, составивших антологию. Укажем, с точки зрения автора, на принципиальное.

Сталин создал достаточно эффективную систему военного и гражданского управления, в целом адекватную как текущей ситуации военного времени, так и традиционным российским реалиям. Сочетание чрезвычайной твёрдости и жёсткости руководства с отсутствием огульных и беспочвенных репрессий оказалось вряд ли идеально, но вполне работоспособно. Директивный стиль в целом был увязан с достаточно тщательной проработкой вопросов технического и тактического порядка. Даже неверные, как выяснялось в дальнейшем, решения, почти всегда были результатом тщательного и неоднократного обсуждения со специалистами и индивидуальной проработки и обдумывания самим Сталиным. Так что поспешность и суетливость никак не могут быть вменены в вину сталинской Ставке и ему лично.

Сталин удачно компенсировал собственные — и очевидные — пробелы в тактической и стратегической подготовке работой Генштаба. У Г. К. Жукова мы встречаем в воспоминаниях два взаимоисключающих пассажа. «И. В. Сталин в годы войны выполнял пять обязанностей. Кроме Верховного Главнокомандующего, он оставался на посту Генерального секретаря ЦК ВКП(б), был Председателем Совета Народных Комиссаров СССР и Председателем Государственного Комитета Оборона, являлся народным комиссаром обороны. Работал он напряженно, по 15–16 часов в сутки. И. В. Сталин высоко ценил работу Генерального штаба и полностью доверял ему. Как правило, он не принимал важных решений без того, чтобы предварительно не выслушать анализа обстановки, сделанного Генштабом, и не рассмотреть его предложения». И — через несколько строк — «Генеральный штаб, на который Верховное Главнокомандование опиралось во всей своей деятельности и который всю войну работал достаточно умело, как я уже говорил, И. В. Сталиным в начале войны недооценивался... Нередки были случаи, когда И. В. Сталин, не ставя в известность Генеральный штаб, давал командующим свои указания, в результате чего происходили серьезные организационные неувязки»⁸¹. Отнесём эти «разночтения» на счёт «многоярусности» жуковских воспоминаний, однако напомним,

⁸¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 13-е издание. В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002. С. 288–289.

что человек, отлично знавший ситуацию изнутри, С. М. Штеменко, весьма позитивно оценивает это сотрудничество:

<...> Буквально с первого дня войны обнаружилось несовершенство структуры Генштаба. Кое-что оказалось лишним, совершенно ненужным, а иного, крайне необходимого, не оказалось совсем. Война все поставила на свое место: ненужное было отброшено, необходимое создано. Примерно ко второй половине 1942 года организационные формы Генерального штаба пришли в соответствие с содержанием его работы. К этому же времени устоялся и личный состав. Канули в прошлое «авралы». Установилась планомерность, позволявшая глубоко обдумывать обстановку и вытекающие из нее задачи, все рассчитать во времени и пространстве, каждое оперативное мероприятие, любое предложение должным образом обосновать. Генеральный штаб являлся рабочим органом Ставки и подчинялся только Верховному Главнокомандующему.

Деятельность Ставки, а следовательно, и Генерального штаба носила очень напряженный характер и не замыкалась в четырех стенах. Здесь всегда чувствовалось биение пульса действующей армии. С нею мы были связаны не только тонкой нитью телеграфного или телефонного провода. У нас не прерывались живые связи, личное общение с войсками, их штабами, командованием фронтов⁸².

Не вызывает сомнения, что, характеризуя Сталина как полководца, мы прежде всего характеризуем его как организатора. И в этом смысле предъявить ему претензии трудно.

Что касается непосредственного руководства войсками, то особенностью сталинского стиля было видение ситуации в целом, в масштабе всей войны, фронта, армии. Безусловно, он не был тактиком. Если К. Е. Ворошилова или Л. З. Мехлиса не раз видели на передовой, с наганом в руке и соответствующими обстановке словами на устах, то Сталин, как известно, воздерживался от выездов в боевые порядки войск, ограничившись кратковременным знакомством с обстановкой из ближнего тыла, скорее «для галочки». Позиция пишущих о Сталине по этому вопросу колеблется от обвинений в трусости до недоумения: зачем руководителю страны вообще бывать на фронте? Не впадая в крайности, солидаризируемся скорее со вторыми — Сталину в самом деле не было нужды в выездах на передовую для той деятельности, которую он осуществлял, и дело тут явно не в трусости. Очевидно, возможный пропагандистский эффект не рас-

⁸² Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. 2-е изд. / Литературная запись Сомова Г. А. М.: Воениздат, 1989. С. 101.

смастривался им в качестве важного аргумента, а обстановку он знал достаточно детально. Единственный негативный эффект — возможное неадекватное представление о непосредственных настроениях в войсках и их боевом духе, но тут даже нескольких выездов на фронт было бы недостаточно. Очевидно, что Сталин в этом вопросе привык полагаться на информацию компетентных органов, и считал её достаточной. А уж делать «из окопа» выводы об эффективности применения оружия и техники в бою было бы, по меньшей мере, наивно.

Нет нужды опровергать давно осмеянную фразу Н. С. Хрущёва о руководстве Сталиным войсками «по глобусу». Мало того, что она опровергается массой живых свидетельств компетентности Верховного — ничем, кроме сознательной и оскорбительной лжи признать хрущёвский пассаж нельзя. Сошлёмся лишь на свидетельство А. Е. Голованова, для того, чтобы, как говорится, «закрыть тему»:

Однажды Г. К. Жуков, будучи командующим Западным фронтом, приехал с докладом в Ставку. Были разложены карты, начался доклад. Сталин, как правило, никогда не прерывал говорящего, давал ему возможность высказаться. Потом выслушивал мнения или замечания присутствующих. Обычно в это время он всегда неторопливо ходил и курил трубку. Сталин внимательно рассматривал карты, а по окончании доклада Жукова указал пальцем место на карте и спросил:

— А это что такое?!

Георгий Константинович нагнул над картой и, слегка покраснев, ответил:

— Офицер, наносивший обстановку, неточно нанес здесь линию обороны. Она проходит тут. — И показал точное расположение переднего края (на карте линия обороны, нанесенная, видимо, в спешке, частично проходила по болоту).

— Желательно, чтобы сюда приезжали с точными данными, — заметил Сталин.

Для каждого из нас это был предметный урок. Вот и повоюй тут «по глобусу»!

Я, честно говоря, не завидовал тому офицеру, который наносил обстановку на карту. За его невнимательную работу получил замечание командующий фронтом, который лучше любого знал дела и обстановку у себя на переднем крае и которому пришлось краснеть за работников своего штаба. У Сталина была какая-то удивительная способность находить слабые места в любом деле⁸³.

⁸³ Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная... М.: Дельта НБ, 2004. С. 117–118.

Годы войны стали годами интенсивной военной учёбы. Как выяснилось, Сталин овладевал полководческими навыками и умениями зачастую быстрее собственных генералов и маршалов. Во всяком случае, мы в основном имеем дело с ситуацией, когда принципиальные новшества тактического и оперативного уровня генерируются и озвучиваются лично Сталиным или его ближайшими подчинёнными в опережающем режиме, оказываясь неожиданностью для основной массы генералитета. Разумеется, на виду часто оказывается лишь часть айсберга — не всегда видна та кропотливая работа, которая велась в Генштабе, инициативные командиры и бойцы, выдвигавшие многочисленные «рацпредложения», конкретные командующие, по крупицам аккумулировавшие свой и чужой опыт. Но, признаем, огромная роль Верховного в аккумуляции, просеивании, отборе и формулировке этого опыта, а также в возврате его в войска в директивном режиме переоценке просто не подлежит. Эта работа началась уже в первые недели войны, а к её середине стала отливаться в достаточно фундаментальные решения, вплоть до кардинального пересмотра уставов действующей армии и самой философии боевого применения войск. Автор сознательно включил в антологию достаточно большое количество приказов Ставки, касающихся всех мыслимых сторон боевой работы войск — от использования самолётов-истребителей в качестве фронтовых штурмовиков и бомбардировщиков до тактики танковых атак, от применения рот автоматчиков до разбора работы корабельной артиллерии Балтфлота по сухопутным целям. Под всеми этими документами — подпись Сталина, и она не формальна, а совершенно реальна. И. В. Сталин вёл беспрецедентную работу по обучению собственной армии действиям тем оружием, которое сам же в неё и поставлял.

Могут возразить, что такие вещи нужно делать до войны, что сделано было недостаточно и не всё сделанное было правильно. Без сомнения, недостаточно. Но для автора главной точкой отсчёта является общий уровень развития страны в довоенные годы и уровень кадровой подготовки войск, о котором говорилось выше. В наши дни нередко возникает ощущение, что люди, привыкшие к наличию у собеседника двух-трёх высших образований (на проверку обычно не стоящих в сумме и одного среднего) утрачивают связь с реальностью, забывая о качестве кадров 30-х и 40-х гг. А заодно и о том, что СССР в значительной степени был «страной

чудес», весьма идеологическим и даже «мистическим» обществом, где адекватное понимание принципов марксизма-ленинизма и сталинских идей рассматривалось в официальном режиме как фактор более действенный, чем бронепробиваемость снаряда или ёмкость оружейного магазина. Не говоря уж о технологиях пехотной атаки. В этом отношении архимистический Третий Рейх с его средневековой и первобытной магией стоял на гораздо более приземлённом прагматичном фундаменте. Это даже если не упоминать о кардинальной разнице в подходах к образованию, воспитанию и профессиональной подготовке войск, да и населения в целом, закреплённой в русской и немецкой традициях.

Гораздо примечательнее темпы развития. Вермахт начал и закончил войну без изменения основных парадигм военного искусства. Они изначально были весьма качественны, но 6 лет мировой войны заставят устареть любого Клаузевица. Приходится признать, что адаптация к реалиям у вермахта оказалась не слишком высокой, а, скорее всего, победила уверенность в собственной непогрешимости. Держались — и держались блестяще — за счёт старых довоенных запасов. Но и им однажды приходит конец. Можно посмотреть на ситуацию и так: не решив с помощью блицкрига ни одну из стратегических задач плана «Барбаросса» и накрепко увязнув в России, Гитлер и руководство Рейха сумели достаточно быстро реанимировать законсервированные или отложенные программы создания новых вооружений и технических средств, компенсировав вполне реальное отставание от РККА. Однако в области тактики и стратегии, судя по всему, ситуация в принципе не рассматривалась как угрожающая, и лидеры вермахта были убеждены в абсолютном превосходстве над противником. А противник вынужден был делать выводы, и делал их всю оставшуюся войну.

На фоне немецкой армии сталинская РККА претерпела не просто кардинальные изменения. Не будет преувеличением сказать, что жители оккупированных территорий СССР в 1943–1944 гг. встречали в принципе иную армию, чем та, которая — с боями и без таковых — отступала из этих мест летом 1941 г. И дело было абсолютно не в погонах или терминах «солдат» и «офицер». Просто военная катастрофа предельно ясно поставила вопрос, на который Сталин сумел найти ответ. Разница в уровне между РККА образца финской войны и армией периода операции «Багратион» огромна. С точки зрения прогресса, превышения нового

уровня над прежним, это не может быть охарактеризовано иначе, чем блестящий результат. При этом далеко не всё было гладко. Проблемы дисциплины, управления войсками, высоких потерь, очковтирательства и т. п. не были искоренены. Хотя трудно назвать армию, в которой их нет, а что до масштабов — ну, так и Россия не Эстония.

В этом преображении армии, её колоссальном качественном росте есть безусловная и полновесная заслуга лично И. В. Сталина. Автору представляется, что аппарат Ставки и Генштаба был достаточно эффективен. Просто в силу личных качеств и стремления вникать в суть важных вещей Сталин испытывал дискомфорт, ощущая в первые годы войны хотя бы кратковременную потерю контроля над ситуацией на фронтах. Эта ситуация (реальная или кажущаяся) вызывала у него весьма яркую и агрессивную реакцию, что создаёт порой впечатление о наличии исключительно режима «ручного управления» в Ставке и неэффективности сталинской «команды», коль скоро ему «всё приходилось делать самому». В действительности дело, конечно, обстояло не так, и вопрос тут скорее в высочайшей личной ответственности Верховного, а также в его осознанной готовности брать на себя эту ответственность. Поэтому трудно вполне принять умозаключения Д. А. Волкогонова:

...Природа ошибок кроется не только в неверных расчетах, неоправдавшихся прогнозах, злой воле агрессора. Все это, разумеется, было. Главная же причина просчетов, ошибок, непростительных промахов коренится, подчеркну ещё раз, в ущербности Системы, в единовластии. Трудно винить наркомов, Главный Военный Совет, когда уже сложился образ «непогрешимого и мудрого вождя». Любое принципиальное несогласие с той или иной его концепцией, точкой зрения вполне могло быть расценено как «непонимание», «противопоставление», «политическая незрелость» со всеми вытекающими отсюда последствиями...

Хотя Сталин, субъективно, ставил перед страной, партией, казалось бы, благие цели, их реализация и осмысление не были выстраданы коллективным разумом, не явились результатом противопоставления различных точек зрения. Своим единовластием, «непогрешимостью», беспелляционностью выводов «вождя» невольно перекрывал каналы поступления объективной информации, оригинальных предложений, нестандартных решений. Ему, как правило, говорили то, что он хотел слышать. Часто пытались угадать его желания. Отсутствие демократической и истинно коллегиальной формы выработки и принятия ответственных решений обедняло, ограничивало интеллектуальные возможности власти.

Необходимость централизации государственной, политической и военной власти в военное время едва ли можно поставить под сомнение. Но однозначно следует сказать, что такая концентрация власти должна иметь пределы прежде всего в политической жизни, не отводить окружению роли статистов и поддакивателей. Сталин все замкнул на себе. Поэтому каким бы ни было наше отношение к Сталину сегодня, нельзя не признать нечеловеческого по масштабам и ответственности объема работы, которая легла на его плечи. Если хозяйственные, политические, дипломатические вопросы во многом взяли на себя члены Политбюро и ГКО, то военные и военно-политические проблемы приходилось решать в основном ему, Верховному Главнокомандующему, что привело, кстати сказать, к многочисленным просчетам. К счастью, в составе Генерального штаба, высшего военного руководства быстро выдвинулась и проявила себя целая плеяда выдающихся военачальников...⁸⁴

«Пределы концентрации власти» удобно обсуждать из мирного кабинета, и крайне сложно — в обстановке, в которой находилась страна в тот период. Одна и та же формула является академическим рассуждением в одной ситуации, и схоластическим словоблудием — в другой. Автор же данных строк всегда исходит из принципов историзма, полагая, что феномен должен рассматриваться в географическом и хронологическом контексте.

Справедливости ради надо заметить, что военные годы делятся в этом вопросе на два ощутимо разных периода. Даже беглый анализ директив Ставки показывает, что примерно с зимы-весны 1943 г. интенсивность «ручного вмешательства» Сталина в управление фронтами кардинально снижается. Уменьшается количество документов за его подписью, сокращается количество приказов, посвящённых мелким и частным тактическим новшествам. Безусловно, это показатель довольно формальный — Сталин продолжал вникать во всё с неменьшей интенсивностью. Однако показатель предельно значимый. Дело тут не в том, что Победа стала реальностью или проблем стало существенно меньше. Судя по всему, Верховный немного успокоился: его армия, наконец, научилась воевать. И, что ещё важнее, научилась делать выводы и самообучаться. Наиболее значимые и интересные приказы теперь касаются стратегических задач и, всё чаще — извлечения стратегических уроков (как, например, знаменитые приказы о журналах «Военная мысль» и «Военный вестник»).

⁸⁴ Волкогонов Д. А. Сталин. Политический портрет. В 2-х книгах. М.: Новости, 1992. С. 130–151.

Играли роль и психологические особенности самого вождя. Жуков в своё время заметил: «даже когда не ладились мелочи, он очень раздражался».

Во второй половине Великой Отечественной войны Сталин куда реже фигурирует как автор приказов, чем его заместители или члены Ставки. Что заставляет усомниться в отмечаемой некоторыми мании величия или ревности Верховного к своим командующим:

На другой день Верховный позвонил мне и сухо спросил:

— Как вы смотрите на то, чтобы руководство всеми фронтами в дальнейшем передать в руки Ставки?

Я понял, что он имеет в виду упразднить представителей Ставки для координирования фронтами, и чувствовал, что эта идея возникла не только в результате вчерашнего нашего спора.

Война подходила к концу, осталось провести несколько завершающих операций, и И. В. Сталин наверняка хотел, чтобы во главе этих операций стоял только он один.

— Да, количество фронтов уменьшилось, — ответил я. — Протяжение общего фронта также сократилось, руководство фронтами упростилось, и имеется полная возможность управлять фронтами непосредственно из Ставки.

— Вы это без обиды говорите?

— А на что же обижаться? Думаю, что я и А. М. Василевский не останемся безработными⁸⁵.

Заметим к слову, что Георгию Константиновичу вообще очень удавались пассажи со своего рода фамильярным похлопыванием Верховного по плечу:

Особенно детально пришлось поработать в армии И. Х. Баграмяна, с которым у меня с давних пор сложились хорошие деловые и товарищеские взаимоотношения. В тот момент у И. Х. Баграмяна находились командующий Западным фронтом генерал В. Д. Соколовский и представитель Ставки генерал Н. Н. Воронов, занимавшийся артиллерийскими вопросами. При обсуждении метода артиллерийского огня, о котором докладывал командующий артиллерией 11-й гвардейской армии генерал П. С. Семенов, родилась идея преподнести врагу какой-то новый, еще неизвестный ему метод.

После долгих обсуждений всеми нами было решено: атаку начинать не после артиллерийской подготовки, как это было до сих пор, что помогало противнику определить начало перехода наших войск в на-

⁸⁵ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 1-е изд. М.: Издательство Агентства печати Новости, 1969. С. 585–586.

ступление, а в процессе самой артиллерийской подготовки, в момент усиления ее темпа и мощности. Этот метод хорошо себя оправдал.

Я был несколько удивлен при личном разговоре с И. В. Сталиным, когда он мне сказал об «открытии» Вороновым нового метода артиллерийского наступления, как его личного изобретения. И еще больше удивился, прочитав о том же в мемуарах самого Н. Н. Воронова⁸⁶.

Или:

Планируя действия советских войск на зиму 1944 года, имелось в виду главные силы и средства сосредоточить на 1, 2, 3-м и 4-м Украинских фронтах, чтобы создать там более значительное превосходство над противником и в короткие сроки разгромить войска групп армий «Юг» и «А».

Что касается других фронтов северного, северо-западного и западного направления, то Ставка решила давать туда более ограниченные силы, чтобы не рассредоточивать их и не отвлекать с тех участков, где будут решаться главные задачи. После совещания в Ставке мы с А. М. Василевским дней пять еще поработали с Генштабом по уточнению задач фронтам. Несколько раз Верховный приглашал нас к себе в кремлевскую квартиру на обед.

Однажды дома у Верховного я попытался еще раз поднять вопрос о проведении операций на окружение. И. В. Сталин сказал:

— Теперь мы стали сильнее, наши войска опытнее. Мы не только можем, но и должны проводить операции на окружение.

Мы были довольны тем, что Верховный наконец правильно понял значение наступательных операций с целью окружения⁸⁷.

Если «маршал Победы» тут вполне искренен, то становится отчасти понятно, в силу каких причин его послевоенная карьера оказалась не столь блестящей, как военная.

В целом же заметим, что этот период кардинального слома стереотипа в руководстве войсками был, безусловно, частью более общего процесса. Автор этих строк, в частности, со времён истафковского студенческого семинара на третьем курсе зимой 1988–1989 гг. убеждён, что едва ли не самым важным историческим переломом в жизни СССР была цепь инициированных войной больших и малых реформ, проведённых в основном

⁸⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 13-е изд.: В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002. С. 158.

⁸⁷ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 13-е изд.: В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002. С. 192.

в 1942 — первой половине 1943 г. Эта «скрытая революция» завершила превращение СССР из троцкистской «вязанки хвоста для Мировой Революции» в самоочевидное продолжение Российской Империи с наследованием прав, принципов устройства и стратегических задач последней. В общем, в последние десятилетия эта мысль в разных контекстах всё чаще фигурирует и в печати, и в массовом сознании, но важно другое: все военно-стратегические действия И. В. Сталина, безусловно, должны рассматриваться с учётом и в контексте этого «Великого Перелома».

Сталин был субъективным и страстным полководцем. Правда, другие психотипы редко попадают в ряды людей этой профессии, но всё же. Несомненно, следствием этой увлечённости были трагические неудачи 1942 г., вполне сопоставимые в своей тяжести с неудачами года 1941-го, но намного превосходящие их своей «неуместностью», неправильностью. Казалось бы, ни фактора внезапности, ни ощутимого качественного и количественного перевеса в технике у немцев уже не было и в помине, но Красная Армия пережила летом и осенью 1942-го не менее катастрофические поражения и едва не проиграла войну окончательно. Единственным рациональным объяснением этого служит то, что на волне эйфории от победы под Москвой Сталин, судя по всему, был вполне убеждён в том, что перелом наступил. Атакующая концепция, заданная на весь 1942 г., была, безусловно, одной из основных стратегических ошибок Верховного Главнокомандующего. Решение вернуть всё и немедленно, как бы оно ни было понятно эмоционально и политически, желание начать реализовывать тот самый довоенный сценарий «малой кровью, могучим ударом», конечно же, не имело под собой не только убедительных, но и вообще осязаемых оснований. Тем не менее, оно было принято. Как представляется, этот сложный период ещё ждёт своего исследования и осмысления — возможно, многократного. Не вызывает сомнения лишь то, что ошибки Сталина декабря-января 1941–1942 гг. гораздо существеннее его ошибок июня-июля 1941 г. Зимние решения принимались в условиях уже идущей войны и в состоянии более или менее объективной оценки ситуации, с учётом полугодового опыта беспрецедентных боевых действий. Единственным правильным ответом было накопление опыта и оборонительная стратегия. Однако Сталин располагал армией, которая ещё не научилась обороняться — правда, не научилась и толком наступать. Невероятно трудно поставить себя

на место человека, принимающего в этот момент решение, невероятно трудно обвинить другого в уже принятом. И всё же — запишем установки на 1942 г. в число промахов Сталина.

Но, одновременно, мы должны признать, что в стратегическом плане это были последние ошибочные решения такого масштаба. Можно раскладывать Великую Отечественную на дни, часы и минуты; можно искать и находить тысячи несуразностей и огрехов; можно обвинить Сталина и командование фронтов в миллионах жизней, отданных за Победу «сверх нормы». Но, с максимально объективной и ответственной точки зрения нам придётся признать, что уже со второй половины 1942 г. военных решений провального, абсурдного или непрофессионального уровня в руководстве действиями РККА обнаружить не удастся. Война с нашей стороны стала тяжёлой, затяжной, кровавой, временами блестящей, чаще вполне черновой работой — но откровенных ошибок Сталин не допускал. Признаем, что год с небольшим, отведённый на «курс молодого полководца», был потрачен не зря. Результат оказался достойным.

Уместно напомнить и о системе «обратной связи». Сталина как полководца характеризует навык самооценки и самокритики:

21 января 1940 г., когда Действующая армия в Финляндии оказалась в тяжелой ситуации, в Москве, в Большом театре, состоялось заседание, посвященное очередной годовщине со дня смерти В. И. Ленина. Выслушав доклад А. С. Щербакова, Сталин и его ближайшие соратники (члены Политбюро, военачальники, в том числе — К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный, Генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Г. М. Димитров) «в приятельской атмосфере» собрались за накрытым столом. Судя по дневниковой записи Димитрова, Сталин не только не провозгласил традиционной здравицы за Ленина (как это бывало в ходе других застолий и по другим поводам), но во время ужина 21 января 1940 г. ни в одном из тостов не упомянул о своем «учителе и воспитателе».

Однако не вспомнить о том, что происходило в далекой Финляндии, он, очевидно, просто не мог. Красная Армия несла в войне против финнов неоправданно большие потери, боевые действия продолжались уже более семи недель, а ожидаемого перелома в ее пользу достичь так и не удалось. Основное содержание сталинского монолога, произнесенного на ужине 21 января 1940 г., и его главные тосты прямо и непосредственно были связаны с ходом боевых действий на финском фронте. Он был вынужден признать, что лишь теперь стало очевидно, насколько хорошо финны подготовились к «большой войне» против СССР. Советский вождь упомянул об их дополнительной «силе» —

членах военизированной организации шюцкор, насчитывавшей, по его сведениям, 150000 чел. «Мы 60000 перебили, — уверял Сталин своих собеседников, — надо перебить и остальных, тогда дело кончится».

Если на банкете, устроенном по случаю своего 60-летия (21 декабря 1939 г.), Сталин провозгласил здравицу «за товарищей, которые героически сражались на снежных полях Финляндии», то тост за участников боев в Финляндии, провозглашенный месяц спустя, оказался совершенно необычным и неожиданным. Поднимая бокал, советский вождь предложил выпить за Красную Армию, «которую недостаточно подготовили, плохо одели и обули, которую мы теперь одеваем и обуваем, которая дерется за свою честь — в известной степени скомпрометированную, борется за свою славу!».

Местоимение «мы», к которому прибег Сталин, констатируя тот факт, что в срочном порядке проводятся мероприятия по налаживанию снабжения красноармейцев и командиров, сражающихся в Финляндии, заставляет задуматься о следующем. По всей видимости, он рассматривал себя как главного инициатора скорейшего преодоления недостатков и промахов, допущенных высшим командованием РККА⁸⁸.

В подобном смысле высказывался и Г. К. Жуков:

Надо отдать должное И. В. Сталину: когда началась война, он никого не упрекал в отсутствии у нас необходимого количества новейших танков, самолетов и другой боевой техники, так как знал, что в нерешенности этих вопросов прежде всего виноват он сам и его ближайшее окружение⁸⁹.

Нельзя не упомянуть и о дипломатической составляющей деятельности Сталина-полководца. Одной из главных интриг Великой Отечественной оказалось то, что в числе основных союзников СССР оказались государства, с которыми ещё совсем недавно как раз и предполагалось воевать. Нет сомнения, что, скажем, из 1930–1932 гг. вероятность войны с Англией или Францией выглядела неизмеримо более высокой, чем с Германией. Да и в предвоенные годы актуальной оставалась война со всем капиталистическим окружением. Крайне любопытно было бы узнать, как отнеслись бы руководители СССР и простые советские граждане году в 39-м к тому, что совсем скоро американские самолёты будут тысячами перегоняться через

⁸⁸ Невежин В. А. «Если завтра в поход...». М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 209–211.

⁸⁹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 13-е изд.: В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002. С. 90.

Дальний Восток и Сибирь, а за их штурвалы сядут сталинские соколы? И уж совсем фантастикой должна была показаться выгрузка английских танков и самолётов в портах Мурманска по прямой инициативе злейшего врага СССР Уинстона Черчилля. Но История, как и обычно, прибегла к своему любимому средству излечения — иронии.

Само по себе налаживание эффективного диалога с руководителями США и Великобритании в области военных и стратегических поставок относится к числу достижений сталинского руководства. Если учесть постоянно оказываемое давление с целью инициации второго фронта в Европе, активное лоббирование интересов СССР не только в текущем времени, но и на перспективу, фактическое продавливание национальных интересов в устройстве европейского, азиатского и мирового порядка, особенно на финальном этапе войны (Тегеранская и особенно Ялтинская конференции, Потсдам), то нельзя не признать как колоссальных личных усилий И. В. Сталина, так и достаточно ощутимых результатов его деятельности. История с послевоенным обустройством Польши является одной из «хрестоматийных», но вспомним, что в декабре 1941 г., в один из самых сложных периодов отечественной истории, Сталин вёл переговоры с Иденом, категорически отстаивая советские интересы в прибалтийском вопросе:

Тов. Сталин тогда задал вопрос, необходимо ли для урегулирования вопроса о балтийских государствах специальное решение британского правительства? Данный вопрос является аксиоматическим. СССР ведёт жестокую борьбу с гитлеровской Германией. Он несет тяжчайшие жертвы, теряя сотни тысяч людей в общей борьбе с Великобританией, нашим союзником. На его плечах лежит главная тяжесть войны. В таких условиях нужно ли еще решение британского правительства для признания западной границы СССР? Разве этот вопрос не является аксиоматическим?

Иден заметил, что юридическая позиция такова: в настоящий момент для британского правительства три балтийских государства не существуют. Они не имели дипломатического статуса. Балтийские посланники, которые еще продолжают существовать в Лондоне, сохраняют свое положение лишь в порядке любезности. С ними британское правительство не ведет никаких переговоров, не обменивается нотами, документами и т. д. Однако исполнить желание тов. Сталина и официально признать границу СССР 1941 года Идеи сейчас не может. Он вновь повторяет здесь ту мотивировку, которую приводил на предшествующем заседании.

Тогда тов. Сталин заявил, что в таком случае будет очень трудно прийти к заключению договоров, о которых идет речь.

Идеи еще раз возвращается к своей мотивировке, напоминая, что британский премьер-министр уже давно публично заявил, что Англия не может признать никакого изменения границ в Европе, происшедшего на протяжении войны.

Тов. Сталин возразил, что вчера он поставил вопрос о признании британским правительством, по крайней мере, границ СССР, как они были в 1941 году. Наши войска могут в близком будущем вновь занять балтийские государства. Что же, Великобритания в этом случае откажет нам в признании этих границ?

Иден снова, с легкими вариациями, повторил уже изложенную выше мотивировку отказа.

Тов. Сталин тогда спросил, куда же может завести Англию подобная постановка вопроса? Завтра Англия, пожалуй, заявит, что она не признает Украины, как части СССР.

Иден ответил, что тут имеется явное недоразумение. Англия не признает лишь изменений границ, происшедших во время войны. Между тем Украина до войны составляла часть СССР. К ней поэтому никак не может относиться вышеупомянутое заявление премьера.

Тов. Сталин ответил, что позиция, занятая Иденом, в сущности ничем не отличается от позиции, которую в свое время занимало правительство Чемберлена в вопросе о балтийских государствах. Тов. Сталин чрезвычайно удивлен данным обстоятельством, но если это так, то, очевидно, будет очень трудно прийти к соглашению о заключении договоров.

Идеи выразил сожаление по поводу последнего заявления тов. Сталина и вновь вернулся к своей аргументации, на этот раз особенно подчеркнув необходимость предварительной консультации с Америкой по вопросу о западной границе СССР. В заключение он указал на ту разницу, которая, по его мнению, существует между положением вещей в 1939 году и 1941 году. Тогда британское правительство признавало балтийские страны независимыми государствами. Сейчас оно не признает их независимого существования, и потому фактическая ситуация резко изменилась.

Тов. Сталин заметил, что положение создано чрезвычайно смехотворное.

Иден согласился, что положение действительно может казаться смехотворным, однако заявил, что он не считает данный вопрос такой важной политической проблемой. Балтийские государства перестали существовать. Фактически они стали частью Советского Союза. Желает ли тов. Сталин, чтобы британское правительство признало балтийские государства частью СССР де-юре?

Тов. Сталин ответил: мы находимся сейчас в гуще величайшей войны в истории, а вы увлекаетесь тонкими формулами относительно де-юре и де-факто. Это сейчас несвоевременно. В соответствии с Кон-

ституцией СССР три балтийских государства составляют часть его. Это является результатом проведения в них плебисцита, во время которого огромное большинство населения высказалось в пользу вступления в Советский Союз. Если СССР сохранит три балтийские республики в своей Конституции, станет ли британское правительство против этого возражать?

Иден ответил, что британское правительство, конечно, не может иметь по этому поводу никаких возражений.

Тогда тов. Сталин сказал, что если это так, то должны быть найдены слова для выражения данного положения.

Идеи вновь повторил свою прежнюю мотивировку и только добавил, что Атлантическая хартия не допускает изменения статуса государств без согласия на то их населения. Впрочем в данном конкретном случае, пожалуй, требование Атлантической хартии может считаться имеющимся налицо.

Тов. Сталин реагировал на это замечанием, что если Идеи не изменит своей позиции, то придется отложить подписание договоров.

Иден ответил, что вопрос о том, подписывать или не подписывать договора, зависит от советского правительства. Он, однако, не думает, чтобы явилось достаточно оснований отказываться от подписания договоров, если даже вопрос о западной границе СССР сейчас не может быть разрешен вполне удовлетворительно. Договора могли бы как раз облегчить признание со стороны Великобритании и Соединенных Штатов советских границ 1941 г.

Тов. Сталин возразил, что вся война между СССР и Германией возникла в связи с западной границей СССР, включая, в особенности, балтийские государства. Он хотел бы знать, готова или не готова Англия, наш союзник, поддержать нас в восстановлении этих границ?

Идеи вновь возвращается к своей мотивировке отказа признать границу и напоминает, что во время советско-польских переговоров, предшествовавших подписанию договора 30 июля, он также отказался признать границы Польши, на которых настаивал Сикорский.

Тов. Сталин подчеркнул, что мы связаны статьями нашей Конституции. Идеи ответил, что он не связан статьями нашей Конституции, но зато связан заявлениями британского премьера по вопросу о границах, а также своим обещанием Рузвельту не принимать на себя каких-либо обязательств в данной сфере без предварительной консультации с Соединенными Штатами. К тому же весь вопрос о западной границе СССР встал перед ним сегодня в несколько неожиданном виде. Выезжая из Лондона, он не знал, что от него потребуется официальное признание западной границы СССР, как она была в 1941 году.

Тов. Сталин вновь вернулся к нелепости создавшегося положения. Завтра советские войска могут занять три прибалтийские республики, а Англия, пожалуй, на мирной конференции станет возражать против этого занятия? Самое лучшее в создавшейся обстановке — отложить подписание договоров.

Иден ответил, что если бы советские войска завтра заняли балтийские государства, это доставило бы ему величайшее удовлетворение.

Тов. Сталин возразил, что в таком случае он совершенно не понимает позицию британского правительства. Как будто бы союзник должен поддерживать союзника. Если бы кто-нибудь пришел к нему и сказал, что необходимо выделить Ирландское свободное государство из Британской Империи, он просто прогнал бы его. Если Великобритания пожелала бы иметь воздушные морские базы в Бельгии и Голландии, он, конечно, оказал бы ей в этом всякую поддержку. Так должен вести себя союзник в отношении союзника. Если Англия не считает для себя возможным занять подобную позицию, то лучше тогда отложить подписание договоров и остаться при том пакте взаимопомощи, который был заключен между обеими странами в июле месяце.

Иден заметил, что неподписание договоров вызвало бы большое разочарование в Англии и в доминионах. В этих договорах, ведь, нет ничего такого, что ослабляло бы позицию СССР в своем требовании на признание границы 1941 года.

Тов. Сталин возразил, что общественное мнение имеется не только в Англии, но также и в СССР. И если бы наше общественное мнение услышало ту дискуссию, которая происходит на сегодняшнем заседании, то оно пришло бы в ужас, и ему с Молотовым очень не поздоровилось бы, если бы они подписали договора без признания границ 1941 года...⁹⁰

Дипломатия Сталина была продолжением его военной деятельности, а полководческие усилия отчасти корректировались дипломатическим контекстом. При всех попытках быть объективными, мы должны признать безусловный приоритет национальных интересов при выстраивании линии поведения с вынужденными союзниками, от которой Сталин не отступал никогда. Даже выглядящее на первый взгляд явной уступкой «капиталистам» решение о роспуске Коминтерна в действительности являлось частью стратегической линии Сталина на смену парадигмы мировой революции парадигмой имперской. Коминтерн в новые реалии явно не вписывался, поэтому его ликвидация являлась удачной возможностью «совместить приятное с полезным», чем Сталин не преминул воспользоваться.

Стиль сталинского руководства в военной сфере столь же многократно становился предметом внимания — правда, чаще в популярной литературе, что не вполне верно и не вполне доста-

⁹⁰ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945. М.: Наука, 2004. С. 56–60.

точно. Именно от стиля, от «того, как» нередко зависит и качество принимаемых решений, и их проводимость в жизнь. В авторитарности сталинского управления вряд ли можно усомниться. Отметим лишь, что откровенный диктат, воспринимавшийся практически всеми как неотъемлемая часть крайне сложной обстановки, основывался на исключительно тщательной выработке решений и относился практически полностью к исполнению таковых, но не к «продавливанию» точки зрения Верховного. Д. А. Волкогонов так охарактеризовал методику работы Сталина:

Сталин выработал удобную линию поведения при планировании операций, которая позволяла сохранять высокое реноме главного полководца и фактически не рисковать своим авторитетом. Внимательный анализ архивов Ставки свидетельствует, что Сталин обычно излагал свои идеи в двух аспектах. В самом общем виде, как, например, он сделал это на совещании в Ставке в январе 1942 года: «Надо не давать врагу передышки и гнать врага на запад...» Идея носила характер общего пожелания, отражала настроения широких масс советских людей, но не содержала конкретного стратегического замысла. Она не учитывала наши возможности «гнать без передышки», способность врага противодействовать этому намерению, не выдвигала форм и способов реализации идеи. Это намерение политического, государственного деятеля, но не полководца.

Другой аспект связан с корректировкой, уточнением конкретного плана, замысла и сроков. Но поскольку эти замечания Сталина были резюмирующими, заключающими, подводящими итоги, они производили особое впечатление. Хотя весь план — его содержание, последовательность осуществления, вопросы взаимодействия, материально-технического обеспечения, глубина задач — был всесторонне проработан Генштабом, заключительные «мазки» на картине принадлежали Сталину, который после этого считался как бы творцом всей идеи...

...За годы войны Ставка издала и направила в войска несколько тысяч директив, приказов, указаний. Конечно, во все эти директивные документы Сталин был не в состоянии вникнуть, но наиболее важные он просматривал, корректировал, иногда возвращал на доработку, дописывал собственной рукой фразы, абзацы.

Иногда Сталин сам диктовал от имени Ставки телеграммы командующим и штабам. В них всегда было больше менторского, поучающего (иногда с угрозами) и меньше конкретных указаний, имеющих оперативную ценность...⁹¹

⁹¹ Волкогонов Д. А. Сталин. Политический портрет. В 2-х книгах. М.: Новости, 1992. С. 285–289.

Согласившись в общих чертах, автор поспорил бы с уважаемым исследователем в части последних замечаний: не следует преуменьшать вклад Верховного в непосредственное составление документов. Что до «работы над образом», то здесь Сталин, безусловно, не мог не отдавать себе отчёта в собственной публичности и абсолютной необходимости сохранения ореола определённой непогрешимости. Этот психологический фактор оказывал большое влияние и на армию, и на тыл, и, конечно же, на генералитет.

В целом личные привычки Сталина, его стиль общения с соратниками и подчинёнными, нюансы, привнесённые в это общение войной, в достаточной степени разбросаны по страницам мемуаров, вошедших в антологию. Предоставим читателю возможность разобраться самому, ограничившись лишь замечанием, что стиль этот был глубоко «авторским», узнаваемым, вызывавшим противоречивое, но, в целом скорее позитивное отношение у ближнего круга лиц, осуществлявших основное взаимодействие с Главкомандующим. Этот стиль — составная часть Войны, составная часть отечественной истории.

Подводя итоги деятельности Сталина как полководца, уместно напомнить, что она разворачивалась в достаточно экстремальных условиях. Лишь часть предвоенных установок на развитие армии оказалась подтверждённой, лишь отчасти подготовка армии и её резервов оказалась соответствующей нестандартности ситуации. В условиях катастрофического обрушения фронтов и полного слома стереотипных ожиданий критериями адекватности системы и её руководства могут выступать лишь два фактора: фактор устойчивости и фактор приспособляемости к меняющейся обстановке — то есть, в конечном итоге, обучаемости. Первый критерий был выполнен. Система устояла и сохранилась. Советский Союз не был разгромлен в летне-осенние месяцы 1941 г., армия не прекратила своё существование, правительство не покинуло не только страну, но и столицу, смены власти или модификации режима не произошло.

Со вторым сложнее. Весьма компетентный военный аналитик, сотрудник Центра военного прогнозирования, член-корреспондент Академии военных наук А. Д. Цыганок полагает, что ключевым негативным фактором сталинской системы в предвоенные годы оставался примат политической идеологии над прагматическими требованиями: «...на самом высшем уровне этот принцип до начала войны остался, и именно политические

догмы оказали наиболее отрицательное влияние на высшее военное руководство страны, где военные в угоду политическим целям поступались профессиональными знаниями, нарушив законы войны и почти ничего не сделав для стратегической обороны»⁹². В результате, по мнению эксперта, возникла военная структура, не обладавшая в годы войны должной эффективностью.

Такая оценка представляется слишком категоричной. Несомненно, инертность и идеологические клише были свойственны сталинской военной машине в течение всей войны, а также после неё. Однако сама эта система, как и её лидер, продемонстрировали высокую способность к акцептуации новых навыков и новой информации. Несмотря на замедленность этого процесса, не позднее чем через полтора года после вступления в войну были выработаны механизмы усвоения опыта войны, что представляется крайне значим. Можно спорить о том, много это или мало. Но споры останутся схоластикой, поскольку не ясны критерии оценки. Как быстро усваивали опыт американцы в боях на Тихом океане? Сколь эффективно учились воевать англичане в Африке, Сингапуре, Бирме? Как в принципе обстояло дело с усвоением опыта войны у японцев и итальянцев? Сделали ли выводы из поражений 1940 г. офицеры «Свободных французских сил»? Очевидно, что тут не существует универсальной линейки. Фактом остаётся то, что и в военном смысле система, созданная Сталиным, продемонстрировала выживаемость, а значит — свою прочность, устойчивость, способность к модернизации и, в конечном итоге — свою эффективность.

Одним из последних камней преткновения в дискуссии о Сталине-полководце остаётся пресловутая «цена Победы». Попавшая в список «трудных вопросов истории России», она нередко выступает как действительно последний аргумент в споре. Да, победили, но... какой ценой? Как представляется, и сам список «трудных вопросов», и сама по себе его идея слегка сомнительны, но вопрос о цене Победы сомнителен концептуально. Отношение к нему, на наш взгляд, всецело определяется двумя следующими обстоятельствами. Прежде всего, как и в вопросе о жертвах репрессий, наличествует неустранимый до сих пор диссонанс в численных данных. Для того, чтобы его оценить, достаточно

⁹² Цыганок А. Д. Дилетантство Сталина. 18 января 2006 // URL: <http://www.polit.ru/article/2006/01/18/stalin/2006>]

оценить разброс оценок потерь РККА и вермахта за годы войны. Авторы многочисленных исследований дают шокирующе различающиеся цифры. Так, по официальным данным Министерства Обороны РФ, безвозвратные потери СССР составили 8860400 чел. Германия потеряла порядка 6,5 млн чел.⁹³ В то же время скрупулёзные подсчёты Б. В. Соколова дают цифры потерь в действующей армии в 26 млн чел. для СССР и 2,6 млн чел. для Германии⁹⁴. Столь разительно отличающиеся данные (от соотношения 1,3:1 до соотношения 10:1) всякому человеку, мало-мальски знакомому с методикой экспериментальных и статистических исследований, говорят лишь о глубочайшей неисследованности вопроса и абсолютной невозможности окончательных выводов, не окрашенных толстым слоем идеологической краски. Анатомию манипуляций с цифрами потерь достаточно адекватно раскрывает Ю. А. Веремеев⁹⁵.

Однако для нас в данном случае гораздо более актуальна нерешённость проблемы и, следовательно, концептуальная немислимость списания на совесть И. В. Сталина сколь бы то ни было «неординарных» потерь РККА в годы войны. Воздержавшись от каких-либо оценок, ограничимся лишь цитированием речи У. Черчилля в палате Общин 13 мая 1940 г.: «Вы спросите, какова наша цель? Я могу ответить одним словом: победа, победа любой ценой, победа, несмотря на весь ужас, победа, каким бы долгим и трудным ни был путь; потому что без победы не будет жизни».

* * *

Послевоенный период в биографии Сталина-полководца исключительно важен. Ситуация, в которой оказалась страна, была в целом беспрецедентна. С одной стороны, в активе была победа над Германией, колоссальный рост боевых возможностей армии (прежде всего, конечно, сухопутных войск и авиации), накопление серьёзного тактического и стратегического опыта. Нет ни малейшего сомнения в том, что Красная Армия образца 1945 г. не имела себе равных в проведении операций фронтового

⁹³ Людские потери СССР в Великой Отечественной войне: Сборник статей. СПб., 1995. С. 514.

⁹⁴ Соколов Б. В. Кто воевал числом, а кто — умением. Чудовищная правда о потерях СССР во Второй Мировой. М.: Яуза-Пресс, 2011. С. 42–86.

⁹⁵ Веремеев Ю. Г. Красная Армия в начале Второй мировой: Как готовились к войне солдаты и маршалы. М.: Эксмо, Алгоритм-издат, 2010. С. 14–20.

масштаба. Единственная армия, которую можно с ней сравнить, американская, к тому времени проводила либо десантные операции на островах Тихого океана, либо организовывала на европейском театре наступления, не идущие ни в какое сравнение с масштабами Восточного фронта. К тому же, как показал опыт Арденн, при малейшем серьёзном сопротивлении наступление союзников фактически захлёбывалось. В этом контексте приходится признать, что открытие второго фронта в Европе ранее 1944 г. для войск союзной коалиции в самом деле являлось бы техническим самоубийством. О британской армии, как и об армиях доминионов, разумеется, говорить как о сопоставимой с Красной Армией силе не приходилось.

Не менее важно то, что, благодаря постоянно иницируемой Сталиным и неослабевающей работе как производство военной продукции, так и НИОКР находились на высоком уровне. На вооружении стояли многочисленные передовые образцы военной техники, и гораздо более солидные разработки либо запускались в производство, либо готовились к нему. Каток военной машины Красной Армии, привыкший за два с лишним года непрерывного наступления к постоянному движению, был остановлен в определённой мере искусственно.

Качество операторов этой техники и командного состава, всей системы управления войсками, а также само по себе оперативно-тактическое искусство находились на весьма высоком уровне. Красная Армия научилась достаточно эффективно воевать и гарантированно решала задачи на полях сухопутных сражений.

Пассив, однако, впечатлял не меньше. За спиной Красной Армии находилась страна с разорённой промышленностью, разрушенной инфраструктурой, подорванным и неэффективным сельским хозяйством. По оценкам ЦСУ Госплана СССР, общий экономический ущерб, нанесённый стране (с учётом прямых и косвенных потерь), примерно в 14 раз превышал все инвестиции в народное хозяйство за все довоенные пятилетки вместе взятые⁹⁶. Как образно отметил в одной из своих последних речей президент США Дж. Ф. Кеннеди, потери СССР в войне

⁹⁶ Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. С. 192.

были примерно эквивалентны потере США всех территорий к востоку от Чикаго.

Любые репарации и конфискации имущества побеждённых противников даже в малой степени не могли компенсировать беспрецедентный понесённый ущерб в краткосрочной перспективе. Существенный эффект могли дать и давали лишь прямые заимствования технологий и опытно-конструкторских разработок инженеров Германии, вывоз в СССР конструкторских кадров.

В целом главной чертой военно-политической обстановки последнего сталинского периода (1945–1953 гг.) стала кардинальная смена расклада сил на мировой арене с далеко идущими последствиями. США, длительное время проводившие сознательно изоляционистскую политику, в кратчайший срок сосредоточили в своих руках как финансово-промышленную, так и военно-стратегическую инициативу в глобальном масштабе. Прежний лидер, Великобритания, фактически уже в 1940–1942 гг. стала стратегическим подразделением американских сил и самым крупным штатом Америки, органично встраиваясь в новый миропорядок. Европе же, благополучно самоистребившей собственные силы в шестилетней внутренней войне, в самостоятельной роли в новом мироустройстве было фактически отказано.

Совокупный потенциал сил, противостоящих СССР, определялся в послевоенные годы, разумеется, почти исключительно возможностями англо-американской военной промышленности, поскольку в силу объективных и субъективных причин остальные европейские страны оказались в основном выключены из этого соревнования. Приведём лишь одну строку статистики, дающую представление о масштабах проблемы. СССР за годы войны произвёл 157 тыс. самолётов всех типов. За этот же период в США было выпущено 324750 самолётов, в Великобритании — 131,5 тыс., в странах Британского Содружества — ещё 19,5 тыс. самолётов. Арифметическое трёхкратное превосходство «англо-саксонского мира» дополнялось ощутимым превосходством в технологиях и общей технической культуре: с июля 1944 г. в Великобритании находились на вооружении реактивные истребители, применение автопилота всю войну было нормой и в стратегической, и в ближней бомбардировочной авиации, а парное расположение пилотов и бортовые туалеты делали боевую работу даже на обычных двухмоторных машинах вполне комфортной. Заметим, что мы коснулись лишь одной точки противостояния двух миров,

а было и множество других. Так, количество кораблей всех типов только в ВМС США в 1945 г. составляло примерно 68000, а судостроительная промышленность обладала принципиально несопоставимым с СССР потенциалом. Для сравнения, 10-летняя программа развития отечественного флота, принятая в 1945 г., предусматривала постройку 1811 боевых подводных и надводных кораблей и 3759 вспомогательных и гражданских судов.

Важнейшим фактором было появление ядерного оружия и наличие у США флота бомбардировщиков для его доставки; это оружие в ближайшей перспективе (несколько лет) могло быть применено в достаточно массовых масштабах, а СССР до конца 1940-х гг. таковым не располагал.

Из этого проистекало, прежде всего, явное смещение приоритетов военного строительства и военной идеологии. Если до войны и в ходе неё Сталину противостоял принципиально аналогичный противник (концепция вооружённых сил Германии была в целом сопоставима с советской и исходила из близких установок), то теперь требовалась коренная смена парадигмы. В традиционной общевойсковой войне любого масштаба у англо-американского блока шансов на успех практически не было; в масштабной войне «через океан», с задействованием стратегической авиации и ВМФ, к нулю стремились уже шансы СССР. Ситуация противостояния Афин и Спарты в Пелопоннесской войне в очередной раз повторилась, но уже в глобальном масштабе. При общей патовости положения в военной сфере резкая разница между блоками в промышленном потенциале и отсутствие ядерного оружия вновь «обеспечивали» Сталину позицию догоняющей стороны. В краткосрочной перспективе положение Советского Союза было хуже, чем перед войной: если в 1930-е гг. можно было рассчитывать на относительный качественный паритет в военной технике и на существенное количественное превосходство, «давить массой», то теперь о количественном перевесе говорить не приходилось. Как показал послевоенный и послесталинский опыт, отчётливое превосходство в численности реализовать удалось лишь всё в тех же сухопутных силах и бронетехнике.

При этом угроза превращения «холодной войны» в войну горячую — по инициативе США — была вполне реальной и несколько раз могла реализоваться: «...сразу же после окончания Второй мировой войны американское военное командование и Объединенный Комитет начальников штабов стран Северо-

Атлантического блока разрабатывали варианты военно-стратегического плана ведения боевых действий против СССР и его восточно-европейских союзников с применением ядерного оружия и больших масс войск. Это — планы под кодовым названием «Тоталити» (1945 г.), «Троуджэн» (1948 г.), «Троян» и «Оффтэкл» (1949 г.). Наиболее зловещую известность приобрел план «Дропшот», утвержденный президентом США в конце 1949 года. В нем начало войны против СССР ориентировочно намечалось на 1 января 1957 года. Предполагалось, что к моменту нападения стратегический арсенал США будет насчитывать не менее 300 атомных бомб и 840 бомбардировщиков дальнего радиуса действия. СССР же, по расчетам разработчиков плана, имел бы в то время в лучшем случае 200 стратегических бомбардировщиков и ни одной единицы ядерного оружия»⁹⁷. Как было однажды сказано, эти годы были временем «безудержного оптимизма» для американских стратегов.

Именно поэтому показательны усилия, предпринятые Сталиным в те несколько лет, которые были отведены ему после войны.

Важнейшим решением была оптимизация расходов на оборону в соответствии с принципами разумной достаточности. Бюджетные ассигнования на ВПК сократились в три раза в 1945–1947 гг., в четыре раза была сокращена за тот же период численность армии. Основные средства перенаправлялись на восстановление и модернизацию промышленности в целом. Приоритетное внимание уделялось внедрению технических новинок: планами предусматривалось рассмотрение и оценка порядка 225 тыс. патентов, имеющих преимущественно немецкое и американское авторство.

Вместе с тем, катастрофическое состояние промышленности и финансов приводило к регулярному невыполнению планов производства как гражданской, так и военной продукции. Позитивные тенденции наметились в отечественной экономике лишь в 1948–1949 гг.

Однако достаточно чётко сформулированные приоритеты позволили добиться ощутимых результатов. Концентрация сил на ядерном проекте и создании реактивной истребительной

⁹⁷ *Симонов Н. С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. С. 191.

и действенной стратегической авиации являлись, вне всякого сомнения, абсолютно верными в создавшейся ситуации. Единственным сдерживающим фактором в противостоянии с США и Великобританией, монополизировавшими владение ядерным оружием, могло быть создание собственных ядерных зарядов в количестве хотя бы нескольких десятков и, самое главное — собственных мощностей, способных существенно наращивать выпуск ядерных зарядов в перспективе. Именно решение этой задачи создало предпосылки для отказа от планирования американским генералитетом прямой бомбовой атаки СССР на рубеже 1940–1950-х гг. Отметим попутно, что инсинуации по поводу якобы непонимания Сталиным роли ядерного оружия в годы войны, а также советской атомной бомбы, являющейся будто бы результатом исключительно шпионских усилий, до сих пор встречаются в печати и в массовом сознании. Они, как минимум, недобросовестны, поскольку первые концепты ядерных боеприпасов предлагались, рассматривались и отвергались ещё до войны (проект ХФТИ 1940 г.), а активизация советского атомного проекта произошла в мае-октябре 1942 г., когда НКВД была получена и осмыслена информация о развитии работ по аналогичным программам за рубежом, а результаты этого осмысления представлены Л. П. Берией Верховному Главнокомандующему. Достаточно ясное представление о принципах ядерной реакции и боевой мощи ядерного оружия было у Сталина с осени 1942 г., то есть ещё до Сталинградской битвы. В этом смысле нужно было обладать интеллектом и информированностью Гарри Трумэна, чтобы искренне рассчитывать удивить или напугать Сталина в Потсдаме сообщением о взрыве в Аламогордо.

Куда важнее другое. Никакие «подсказки» со стороны разведки не могли заменить колоссальной работы по созданию инфраструктуры и мощностей для серийного производства ядерных боеприпасов. Отсутствие разведывательной информации могло задержать создание советского ядерного устройства на несколько лет, не более. В этом смысле вновь отдадим должное И. В. Сталину и в отношении своевременного выделения части катастрофически недостающих сил на реализацию атомной программы, и в плане внимания, уделённого его спецслужбами зарубежному опыту. Впрочем, интересующихся подробностями отошлём к обширной специальной литературе, в частности — к объёмной статье А. Н. Медведя «К истории создания отечественной ядерной бом-

бы», опубликованной в шести последовательных номерах журнала «Двигатель» (вып. 3, 4, 5, 6 за 2009, вып. 1 и 2 за 2010 гг.)⁹⁸.

Не менее важными были усилия по созданию современной истребительной авиации. Многочисленные опыты с жидкостно-реактивными двигателями, а также разработки отечественных воздушно-реактивных двигателей, ведшиеся с 1933 г., увенчались достаточно скромными успехами. В итоге к концу войны советские авиаконструкторы, располагая достаточно совершенными поршневыми моторами, не имели в своём распоряжении пригодного к использованию ТРД. Выход был найден прямым копированием трофейных немецких Junker-004 (РД-10) и BMW-003 (РД-20), а также закупками британских Rolls-Royce Nene и Rolls-Royce Derwent, после определённой переделки ставших ВК-1 (РД-45) и РД-500. В первом случае имел место факт репарации, во втором — отчасти промышленного шпионажа, поскольку британцы оговорили неиспользование купленных двигателей в боевой авиации. Однако нельзя оценить нарушение этого соглашения иначе как положительно: в условиях откровенного ядерного шантажа бывшими союзниками соблюдение моральных нормативов выглядело бы противоестественно. Как бы то ни было, истребительная авиация СССР, как показал корейский опыт её применения, получила возможность эффективно отражать воздушные атаки стратегической авиации нового поколения, нанося агрессору неприемлемые потери, что всегда было весьма болезненно для американско-английских ВВС. Отметим, что достигнуто это было ещё при жизни Сталина и, следовательно, именно ему должны быть отданы лавры создания нового щита ПВО СССР, поскольку адекватную защиту от стратосферных бомбардировщиков могла обеспечить вплоть до начала 60-х гг. только истребительная авиация. Показательно, что принятие на вооружение МиГ-15, МиГ-15бис и МиГ-17 (с 1949 по 1951 г.) и развёртывание их массового производства было осуществлено чрезвычайно быстро для послевоенного состояния отечественного военпрома.

До создания и принятия на вооружение межконтинентальных баллистических ракет (1957–1960 гг.) оставалось ещё почти десятилетие. Основным носителем ядерных зарядов всё это время оставались стратегические бомбардировщики. Учитывая вы-

⁹⁸ См.: *Медведь А. Н.* К истории создания первой отечественной ядерной бомбы // *Двигатель*. 2009. Вып 3, 4, 5, 6; 2010. Вып. 1, 2.

шеприведённые данные о потенциале авиапрома, рассчитывать на паритет в этой сфере с США было бы безумием. Однако создание действенной современной стратегической авиации всё равно стояло в повестке дня. Советские ВВС должны были, во всяком случае, обозначить действенную угрозу примерно десятку баз США в Европе, на Дальнем Востоке и к югу от СССР — речь о существенном ущербе территории и промышленности США не шла в силу технической невозможности его реализации в то время. В этом смысле весьма прозорливым следует признать решение Сталина о копировании и серийном выпуске весьма удачного и во многом опережающего своё время американского бомбардировщика В-29 «Стартофортресс». История эта общеизвестна, отметим лишь, что основными её последствиями стал существенный качественный технологический скачок отечественной промышленности (не только и даже не столько авиационной), а также выпуск в достаточно сжатые сроки более чем 1200 Ту-4, обозначивших ответную угрозу вполне зримо. Не менее значимым было и начало серийного производства в 1949 г. реактивного фронтового бомбардировщика Ил-28, обеспечивавшего, в частности, применение тактического ядерного оружия на возможных европейском и азиатском ТВД.

В целом стоит признать, что приоритеты оборонных разработок в послевоенные годы оценивались И. В. Сталиным вполне верно. Интенсивная опытно-конструкторская работа велась параллельно с созданием базы для массового выпуска как традиционных, так и принципиально новых видов вооружения и военной техники. Всё это позволило в крайне неблагоприятных условиях, в отсутствие союзников и при наличии реальной ситуации «осаждённой крепости» (гораздо более реальной, чем в 1930-х гг.) предотвратить развязывание Соединёнными Штатами войны против СССР. Угроза этой войны была абсолютно реальна и не могла быть снята никакими миролюбивыми шагами СССР в силу его абсолютной несовместимости с принципами нового миропорядка, который пытались выстроить наши недавние союзники. Единственным противоядием могла быть растущая боеготовность.

По отдельным видам военно-промышленного производства с 1945 г. по 1950 г., по данным Отдела ЦК ВКП (б) по машиностроению, были достигнуты следующие результаты:

1. В авиационной промышленности. Создано более 20 типов самолетов, из которых 9 приняты в серийное производство; 30 образцов новых моторов и реактивных двигателей, 2 реактивных двигателя

начали осваиваться в серийном производстве. Удельный вес реактивных самолетов в производстве авиационной техники увеличился с 1% в 1946 г. до 65% в 1950 году. Под опытное производство передано 12 предприятия с 520 тыс. кв. метров площадей и 40 тыс. рабочих и ИТР. Вновь созданы радиолокационный институт и 7 ОКБ по радиолокации.

2. В промышленности вооружений. Разработано и подготовлено к испытанию 55 типов оптических приборов и 156 типов опытных образцов вооружения, из которых 10 начали осваиваться в серийном производстве. Производственные площади и парк станков выросли в 1,5 раза, количество НИИ и КБ — более чем в 5 раз.

3. В промышленности боеприпасов. Созданы и проходят испытание несколько новых видов боеприпасов: гамма-бронепойные снаряды и гамма-авиационные бомбы, усилена мощность зенитного и морского выстрелов. Отработаны и осваиваются в серийном производстве 87 новых элементов боеприпасов (взрыватели, трубки, заряды, капсюли и т. д.). Организованы 7 новых НИИ и 4 КБ (в системе Министерства сельскохозяйственного машиностроения).

4. В бронетанковой промышленности. Принят в серийное производство новый средний танк Т-54, который по вооружению, проходимости и маневренности превосходит средний танк Т-34. Разработан новый тип тяжелого танка «730» и артиллерийского самохода «530», приняты на вооружение плавающий танк «740» и гусеничный бронетранспортер «750». В течение 1946–1949 гг. план по выпуску новой бронетехники не выполнялся в связи с конструктивной доработкой, технологической и производственной неподготовленностью предприятий Министерства транспортного машиностроения к выпуску новых машин. Отечественные станко-строительные заводы не обеспечили предприятия по производству бронетанковой техники специальным оборудованием (токарными полуавтоматами и зубодолбежными станками крупных размеров и т. д.)

5. В военном судостроении. Решена задача постройки цельносварных корпусов боевых надводных и подводных кораблей из сталей повышенной прочности. Освоен метод сборки корпусов из плоскостных и объемных секций, с применением специальной технологической оснастки. В результате внедрения мероприятий по стандартизации, нормализации и унификации на 55% сократилась номенклатура механического и судового оборудования, применяемого на кораблях. Из-за затягивания строительства новых судостроительных заводов плановые сроки сдачи боевых кораблей пока не выдерживаются»⁹⁹.

Может возникнуть ощущение, что морская составляющая оборонной мощи несколько страдала на фоне воздушно-ядерного

⁹⁹ Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. С. 202–203.

противостояния. Однако и здесь нельзя не признать рациональности сталинского подхода. Разумеется, абстрактно было бы неплохо обеспечить ВМФ авианосными соединениями, как этого хотели наиболее прогрессивные адмиралы и, в частности, Н. Г. Кузнецов. Однако в реальности СССР, безусловно, не мог себе позволить не только авианосцев, но и тяжёлых крейсеров, столь ценимых Сталиным. В итоге «проект 24» так и остался на стадии разработки, а ВМФ СССР отводилась в послевоенные годы явно второстепенная, оборонительная по преимуществу, роль — как, впрочем, и до войны. Принцип «по одежке протягивай ножки» в данном случае соблюдался неукоснительно.

При этом надо понимать, что Сталин прекрасно осознавал — единственным возможным театром широкомасштабной войны оставалась Европа. Именно поэтому исторически сложившаяся за годы войны и во многом предельно оптимальная структура ВС в целом сохранялась, огромный опыт их применения тщательно анализировался и фиксировался. Видимо, допустимо сказать, что сталинская РККА довоенного образца была грандиозным и устрашающим механизмом, не прошедшим реальных войсковых испытаний, «потенциальной великой армией», чьи возможности неадекватно оценивались и в СССР, и за рубежом. Столкновение с реальностью выявило, пожалуй, больше проблем, чем достоинств этого механизма. Поэтому сталинская СА послевоенного образца с полным на то основанием должна быть признана не менее грандиозной машиной, но прошедшей жесточайшую и всестороннюю обкатку в боевой обстановке. Её потенциал был абсолютно реален и, в целом, адекватно оценивался и друзьями, и противниками. Именно эта «реальность» боевых возможностей, без сомнения, обеспечила возможность сохранения государственного суверенитета СССР и преемственность его политической системы в послевоенные годы. Заслуга Сталина в этом чрезвычайно велика, и нам ни при каких обстоятельствах не стоит упускать из виду, что угроза существованию России-СССР в конце 1940-х гг. была едва ли не большей, чем в иные исторические периоды.

Напоследок нельзя не сказать несколько слов о роли И. В. Сталина в создании новой системы международных отношений и в обеспечении Советского Союза новыми реальными и потенциальными союзниками. Как уже было отмечено, расклад сил на мировой арене существенно изменился. С одной стороны, произошла отчётливая поляризация англо-американского «по-

лумира», своего рода «англо-саксонской оси», которая вот уже семь десятилетий играет одну из важнейших ролей в мироустройстве. Сталин, кстати, одним из первых осознал потенциальную опасность этого процесса и ясно артикулировал её, назвав вещи своими именами. В знаменитом ответе корреспонденту «Правды» по поводу открывшей Холодную войну речи Черчилля в Фултоне (включён в антологию), Сталин в марте 1946 г. заметил: «По сути дела господин Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны. И господин Черчилль здесь не одинок, — у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки. Следует отметить, что господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира. Немецкая расовая теория привела Гитлера и его друзей к тому выводу, что немцы как единственно полноценная нация должны господствовать над другими нациями. Английская расовая теория приводит господина Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные должны господствовать над остальными нациями мира. По сути дела господин Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, — в противном случае неизбежна война». Сталин одним из первых уловил основной вектор послевоенной политики Запада — основанный на неоднократно озвучиваемом Черчиллем концепте «англо-говорящих народов» курс на построение рах Americana, принципиально неотличимый от расовых теорий довоенной эпохи.

Внятные альтернативы Сталиным были намечены также достаточно ясно. Послевоенный военно-дипломатический курс СССР преследовал несколько отчётливых целей.

Прежде всего, это создание пояса безопасности в Восточной Европе. В основном к концу 1940-х гг., при активном вмешательстве Сталина, был завершён демонтаж остатков довоенных государственных систем в бывшем «санитарном кордоне» на за-

падных границах СССР и на Балканах. В результате возникла система народных демократий, в основном достаточно лояльных к СССР — будущая европейская составляющая Социалистического Содружества. Можно спорить о ценности Польши, Румынии, Венгрии, ГДР, Чехословакии как военных союзников в случае начала полномасштабной войны в Европе. Скорее всего, она была бы невелика. В отдельные периоды СССР тратил больше усилий на умиротворение членов Варшавского договора, нежели в принципе мог получить от него отдачи как от военной силы. Однако огромная важность установления Сталиным контроля над этими странами заключалась в вынесении в самый центр Европы передовой линии атакующей Советской Армии. Если бы Третья Мировая война в самом деле началась, марш-бросок танковых армий к Ла-Маншу «на одной заправке» НАТО вряд ли смогло бы не только парировать, но и ощутимо задержать. А без портов Западной Франции и Бенилюкса ответное вторжение и реванш в Европе были технически малоосуществимы. Во всяком случае, на западном направлении Сталин сделал всё, что было возможно. Явным и серьёзным провалом была политика в Югославии, хотя фактор личности Тито, скорее всего, не оставлял шансов на длительный союз с таким лидером, как Сталин.

Во-вторых, исключительную важность имело развитие военно-дипломатических усилий на Дальнем Востоке. В лице возглавляемого коммунистами Китая Советский Союз получил с 1949 г. один из самых весомых козырей в давлении на США и их союзников. Северная Корея картину усугубила. Новый расклад сил в корне изменял привычную конфигурацию международных отношений в Восточном полушарии, да и в мире в целом. Во всяком случае, потенциал системы СССР-КНР был исключительно велик. Не вызывает сомнения, что неспособность Н. С. Хрущёва наладить адекватный диалог с китайскими коллегами в силу патологического и искусственного антисталинизма усилила противоречия, в иной ситуации могущие уйти в тень. Во всяком случае, развал советско-китайского стратегического партнёрства в 1950–1960-х гг. стал одним из важнейших факторов усиления американо-английского альянса и реакционных сил в мире в целом. Представляется, что создание оси Москва-Пекин должно рассматриваться как один из наиболее значимых военно-стратегических успехов И. В. Сталина.

Наконец, в-третьих, важнейшим направлением становилась работа в «третьем мире» — развивающихся странах. Правда, при жизни

Сталина конфигурация этого процесса лишь намечалась: распад колониальной системы пошёл лавинообразным темпом в основном после его ухода. Вероятно, проникновение в Африку, Индокитай, Латинскую Америку, стань оно реальностью сразу после войны, открыло бы перед нами новые стороны личности Сталина-стратега и существенно изменило многие стороны развития военно-промышленного комплекса СССР — во всяком случае, со всей откровенностью поставило бы в ближайшую повестку дня вопрос создания океанского флота. Однако этого не произошло. И всё же есть одно направление, на котором Сталин успел более чем активно проявить себя — Ближний Восток. Безусловно, здесь в центре событий оказалось создание государства Израиль — один из наиболее удивительных процессов не только новейшего времени, но, возможно, и всей мировой истории. Редко когда столь взаимоисключающие и противоречивые тенденции оказывались соединены, а отдельные политики действовали бы столь вопреки традиции. Во всяком случае, на фоне активизирующейся антисемитской кампании в СССР откровенное лоббирование создания сионистского государства на территориях, ревностно контролируемых Британской империей, являлось одновременно и частью большой, тщательно продумываемой игры Сталина, и безусловно качественно новым шагом в его военно-политической стратегии. Сжатое и предельно ёмкое изложение перипетий этого процесса читатель найдёт в соответствующей главе капитального исследования В. Л. Вихновича¹⁰⁰. Ограничимся лишь согласием с тем, что в этой политике просматривается явно более сложная мотивация, чем стремление «насолить» англо-американскому миру, но скорее искреннее стремление Сталина к более справедливому устройству межгосударственных и международных отношений и явное «бескорыстие сталинской дипломатии и политики»¹⁰¹.

Впрочем, ещё раз подчеркнём: развивающийся мир был ещё настолько непостижимой и нелинейной системой, что строить здесь долгосрочные планы было просто нереально. Так, явным просчётом была недооценка потенциала арабских государств и необходимости тесных контактов с ними — однако в тот момент никто не представлял нефтяного потенциала Ближнего Востока. Вряд ли можно было вполне прогнозировать ту конфигурацию

¹⁰⁰ Вихнович В. Л. 2000 лет истории евреев в России. СПб.: Академия исследования культуры, 2012. С. 500–527.

¹⁰¹ Там же. С. 518–522.

арабо-израильского противостояния, которая является основной интригой не только региона, но и мировой политики уже около 70 лет. Да и в остальных частях Азии и Африки таились многочисленные неожиданности и подводные камни, начавшие выходить на поверхность в массовом порядке лишь с распадом Британской и Французской империй. Но — ни до громких побед, ни до катастрофических поражений Сталин не дожил. Блок с социалистическим Китаем и затяжная война в Корее, конец которой ему уже не суждено было увидеть, стали последними стратегическими операциями Иосифа Виссарионовича Сталина.

Подводя итог, — неизбежно промежуточный и по умолчанию неспособный стать окончательным, — отметим главное. Сталина-полководца и Сталина-стратега можно представить разным. За годы своей военной карьеры, пришедшейся на финал его жизни, он познал и сокрушительные поражения, и громкие победы, нередко разделённые лишь несколькими месяцами. Но, вне зависимости от обстоятельств, для Сталина были характерны исключительная ответственность в принятии решений, повышенная требовательность к себе и окружающим, многофакторный подход к анализу ситуаций и к решению проблем, а также чрезвычайно низкий уровень полководческого и политического авантюризма. Обратными сторонами этих качеств выступали определённая инертность в принятии решений и некоторая традиционность мышления, повышенная степень жёсткости руководства и, вероятно, преувеличение Сталиным роли личностного фактора. Однако стоит признать, что, в зависимости от ситуации, все эти качества могли принимать характер как позитивных, так и негативных привходящих обстоятельств. Не вызывает сомнения, что с исторической — и исключительно тяжёлой конкретно в его случае — ролью полководца Верховный Главнокомандующий Иосиф Виссарионович Сталин справился.

Предоставим читателю возможность ещё раз вчитаться в документы, оставленные самим Сталиным и близко знавшими его людьми, исследователями, посвятившими своё творчество изучению Сталина-полководца. В конце концов, нет ничего важнее и лучше собственного мнения, опирающегося на достоверные факты.

